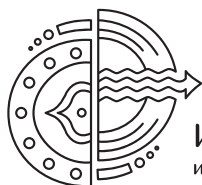

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2>

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2023. Том 13, № 2

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2023, vol. 13, no. 2

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2023

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2023

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences", 2023

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Абдуллин Х.М. Военная история Кичуйского фельдшанца в XVIII в.	10
Торопицын И.В. «Прибыл в Астрахань под протекцию Его императорского величества». Политический выбор между Россией и Крымом астраханских юртовских мурз	21
Файзрахманов И.З. Служилые татары в «украинском» походе российской армии в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг.	30
Омарова А.Ш. К истории Караван-Сарая Оренбурга	39
Габдрафикова Л.Р. Реисламизация крещеных татар в условиях революций начала XX в.: на примере села Апазово Казанского уезда	53
Миронова Е.В. 10 лет предводительства: деятельность казанского губернского предводителя дворянства С.Н. Теренина (1846–1897)	73
Галлямова А.Г. Татарское крестьянство Башкирской АССР в 1920–1950-е годы	83

Публикация источника

Белоусов М.Р. «Сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати как источник информации боярских списков об их готовности к полковой службе (середина XVII в.)	95
---	----

Новые книги, рецензии

Муртазина Ф.Г. Рецензия на книгу: Миронова Е.В. Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография (Казань, 2022)	117
Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Гайнетдинов А.М. Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпитафик истәлекләре (Казан, 2023)	123

Научная жизнь

Ахтямова А.В. Памяти Зии Камали (1873–1942) (к 150-летию со дня рождения)	128
Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Памяти Алтера Львовича Литвина (1931–2023)	143

CONTENTS

Articles

Abdullin Kh.M. Military history of the Kichuy fortification in the 18th century	10
Toropitsyn I.V. “Arrived in Astrakhan under the protection of His Imperial Majesty”. The political choice between Russia and the Crimea of the Astrakhan Yurt Murzas	21
Faizrakhmanov I.Z. Service Tatars in the “Ukrainian” campaign of the Russian army during the Seven Years War of 1756–1763	30
Omarova A.Sh. To the history of the Caravanserai of Orenburg	39
Gabdrifikova L.R. Re-Islamization of baptized Tatars during the revolutions of the early 20th century: on the example of the Apazovo village of the Kazan district	53
Mironova Ye.V. 10 years of leadership: the activity of the Kazan provincial leader of the nobility S.N. Terenin (1846–1897)	73
Gallyamova A.G. Tatar peasantry of the Bashkir ASSR in the 1920s–1950s	83

Publication of the source

Belousov M.R. “Tales” of members of the Sovereign’s Court – natives of the Turkic nobility as a source of information from boyar lists about their readiness for regimental service (mid-17th century)	95
---	----

New books, reviews

Murtazina F.G. Book review: Mironova Ye.V. Laishevsky district in the middle of the 19th – early 20th century: monograph (Kazan, 2022)	117
Aminov R.R. Book review: Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatar settlement of Kazan (Kazan, 2023)	123

Scientific life

Akhtyamova A.V. In memory of Ziya Kamali (1873–1942) (to the 150th anniversary of his birth)	128
Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. In memory of Alter Lvovich Litvin (1931–2023)	143

СТАТЬИ

УДК 93/94+908

Военная история Кичуйского фельдшанца в XVIII в.

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Выявление, изучение и составление наиболее полных данных об истории фортификационных сооружений на территории Российской Федерации остаются одним из актуальнейших вопросов современной исторической науки. Цель исследования – выявить и осуществить анализ данных историографии, картографических и исторических письменных источников по истории Кичуйского фельдшанца на Новой Закамской оборонительной линии в XVIII в. Не менее важная задача – актуализация интереса к истории фортификационных сооружений XVIII в., расположенных на территории Поволжья и Приуралья. Ведущим методом к исследованию данной проблемы стал комплексный подход, основанный на изучении разных видов источников. Материалы исследования: в работе задействованы специальные исторические исследования (монографии и научные статьи), картографические источники, законодательные акты, деловая переписка и опубликованные исторические источники XVIII в. Результаты и научная новизна работы: установлены факты широкого использования фортификационного сооружения Кичуйский фельдшанец Новой Закамской линии в ходе Башкирского восстания (1735–1740), применение фельдшанца как опорного пункта по сбору войск в связи с началом Семилетней войны (1756–1763), а также в ходе подавления Пугачевского восстания (1773–1775). Выявлены упоминания и описания Кичуйского фельдшанца в работах П.И. Рычкова, П.С. Палласа, А.С. Пушкина, факты посещения фортификационного сооружения И.И. Неплюевым, П.С. Палласом, В.А. Каром, Я.И. фон Брандтом. Материалы статьи могут быть использованы при подготовке обобщающих монографий по военной истории Российской империи, в преподавательской практике вузов при чтении лекций и проведении практических занятий, в разработке спецкурсов по истории фортификации.

Ключевые слова: Кичуйский фельдшанец, Новая Закамская линия, Башкирское восстание (1735–1740), Пугачевское восстание (1773–1775)

Для цитирования: Абдуллин Х.М. Военная история Кичуйского фельдшанца в XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13, №2. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.10-20>

Кичуйский фельдшанец¹ – это оборонительное укрепление, основанное в 1734–1736 гг. на Новой Закамской оборонительной линии (сохранился до наших дней, расположен в черте села Кичуй Альметьевского района Республики Татарстан). Полная военная история Кичуйского фельдшанца как оборонительного объекта еще не становилась предметом специального исследования. Но история организации строительства самой Новой Закамской линии, в том числе и интересующего нас фельдшанца, детально рассмотрена в монографии Э.Л. Дубмана [5]. Вот почему в данной статье на раннем периоде истории Кичуйского фельдшанца остановимся лишь тезисно, сосредоточившись на дальнейшей его военной истории.

Под Новой Закамской оборонительной линией стоит понимать систему оборонительных валов и фортификационных сооружений для защиты границ России, выстроенных в 1730-е гг. на территории нынешней Самарской области и Республики Татарстан.

Завершение строительства Старой Закамской засечной черты относится к 1657 г. Одной из причин строительства новой оборонительной линии в регионе следует считать неоднократные прорывы Старой засечной черты со стороны ногайцев и башкир. Кроме того, огромные плодородные территории Закамья не могли осваиваться без установления прочной защиты для желающих переселиться туда крестьян из числа русских, татар, мордвы и чувашей. Поэтому на данной территории еще императором Петром I было задумано возвести новую линию укреплений.

«Маршрут» Новой Закамской оборонительной линии начинался с Алексеевской крепости до Красноярской крепости и далее к Сергиевску, а оттуда на север – до реки Камы. Более половины укреплений составляли земляные валы высотой 4 м. После каждых 10–12 км «пути» вал прерывался крепостями или редутами. При этом через 300–350 м вал дополнялся реданами², целью строительства которых являлась возможность вести бой в трех направлениях [7, с.381].

Управление строительством располагалось в Самаре. Спроектировать новую линию было поручено тайному советнику Федору Васильевичу Наумову, для которого это было своеобразной ссылкой за участие в дворцовых интригах³. Официальной датой начала строительства следует считать 26 апреля 1732 г. В этот день императрица Анна Иоанновна подписала указ Сенату, определявший основные контуры будущей линии [12,

¹ Фельдшанец – земляное полевое оборонительное укрепление, использовавшееся в XVII–XVIII вв.

² Редан – открытое полевое укрепление, выступающее в сторону противника в виде острого угла.

³ Наумов Федор Васильевич (1692–1757) – российский политический деятель, генерал-лейтенант, действительный тайный советник, сенатор, член Ревизионной коллегии, главный судья Судного приказа (1737–1738), генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга (1740–1744).

т. VIII, №5993]. Предположительная протяженность фортификаций должна была составить около 320 верст.

В 1735–1736 гг. решение о строительстве укреплений на промежутке между реками Кичуй и Зай у села Русский Акташ (ныне Альметьевский район Республики Татарстан) было пересмотрено. Таким образом, конечной точкой линии становится Кичуйский фельдшанец у реки Кичуй. В тот период уже была сформирована и начала свою деятельность Оренбургская экспедиция. Немногим позже, после закладки города Оренбурга, Новая Закамская линия оказалась глубоко в тылу новых фактических границ России.

На строительство линии необходимо было направить 3 тыс. жителей Казанской губернии. Фактически ее строительство, как уже указывалось, началось в 1732 г. На следующий год из Казанской губернии было направлено уже 15 тыс. человек, фактически работавших в две смены. Первая смена длилась с 1 мая до 15 июля, вторая – до первых ощутимых холодов (1 октября). Охранные функции осуществляли три армейских драгунских полка. В окончательном виде линию составили следующие укрепления: крепости Алексеевская, Красноярская, редут Хороший, фельдшанец Чернорецкий, редут Орлямский, крепость Сергиевская, редуты Казанский, Суружский, Кандереимский, Тарханский, крепость Черемшанская, фельдшанцы Шешминский и Кичуевский [6, с.37].

Во вновь сформированные для охраны новой линии ландмилицейские полки переводились «служивые люди» укреплений Старой Закамской черты (не положенные в оклад). Именно из них было сформировано два первых конных полка ландмилиции (Биярский и Шешминский). Затем для Закамской ландмилиции сформировали еще два полка – Алексеевский (пеший) и Сергиевский (конный). Сюда «верстали» также служивых людей, но уже положенных в подушный оклад [16, с.18].

Ландмилицию предполагалось разместить в специальных военных поселениях. За службу воинские чины должны были наделяться пахотными землями и угодьями. Например, нижние чины жаловались землями от 22 до 55 десятин.

Позаботились и о величине новых населенных пунктов – в целях безопасности они должны были быть крупными (не менее 100 дворов). В период строительства линии сами эти полки продолжали оставаться на Старой Закамской засечной черте. Новые правила довольствия еще не применялись. Служащие полков продолжали получать денежное и хлебное довольствие (но земельные угодья в качестве оплаты не предоставлялись). Впоследствии денежное жалование даже было уравнено с аналогичным жалованием гарнизонных войск. Выдача же провианта для ландмилиции полагалась лишь в случае дальних выступлений и походов.

В штатах, утвержденных для этих полков в 1736 г., раскрывалась и их структура. Каждый конный полк ландмилиции делился на 10 рот, а пеший – на 8. В конных полках должны были состоять 37 офицеров, 73 унтер-

офицера, 920 рядовых, а также 31 человек из нестроевых чинов. В единственном Алексеевском пешем полку ландмилиции состав чинов должен был быть несколько иным: 31 офицер, 61 унтер-офицер, 1152 рядовых и 25 нестроевых. Всего в новой Закамской ландмилиции по штату полагалось иметь 142 офицера и 3912 нижних чинов. Также в каждом полку ландмилиции должны были состоять православный священник, военный лекарь и до 50-ти школьников, видимо, из солдатских детей. То есть численный состав Закамской ландмилиции составил немногим более 4 тыс. человек. [6, с.38].

На 1736 г. население Кичуйского фельдшанца составляли: 3 конные роты Шешминского ландмилицейского полка (102 чел.), 1 пешая рота Алексеевского ландмилицейского полка (156 чел.). В конце 1750-х гг. в селе Кичуй также были поселены крепостные крестьяне, принадлежавшие купцу Г.И. Глазову и работавшие на Богословском медеплавильном заводе.

Важными источниками по истории фортификационных сооружений также являются их планы и карты. Благодаря исследованию Р.Г. Букановой [3, с.87–99] известно о четырех картах Новой Закамской линии:

1. Карта Закамской линии 1731 г., составленная неизвестным автором⁴.

2. Карта Закамской линии 1734 г. за авторством инженер-прапорщика Л.Галафеева, А.Трегубова и поручика Бровцына⁵.

3. Карта Закамской линии 1735 г., составленная инженер-капитаном Бибиковым и инженер-прапорщиком Чириковым⁶.

4. Карта Закамской линии, составленная в 1737 г. кондуктором Моложиновым, проверенная и подписанная инженер-капитаном Бибиковым⁷.

В ходе поисковой работы нами недавно обнаружен непосредственно и сам план Кичуйского фельдшанца. В фонде Главного инженерного управления Российского государственного военно-исторического архива сохранился «План Кичуйского фельдшанца», выполненный на бумаге и датированный 1738 г.⁸

Кичуйский фельдшанец оставил свой след и в отечественной историографии.

Известный государственный деятель, географ, историк и краевед П.И. Рычков⁹ в своей знаменитой «Истории Оренбургской» отмечал, что в 1743 г. «...для свободного к Оренбургу из Казанского уезду поездка, учреждена, и разными деревнями до Кичуйского фельдшанца населена, на-

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.349. Оп.45. Д.2289.

⁵ РГВИА. Ф.349. Оп.45. Д.2286.

⁶ РГВИА. Ф.349. Оп.45. Д.2283.

⁷ РГВИА. Ф.349. Оп.45. Д.2288.

⁸ РГВИА. Ф.349. Оп.17. Д.3002.

⁹ Рычков Петр Иванович (1712–1777) – российский географ и историк, статский советник (1764), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1759).

званная Московская дорога, по которой от Оренбурга чрез помянутый фельдшанц до Казани по мере пятьсот дватцать две версты явилось» [14, с.74]. Именно Кичуйскому фельдшанцу отводилась ключевая роль в общении между Казанью и Оренбургом.

Кроме того, П.И. Рычков писал: «1744 году Тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев¹⁰, будучи определен Оренбургской губернии губернатором, по получении от Правительствующаго Сената о разных делах на все ево письменныя и словесныя представления полной и благоклонной резолюции, со всею бывшею при нем свитою отправился из Москвы в Оренбург марта 14 числа... Путь его был Ставропольским уездом до Кичуйского фельдшанца, на Закамской линии имеющагося, а от оного новаю дорогою от Оренбурга на Казань проложенною, нарочно для того, дабы по ней к поселению деревень назначенныя места самому ему осмотреть и по прибытии в Оренбург надлежащия к тому определения учинить. А по тракту от города Самары к Оренбургу для осмотра крепостей и тутошних жителей отправлен был от него тайного советника в Москве бывшей с ним асессор Рычков, по представлению которого 8 числа мая о всей той линии в Оренбургской губернии канцелярии обстоятельное определение учинено» [14, с.78].

В другой книге П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», изданной в 1762 г. и связанной с работой по составлению «генеральной карты» Оренбургской губернии и прилегающих к ней территорий Казахстана и Средней Азии, находим следующее: «Перешед же реку Шешму чрез имеющийся тут лес, на вершину речки Баграчъ верст на шестнадцать, учинена третья засека, а за ней при реке Кичуе сделан последний фельдшанец, где определено быть поселению. Сей фельдшанец разделяет ныне Казанскую и Оренбургскую губернии» [15, с.314]. Таким образом, вновь подчеркивается важность, рубежность этого фортификационного сооружения.

В 1768 г. в фельдшанце побывал участник Академической экспедиции П.С. Паллас¹¹, описывавший ее следующим образом: «От Татарской деревни Курмюшли ехали мы в низ по сим горам, и третьяго числа Октября по неезжаной дороге приехали к сделанному в мокром и непроходимом лесу так называемому Кичуйскому шанцу. Сей находится точно при речке Барише недалеко от ея устья в Кичуй, и принадлежал к мимо проведенной и почти до реки Ика простирающейся Сокамской линии, которая ныне уничтожается; ибо как сие место, так и все протчия, на сей линии построенныя крепости в ничто превращены, и учрежден один только ям на

¹⁰ Неплюев Иван Иванович (1693–1773) – российский государственный деятель, дипломат, мемуарист, действительный тайный советник (1751).

¹¹ Паллас Петр Симон (1741–1811) – российский путешественник и естествоиспытатель, один из основателей биогеографии и экологии, этнограф, лексикограф, автор первых трудов по истории российского естествознания; академик Петербургской Академии наук (1767).

большой от Оренбурга к Казани лежащей дороге» [11, с.146]. В своем дневнике к этой экспедиции он уточняет: «Но за этой татарской деревней большей частью нужно ехать ужасной дорогой через низинный, заросший лес в Кичуйскую крепость, на ручье Кичуй (Kitschui), где находится станция Оренбургского почтового тракта и ям» [1, с.596].

Подобного рода свидетельства современников дают повод думать о том, что Кичуйский фельдшанец был построен как оборонительный объект, но не использовался по своему прямому назначению. Однако сохранившиеся документы говорят об обратном.

В 1735 г., еще до официального окончания постройки Новой Закамской линии, в крае разгорелось Башкирское восстание, в ход которого втянулся Кичуйский фельдшанец и его гарнизон.

В доношении в канцелярию Шешминского полка от 9 июня 1735 г. сотник Надыровой волости Казанской дороги Надыр Уразметов¹² отмечал, что он должен был собрать служилых мешчеряков и татар и идти к месту строительства Оренбурга. Однако разразилось восстание, в связи с чем сотник Надыр Уразметов заявил, что он готов выехать на службу, но просил укрыть своих жен, однодеревенцев с детьми и женами в Кичуйском, Шешминском фельдшанцах или пригороде Заинске, «дабы от их, башкирского, нападения не возпринять конечно гибели» [9, с.30].

В документе, составленном из доношений Ф.В. Наумова и полковника И.Н. Татищева¹³ о нападениях восставших башкир совместно с татарами Казанского уезда на русские, татарские и марийские деревни, датированном сентябрем 1735 г., отмечалось, что 2 августа служилый татарин Исянгул Бикметев, житель деревни Ерыклы, был задержан мордовскими крестьянами и доставлен в Кичуйский фельдшанец. 16 августа из Кичуйского фельдшанца к И.Н. Татищеву обратился с письмом капитан Панов, который описывал, что к ним прибежал драгун Шешминского полка Кудеков, отправленный для покупки хлеба в мордовскую деревню Кузайкину, и объявил: в деревню прибежал мордвин Терешка и русский крестьянин из деревни Новой, имени которого он не знает, и рассказали, что они, будучи в Верхнем Акташе, видели близ той деревни большое скопление восставших башкир («полная степь, а сколько числом и куды они поедут, не знают»). 17 августа от Кичуйского фельдшанца прибыл драгун Шешминского полка Андрей Шестаковской и сообщил, что в полдень к фельдшанцу подошел отряд восставших башкир численностью около 200 человек, и произошло сражение,

¹² Уразметов Надир (1687–1758) – основатель Надыровской волости в Закамье, первый татарский нефтепромышленник в Урало-Поволжском регионе. В конце XVIII в. его потомство было возведено в российское дворянство.

¹³ Татищев Иван Никитич (1683–1754) – российский военачальник, первый воевода Исетской провинции (1738–1739). Участник штурма Нарвы (1704), Полтавской битвы (1709). В 1738 г. полковник Исетлинского ландмилицкого полка, с марта того же года воевода Исетской провинции.

длившееся около трех часов. Обороняющиеся потеряли убитым одного драгуна, а ранены были еще один драгун и капрал. Неприятель был отогнан за реку Кичуй. При этом на горах еще оставалось около 100 человек восставших. Весь скот, принадлежавший драгунам, был угнан ими за реку Кичуй. Неприятель остановился у моста. В тот же день на помощь к Кичуйскому фельдшанцу И.Н. Татищевым было направлено подкрепление из разных крепостей [9, с.60].

В 1756 г. по случаю начала Семилетней войны рапортом от 11 мая 1756 г. оренбургского губернатора И.И. Неплюева в Военную коллегия о сборе башкирского и мещеряцкого отрядов и казанских татар для похода на Украину определялся порядок сбора служилых людей для данного похода, где, в частности, отмечалось: «...назнача им зборные места по способности тракту, а имянно: с Сибирской и с Ногайской дорог в Уфу, а с Осинской и Казанской в Кичуйской фельдшанец, где им и являться и отдавать их определенным к препровождению их в Украину нижеозначенным штап-афицерам, куда и тех старшин, коих по прежде посланным указам для каждой дороги командирами к ним по одному, да в помощь им по одному ж изобрать и определить велено, собрать и отправить так, чтоб они прежде, нежели те мещеряки и башкирцы збираться туда начнут, уже в тех местах были и, принимая их в ведомство свое, под командою оных штап-афицеров между теми наряженными людьми спокойство и всякой доброй порядок наблюдали...» [8, с.492–495].

В эпицентре военных событий Кичуйскому фельдшанцу довелось оказаться и в период Пугачевского восстания. А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» пишет следующее: «Кар¹⁴ между тем прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор еще до приезда его успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат и расположить их частью около Кичуевского фельдшанца, частью по реке Черемшану, на половине дороги от Кичуева до Ставрополя¹⁵» [13, с.36].

Здесь речь идет о казанском губернаторе Я.И. фон Брандте¹⁶, который на заре восстания решил озаботиться безопасностью прежде всего границ Казанской губернии и только потом, по мере подхода подкреплений, мед-

¹⁴ Кар Василий Алексеевич (1730–1806) – генерал-майор. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг., командующий первой правительственной экспедицией, направленной на подавление восстания Е.И. Пугачева. Самовольно оставил войска и убыл в Москву, из-за чего был с позором уволен из армии с запретом проживать в столицах.

¹⁵ Ставрополь-на-Волге – современный Тольятти.

¹⁶ Брандт Яков Ларионович (Илларионович) фон (1714 (по другим сведениям – 1716) –1774), военный и государственный деятель, участник подавления восстания Пугачева. Генерал-аншеф (1773). Участник Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., Русско-шведской войны 1741–1743 гг. и Семилетней войны 1756–1763 гг. В 1764–1765 гг. – член Малороссийской коллегии (Киев). В 1765–1767 гг. – новороссийский, в 1770–1774 гг. – казанский губернатор.

ленно продвигаться к восставшему Оренбургу. В Казани, кроме караула, им было оставлено всего 322 солдата, собранных из разных армейских команд, прибывших с премьер-майором Нейдгартом для приема рекрут. Все остальные войска были направлены к Кичуйскому фельдшанцу, на границу губернии. Всего казанский губернатор смог собрать около 700 человек гарнизонных солдат, а также определенное количество поселенных солдат, вооруженных крестьян и пять орудий. Чтобы лично быть в курсе происходящих событий, Я.И. фон Брандт выехал из Казани в Кичуйский фельдшанец. Именно здесь, в Кичуйском фельдшанце, 17 октября 1773 г. он получает сообщение о добровольном переходе в сторону Е.Пугачева башкирского старшины Кинзи Арсланова и захвате повстанцами Воскресенского медеплавильного завода Твердышева с пушками, порохом и снарядами. В Кичуевском же фельдшанце произошла встреча Я.И. фон Брандта с генерал-майором В.А. Каром. Приняв войска и получив последние сведения об обстановке в регионе, В.А. Кар начал свою непосредственную деятельность по командованию операцией [2, с.150–153]. Считаем важным отметить, что в опубликованных источниках сохранилось несколько писем, которые Я.И. фон Брандт [2, с.174–175] и В.А. Кар [4, с.21–22] писали именно из Кичуйского фельдшанца.

Отсюда же, из Кичуйского фельдшанца, В.А. Кар начнет свой недолгий военный поход против Е.И. Пугачева, будет разбит повстанцами, проявит малодушие и, сказавшись больным, удалится в Москву [10, с.165–166].

На этом, собственно, военная история Кичуйского фельдшанца заканчивается и продолжается уже в качестве истории примыкавшего к нему села Кичуй, ныне Альметьевского района Республики Татарстан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абайдулова А.Г., Салмин А.К.* Причеремшанский дневник экспедиции П.С. Палласа // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т.160, кн.3. С.592–604.

2. *Анучин Д.* Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара // Военный сборник. № 5. СПб., 1869. С.139–181.

3. *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.

4. *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги Кара и Бибикова: (со снимком с приписки Бибикова на последнем его донесении Екатерины II). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1862.

5. *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.

6. *Кузнецов В.А.* Новая закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11. №2. С.35–41.

7. *Мальшева С.Г., Калашиник К.О.* Оборонительные сооружения засечных черт XVIII века в среднем Поволжье // Традиции и инновации в строительстве и

архитектуре. Градостроительство. Сборник статей под редакцией М.В. Шувалова. Самара: Самарский государственный технический университет, 2018. С.380–384.

8. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.4: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. Ч.2. М.: Академия наук СССР, 1956.

9. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 768 с.

10. *Овчинников Р.В.* Пушкинская заметка о генерале В.А. Каре // За Пушкинской строкой. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1988.

11. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Имп. АН, 1773.

12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. VIII. №5993. С.659 (Именной указ, данный Сенату «Об укреплении Царицынской линии» от 18 марта 1732 г.).

13. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т.7. История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники.

14. *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750) / под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра, секретаря комитета. Оренбург: Оренбургский губ. стат. ком., 1896. 95 с.

15. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1887. 405 с.

16. *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский университет, 1997. 190 с.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Поступила 07.04.2023

Принята к публикации 27.04.2023

Military history of the Kichuy fortification in the 18th century

Kh.M. Abdullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The identification, study and compilation of the most complete data on the history of fortifications on the territory of the Russian Federation remains one of the most pressing issues of modern historical science. The purpose of the study is to identify and

analyze the data of historiography, cartographic and historical written sources on the history of the Kichuy fortification on the New Zakamye defensive line in the 18th century. An equally important task is to actualize interest in the history of fortifications of the 18th century, located on the territory of the Volga region and the Urals. A comprehensive approach based on the study of different types of sources has become the leading method for the study of this problem. Research materials: the work involves special historical studies (monographs and scientific articles), cartographic sources, legislative acts, business correspondence and published historical sources of the 18th century. Results and scientific novelty of the work: the facts of the wide use of the fortification Kichuy Feldshanets of the New Zakamye line during the Bashkir rebellion (1735–1740), the use of the Feldshanets as a strong point for the collection of troops in connection with the beginning of the Seven Years War (1756–1763), as well as during the suppression of the Pugachev rebellion (1773–1775) have been established. Mentions and descriptions of the Kichuy fortification were revealed in the works of P.I. Rychkov, P.S. Pallas, A.S. Pushkin, the facts of visiting the fortification by I.I. Neplyuev, P.S. Pallas, V.A. Kar, Ya.I. von Brandt. The materials of the article can be used in the preparation of generalizing monographs on the military history of the Russian Empire, in the teaching practice of universities when giving lectures and conducting practical classes, in the development of special courses on the history of fortification.

Keywords: Kichuy fortification, New Zakamye line, Bashkir rebellion (1735–1740), Pugachev rebellion (1773–1775)

For citation: Abdullin Kh.M. Military history of the Kichuy fortification in the 18th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.10-20> (In Russian)

REFERENCES

1. Abaydulova A.G., Salmin A.K. Pricheremshansky diary of the expedition of P.S. Pallas. *Scientific notes of Kazan University. Humanities series*. 2018, vol. 160, book 3, pp. 592–604. (In Russian)
2. Anuchin D. The first successes of Pugachev and the Kara expedition. *Military Collection*. St. Petersburg, 1869, no.5, pp.139–181 (In Russian)
3. Bukanova R.G. *Fortified cities of the south-east of Russia in the 18th century. The history of the formation of cities on the territory of Bashkiria*. Ufa: Kitap Publ., 1997. 256 p. (In Russian)
4. Grot Ya.K. *Materials for the history of the Pugachev rebellion: Papers of Kara and Bibikov: (with a picture from Bibikov's postscript on his last report to Catherine II)*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1862. (In Russian)
5. Dubman E.L. *New Zakamye line: fate, project, construction*. 2nd ed., Samara: Samara University Publ., 2005. 196 p. (In Russian)
6. Kuznetsov V.A. New Zakamye line and the formation of landimilitia. *Izvestiya of Samara scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009, vol.11, no.2, pp. 35–41. (In Russian)
7. Malysheva S.G., Kalashnik K.O. Defensive structures of the 18th century zasechnye features in the Middle Volga region. *Traditions and innovations in construc-*

tion and architecture. Urban planning: collection of articles. Ed. by M.V. Shuvalov. Samara: Samara State Technical University Publ., 2018. Pp. 380–384. (In Russian)

8. *Materials on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 4: Economic and social relations in Bashkiria and management of the Orenburg Region in the 50–70s of the 18th century.* Part 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. (In Russian)

9. *Materials on the history of Bashkortostan. Orenburg expedition and Bashkir uprisings of the 30s of the 18th century.* Author-comp. N.F. Demidova. Vol. 6. Ufa: Kitap Publ., 2002. 768 p. (In Russian)

10. Ovchinnikov R.V. Pushkin's note on General V.A. Kar. *Behind the Pushkin line.* Chelyabinsk: South Ural Book Publ., 1988. (In Russian)

11. Pallas P.S. *Travel to different provinces of the Russian Empire.* Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1773. (In Russian)

12. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1.* Vol.7, no.5993, p.659. (In Russian)

13. Pushkin A.S. *Collected works in 10 volumes.* Moscow: Fiction State Publ., 1959–1962. Vol. 7. The history of Pugachev. Historical articles and materials. Memoirs and diaries. (In Russian)

14. Rychkov P.I. *History of Orenburg (1730–1750).* Ed. by N.M. Gutyar. Orenburg: Orenburg Gubernia. stat. com. Publ., 1896. 95 p. (In Russian)

15. Rychkov P.I. *Topography of the Orenburg province.* Orenburg: B. Breslin Publ., 1887. 405 p. (In Russian)

16. Smirnov Yu.N. *The Orenburg expedition (commission) and the annexation of the Volga region to Russia in the 30–40s of the 18th century.* Samara: Samara University Publ., 1997. 190 p. (In Russian)

About the author:

Abdullin Khalim Minnullovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0212-6953; ResearcherID: F-6652-2018; Scopus Author ID: 56707127600; e-mail: Xalimabd@mail.ru

Received April 7, 2023

Accepted for publication April 27, 2023

«Прибыл в Астрахань под протекцию Его императорского величества». Политический выбор между Россией и Крымом астраханских юртовских мурз

И.В. Торопицын

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация*

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье рассматривается обстановка в Нижнем Поволжье в период междоусобной борьбы калмыцких владельцев, развернувшейся после смерти хана Аюки. Отмечается, что следствием этой борьбы стал уход от калмыков подвластных им тюркских народов. На фоне откочевки на Кубань под власть крымского хана большинства джетисанцев и джембойлуков часть бывших калмыцких подданных предпочла вернуться к Астрахани на свои прежние кочевья. В центре исследования оказываются мурзы Тинбаевы, Аллагуатовы, Бимурзины, Тинокпатовы. Рассматриваются обстоятельства, при которых они были вовлечены в события 1715 г. и впоследствии оказались в Калмыцком ханстве. Анализируются причины, побудившие юртовских мурз принять решение об уходе от калмыков под власть астраханских воевод. Дается оценка действиям местных властей, принявших решение о принятии мурз с их людьми в российское подданство.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Астрахань, юртовские мурзы и татары, XVIII век

Для цитирования: Торопицын И.В. «Прибыл в Астрахань под протекцию Его императорского величества». Политический выбор между Россией и Крымом астраханских юртовских мурз // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.21–29. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.21-29>

В 1723–1724 гг. в Нижнем Поволжье произошли события, оказавшие заметное влияние на дальнейшую судьбу как Калмыцкого ханства, так и всех народов, проживавших в этом регионе. Начало им положил хан Аюка, решивший перераспределить улусы среди своих сыновей и внуков. Однако не все калмыцкие владельцы согласились расстаться с улусами, которыми владели на праве наследования. Среди наследников калмыцкого хана произошел раскол, переросший в междоусобный конфликт. Дело дошло до вооруженных столкновений между соперниками и вмешательства в ситуацию российских властей. В результате калмыки разделились на разные партии как по политическому, так и этническому признаку. Воспользовавшись обстоятельствами, ханство покинули ногайцы и другие подвластные калмыкам группы тюркского населения. Большая часть из

них ушла за границу, но некоторые предпочли вернуться к Астрахани. Чем руководствовались мурзы, принявшие решение о выходе из-под власти калмыцких ханов? Что удерживало их ранее от принятия этого решения? Какова была реакция российских властей на возвращение таких групп населения? Эти и другие вопросы будут рассмотрены в настоящей публикации.

Внутриполитическое положение в Калмыцком ханстве в последние годы жизни хана Аюки получило всестороннее рассмотрение в историографии. Авторами выявлены причины, приведшие к междоусобным столкновениям среди калмыцких владельцев, дана всесторонняя оценка конфликтующим сторонам, детально изучен ход произошедших событий, рассмотрена роль российских властей в них, проанализированы последствия конфликта.

В историографии отмечается, что следствием династического кризиса 1723–1724 гг. стало ослабление Калмыцкого ханства, усиление вмешательства российских властей во внутрикалмыцкие дела, переход части калмыцких владельцев в православие, положивший начало активной христианизации калмыков. Большинство исследователей, уделявших внимание ситуации в Калмыцком ханстве в период междоусобия 1723–1724 гг., ограничивались констатацией факта ухода от калмыков на Кубань в декабре 1723 г. ногайских племен джетисан и джембойлуков [1, с.40; 3, с.132; 12, с.170; 13, с.39].

В ряде исследований сообщаются некоторые подробности пребывания ногайцев в составе Калмыцкого ханства в последние годы жизни хана Аюки. П.Г. Бутков, затрагивая данную тему в контексте истории Кавказа, рассматривает отношение российских властей к факту присутствия ногайцев среди калмыков, констатирует принципиальное нежелание калмыцкого владельца Чакдоржапа отказываться от сохранения традиционной ногайской улусной системы в Калмыцком ханстве, объясняя это особым отношением Чакдоржапа к подчиненным лишь ему ногайцам [2, с.172].

Н.Н. Пальмов констатирует, что «етсаны и енбулуки», кочующие у Волги, причиняли русскому населению «превеликие обиды», что среди них было сильно «тяготение к Кубани», что через несколько лет, во время калмыцких междоусобий 1723 г., «они почти все целиком покинули степь», и у калмыков осталось около полутора тысяч кибиток «убогих» татар, промышлявших рыболовством [5, с.39].

В.Т. Тепкеев сообщает, что в период разразившейся междоусобной борьбы среди калмыцких владельцев владелец Досанг, лишившись значительной части своих владений, «пошел на беспрецедентный шаг», добровольно позволив ногайским мурзам уйти на Кубань. Остались, по его сведениям, только те ногайцы, кто не имел скота [6, с.335–336].

Все авторы солидарны в оценке количества ушедших от калмыков ногайцев, определяя их число в 15 тыс. человек. В исследованиях В.М. Бакунина и А.Г. Митирова приводится полный перечень возглав-

лявших их мурз. Они отмечают, что «командовали» джетисанцами Буркут-солтан, Мамбет Мурза, Салтан Мурат Беев сын, а джембуйлуками – Акмамет-мурза, Джусуп, Мурзин сын [1, с.40; 3, с.132].

Таким образом, в поле зрения исследователей, изучавших историю Калмыцкого ханства первой четверти XVIII в., неизменно оказывались подвластные калмыкам ногайцы. Рассматривая период калмыцких междоусобиц 1723–1724 гг., авторы с разной степенью полноты констатировали факт ухода ногайцев из-под власти калмыков. При этом в качестве направления их откочевки неизменно указывалась Кубань. Дальнейшая судьба тюркских народов, оказавшихся в составе Калмыцкого ханства в первой четверти XVIII в., не получила подробного освещения в историографии. А между тем архивные источники позволяют пролить свет на этот вопрос.

Обстоятельства появления в Калмыцком ханстве в последние годы жизни хана Аюки различных тюркских групп затрагивались в ряде исследований, посвященных взаимоотношениям калмыков и кубанских татар. В историографии отмечается, что они были связаны с набегом кубанских войск на калмыков в 1715 г. и их ответными действиями в 1716–1717 гг. [1, с.31; 6, с.270–271; 7; 8, с.387–392; 13, с.33].

Рассматривая указанные события, Н.Н. Пальмов обратил внимание, что в ходе переговоров между калмыцкими тайшами и кубанским владельцем Бахты-Гиреем обсуждался вопрос не только возвращения уведенных ранее из калмыцких улусов ногайцев, но «еще и татар, считавшихся в вечном холопстве русского царя и до ухода на Кубань кочевавших под Астраханью». Он поясняет, что «татары – царские холопы – частью принадлежали к племенам енбулуков и етсан, но главную часть их составляли килинчинцы» [5, с.36].

Как эти татары, считавшиеся «в вечном холопстве русского царя», оказались на Кубани, Н.Н. Пальмов не уточняет. В другой своей работе он пишет, что в ходе набега 1715 г. Бахты-Гирей «безнаказанно ушел на Кубань, уведя с собой Ембулуцких и Етсанских татар, находившихся до того времени в подчинении калмыкам» [4, с.25].

Комментируя итоги ответного похода калмыцкого войска на Кубань, Н.Н. Пальмов сообщает, что калмыки вывели обратно в свои улусы 15 тысяч татарских «дымов», отмечая, что в это число не входили астраханские татары [5, с.38]. Автор подробно рассматривает последующие переговоры между астраханскими властями и калмыцким владельцем Чакдоржапом, в ходе которых обсуждался вопрос возвращения тех тюркских групп, которые «были под высокочержавною царского величества рукою и кочевали под Астраханью». Итогов этих переговоров Н.Н. Пальмов не раскрывает, но при этом пишет, что «астраханская власть более или менее прочно прикрепила своих татар к кочевьям вблизи города, но калмыки не сумели удержать енбулуков и етсан за собой, – татары ушли от них. Сколько впоследствии ни старались калмыки снова вернуть татар к себе, это им не удавалось» [5, с.40].

Таким образом, можно видеть, что некоторая недосказанность, присутствующая у Н.Н. Пальмова в изложении обстоятельств появления в Калмыцком ханстве «татар – царских холопов» после возвращения калмыцкого войска из похода на Кубань в 1717 г., не дает возможности прояснить вопросы, как они там оказались и что с ними далее стало. Несмотря на это, наблюдения Н.Н. Пальмова об административно-правовом статусе лиц, выведенных калмыками из Кубани в 1717 г., представляют большой интерес для понимания предыстории вопроса о судьбе астраханских юртовских татар, оказавшихся в результате калмыцко-кубанских взаимоотношений в составе Калмыцкого ханства.

Внести ясность в этот вопрос позволяет документ, отложившийся в Архиве внешней политики Российской Империи. Его удалось обнаружить в фонде №77 среди выписок из донесений, поступивших из Астрахани от губернатора А.П. Волинского.

Согласно одной из них, 9 января 1724 г. в Астрахань «под протекцию Его императорского величества» прибыл «бывший астраханский юртовский» мурза Салтамамбет Кантемиров сын Тинбаев. Он сообщил властям, что служил «его императорскому величеству при Астрахани в бытности прежде бывшего боярина князя Якова Никитича Одоевского, а с которого году не упомнит, по прошлый 1715 год от Астрахани неотлучно». В 1715 г. во время прихода на калмыков кубанского султана Бахты-Гирея с войском он был взят «з детьми и братьями и с улусными своими людьми из-под Астрахани под неволею на Кубань», откуда в 1716 г. был возвращен бывшим калмыцким владельцем Чакдоржапом с «прочтими едисанскими улусами» в Калмыцкое ханство. С того времени по 1724 г. мурза Салтамамбет Тинбаев проживал во владении хана Аюки «в етсанских улусах»¹.

Мурза пояснил, что в период пребывания среди калмыков он опасался возвращаться к Астрахани «без улусных своих людей» из-за страха перед ханом Аюкой. Но в текущих условиях, «усмотря меж калмык ссору», он вновь захотел «его императорскому величеству служить верно». Вместе с ним вернулись из калмыцких улусов и его дети: Яштерек мурза, Навруз мурза, Тонгат мурза, а также двоюродные братья: Каспулат мурза и Саты мурза Аллагуатовы, Якшат мурза и Чин мурза Бимурзины, Тиманбет мурза и Ислам мурза Тинокпатовы. Вместе с мурзами вернулись к Астрахани и их улусные люди².

Реакция астраханских властей на обращение мурзы Салтамамбета Тинбаева была предсказуемой: его с родственниками и улусными людьми приняли обратно в состав юртовцев и привели к присяге. Каких-либо претензий при этом ему либо другим юртовским мурзам высказано не было. Как отмечалось в донесении, «по справке в Астраханской губернской кан-

¹ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф.77. Оп.1. 1724 г. Д.2. Л.48–48об.

² АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1724 г. Д.2. Л.48об.–49.

целярии оной мурза Тинбаев служил со 189 году по 715 год и во оном 715 году в приход на калмык кубанским Бахты Гиреем солтаном ис под Астрахани з детьми и братьями и с улусными людьми и с протчими улусы взят был на Кубань»³.

Мурза Салтамамбет Тинбаев утверждал, что он был взят кубанцами «под неволею». Было ли это утверждение политической уловкой, благодаря которой мурза пытался оправдать свои действия в период событий 1715 г., или он действительно оказался вовлечен в них против своей воли? Как известно, в ходе набега кубанских войск на Калмыцкое ханство часть астраханских юртовских татар во главе с Эль мурзой Тинбаевым подняла восстание и открыто присоединилась к кубанцам. Свидетели утверждали, что юртовцы убивали «государевых людей» на рыбных ватагах, указывали путь кубанскому войску к калмыцким улусам. При этом в отличие от Эль мурзы Тинбаева имя Салтамамбета мурзы Тинбаева не упоминалось в связи с этими событиями, хотя в донесении из Астрахани в Казань было сообщено, что Эль мурза Тинбаев ушел на Кубань вместе со своим братом и другими родственниками. А в последующей переписке между российскими и турецкими властями Салтамамбет мурза Тинбаев назывался наряду с Эль мурзой Тинбаевым в числе предводителей юртовцев, ушедших на Кубань [11, с.73–75].

По всей видимости, именно Эль мурза Тинбаев играл ведущую роль в поддержке кубанского вторжения в Нижнее Поволжье. Впоследствии этого мурзу и его детей упоминали очевидцы среди участников набегов вместе с кубанцами на российские территории в Поволжье. Видимо, это обстоятельство сыграло свою роль в формировании отношения российских властей к участникам восстания мурз Тинбаевых в 1715 г.

Дальнейшие события показывают, что среди покинувших Россию юртовских мурз достаточно быстро возобладало стремление вернуться обратно. Первой смогла это осуществить группа мурз Урусовых, вернувшаяся в конце 1715 г. В 1717 г. (по другим данным, в 1718 г.) в переговоры о возвращении к Астрахани с местными властями вступил и Эль мурза Тинбаев [11, с.76–78]. Не исключено, что к этому его подтолкнуло осознание того, что он остался один со своими людьми на Кубани. От него в 1715 г. отошли мурзы Урусовы, а многие представители родного клана, включая брата Салтамамбета, в 1716 г. были уведены калмыками к Волге.

По всей видимости, именно эта группа астраханских юртовских татар во главе с Салтамамбетом мурзой Тинбаевым стала предметом переговоров между калмыцкими владельцами и астраханскими властями, требовавшими у сына калмыцкого хана Чакдоржапа в 1717 г. ее возвращения на прежние кочевья. Тот факт, что эта группа юртовцев оставалась в составе Калмыцкого ханства до начала 1724 г., свидетельствует, что астраханским властям не удалось договориться с калмыцкими владельцами о ее выдаче.

³ АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1724 г. Д.2. Л.49–49об.

Тогда о ком мог вести речь Н.Н. Пальмов, утверждая, что астраханским властям удалось прочно прикрепить «своих татар к кочевьям вблизи города»? Очевидно, что речь в данном случае можно вести лишь о группе кундровских татар во главе с Арсланом мурзой, выведенных в 1722 г. калмыцким владельцем Баем с Северного Кавказа в ходе Персидского похода русских войск. Местным властям удалось отобрать у калмыков несколько сотен кибиток кундровцев и разместить их возле Астрахани [9, с.97]. Однако это все-таки была другая группа тюркского населения, не имевшая до этого никакого отношения к юртовцам.

Заявление мурзы Салтамамбета Тинбаева содержит немаловажную деталь – упоминание о выдаче жалованья. Перечисляя своих детей и родственников, мурза указывал, кто из них является «жалованным», кто «безжалованным». На наш взгляд, вопрос получения царского жалованья был одним из важнейших, который оказывал прямое влияние на политическую позицию юртовских мурз. Ведь, находясь на Кубани или в Калмыцких улусах, они лишались возможности получать царское жалованье, управлять своими земельными владениями в Нижнем Поволжье.

Так, Салтамамбет мурза Тинбаев получал ежегодно 10 рублей и вместо 4 аршин сукна ему давали еще один рубль 8 алтын и 2 деньги. Кроме того, он получал еще кормовые деньги по 3 алтына и 2 деньги на день. В общей сложности – 47 рублей 25 алтын в год. Его сын Яштерек мурза получал 6 рублей 16 алтын 4 деньги и вместо 3 аршин сукна – 31 алтын и полторы деньги. Кроме них ему выдавались кормовые деньги: 2 алтына 1 деньга на день. В общей сложности – 31 рубль 5 алтын и «полтретьи» деньги⁴. Аналогичным образом обеспечивались жалованьем и другие юртовские мурзы [10, с.229–230].

В 1709 г. из Казани в Астрахань поступил царский указ, которым было предписано прекратить выдачу юртовским мурзам «кормовых денег», так как «дальних служб они не служат, и в армию их спрашивать не будут». Таким образом, с 1709 г. астраханским служилым татарам (мурзам, табунным головам и другим) стали выдавать в виде жалованья только годовые оклады. В связи с этим астраханский губернатор А.П. Волынский 15 января 1724 г. приказал «давать оному Салтамамбету мурзе и детям и братьям ево опроч кормовых денег прежняя их годовые оклады с их братью мурзами в равенстве»⁵.

Таким образом, для астраханских юртовских мурз история с возвращением на родину завершилась благополучно. Пережив бурные события 1715 г., спустя девять лет они смогли вновь занять свои земли под Астраханью.

Принятие юртовских татар обратно свидетельствует, что астраханского губернатора А.П. Волынского устроило объяснение, данное юртов-

⁴ АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1724 г. Д.2. Л.49об.–50.

⁵ АВПРИ. Ф.77. Оп.1. 1724 г. Д.2. Л.50.

скими мурзами по поводу обстоятельств их ухода в 1715 г. за границу и последующего пребывания в Калмыцком ханстве. Каких-либо расследований по этому делу не проводилось. Мурзы стали по-прежнему получать положенное по их окладам жалованье.

Безусловно, мурза Салтамамбет Тинбаев и его родственники, находившиеся по возвращении с Кубани в калмыцких улусах, имели возможность в период калмыцкого междоусобия по примеру джетисанцев и джембуйлуков откочевать на Кубань, но предпочли остаться в российском подданстве, а не эмигрировать в Крымское ханство. Очевидно, что условия жизни в России были для них более привлекательными, чем на Кубани. В Нижнем Поволжье у них имелись пожалованные царем земельные владения, им ежегодно выплачивалось жалованье за службу. По всей видимости, не только политическая стабильность в стране, но и материальный достаток играл немаловажную роль в принятии решения о выборе подданства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.

2. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.

3. *Митиров А.Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

4. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. кн. изд-во, 1922. 139 с.

5. *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и Ч. IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань, 1929. 391 с.

6. *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

7. *Торопицын И.В.* Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. // Козацька спадщина: Альманах Інституту суспільних досліджень. Дніпропетровськ: Изд-во «Пороги», 2008. Вип. 4. С.72–78.

8. *Торопицын И.В.* Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2013. С.375–412.

9. *Торопицын И.В.* Кундровцы (ногаи) в Нижнем Поволжье в XVIII в. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы первой международной научно-практической конференции (14–16 мая 2014 г., г. Черкесск, п. Эркин-Шахар). Черкесск, 2014. С.95–99.

10. *Торопицын И.В.* Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. // Каспийский регион: экономика, политика, культура. Астрахань, 2014. Вып. 2 (39). С.228–234.

11. *Торопицын И.В.* Восстание мурз Тинбаевых в Нижнем Поволжье (1715–1717 гг.) // *Transcaucasica*. Вып. 3. Южный Кавказ: история, религия, общество / под общ. ред. З.В. Кананчева. М., 2015–2016. С.71–81.

12. *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

13. *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Информация об авторе:

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (Астрахань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Поступила 10.05.2023

Принята к публикации 31.05.2023

“Arrived in Astrakhan under the protection of His Imperial Majesty”. The political choice between Russia and the Crimea of the Astrakhan Yurt Murzas

I.V. Toropitsyn

Astrakhan State University

Astrakhan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article examines the situation in the Lower Volga region during the intestine struggle of the Kalmyk owners, which unfolded after the death of Khan Ayuka. It is noted that the result of this struggle was the departure from the Kalmyks of the Turkic peoples subject to them. Against the background of the migration to the Kuban under the rule of the Crimean Khan of the majority of Jetisans and Dzhemboyluk, part of the former Kalmyk subjects preferred to return to Astrakhan to their former nomads. Murzas Tinbaevs, Allagatovs, Bimurzins, Tinokpatovs are at the center of the study. The circumstances under which they were involved in the events of 1715 and subsequently found themselves in the Kalmyk Khanate are considered. The reasons that prompted the Yurt Murzas to decide to leave the Kalmyks under the rule of the Astrakhan voivodes are analyzed. An assessment is given of the actions of the local authorities who decided to accept the Murz with their people into Russian citizenship.

Keywords: Kalmyk Khanate, Astrakhan, Yurt Murzas and Tatars, 18th century

For citation: Toropitsyn I.V. “Arrived in Astrakhan under the protection of His Imperial Majesty”. The political choice between Russia and the Crimea of the Astrakhan Yurt Murzas. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2023, vol.13, no.2, pp.21–29. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.21-29> (In Russian)

REFERENCES

1. Bakunin V.M. *Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 158 p. (In Russian)
2. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part I*. St. Petersburg, 1869. 548 p. (In Russian)
3. Mitirov A.G. *Oirats – Kalmyks: centuries and generations*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 384 p. (In Russian)
4. Palmov N.N. *An essay on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia*. Astrakhan: Kalmyk Book Publ., 1922. 139 p. (In Russian)
5. Palmov N.N. *Studies on the history of the Volga Kalmyks. Part III and Part IV. Restrictive measures of the government in relation to the Kalmyks*. Astrakhan, 1929. 391 p. (In Russian)
6. Tepkeev V.T. *Ayuka Khan and his time*. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2018. 366 p. (In Russian)
7. Toropitsyn I.V. The raids of the Kuban Tatars on Russia in 1715. *Cossack Heritage: Almanac of the Institute of Social Studies*. Vol. 4. Dnipropetrovsk: Porogi Publ., 2008. Pp.72–78. (In Russian)
8. Toropitsyn I.V. Yurtov Tatars in the orbit of Russia's domestic and foreign policy in the first half of the 18th century. *Turkological collection 2011–2012: Political and ethno-cultural history of the Turkic peoples and states*. Ed. by S.G. Klyashtorny, T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov. Moscow: Nauka – Oriental Literature, 2013. Pp.375–412. (In Russian)
9. Toropitsyn I.V. Kundrovtsy (Nogai) in the Lower Volga region in the 18th century. *Nogai: 21st century. History. Language. Culture. From the origins to the future. Materials of the first international scientific and practical conference (May 14–16, 2014, Cherkessk, Erkin-Shahar village)*. Cherkessk, 2014. Pp.95–99. (In Russian)
10. Toropitsyn I.V. The relationship of the Astrakhan authorities with the privileged stratum of the Astrakhan Yurt Tatars in the 18th century. *Caspian region: economy, politics, culture*. Astrakhan, 2014, vol. 2, pp.228–234. (In Russian)
11. Toropitsyn I.V. The uprising of the Murzas Tinbayevs in the Lower Volga region (1715–1717). *Transcaucasica. Vol. 3. South Caucasus: History, religion, society*. Ed. by Z.V. Kanancheva. Moscow, 2015–2016. Pp.71–81. (In Russian)
12. Tsyuryumov A.V. *The Kalmyk Khanate as part of Russia: problems of political relations*. Elista: ZAO "NPP "Dzhangar", 2007. 464 p. (In Russian)
13. Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V. *Kalmyk Khanate in Russian-Crimean relations (18th century)*. Elista: Dzhangar Publ., 2006. 95 p. (In Russian)

About the author:

Toropitsyn Ilya Vasilyevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Russian History, Tatishchev Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation); Senior Researcher of the Crimean Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7542-3337; e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Received May 10, 2023

Accepted for publication May 31, 2023

Служилые татары в «украинском» походе российской армии в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг.

И.З. Файзрахманов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена изучению роли служилых татар в сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг. в составе иррегулярной конницы российской армии. Особое внимание автор уделяет вопросам подготовки к походу, изучению военного снаряжения, численности и составу войск, организации нарядов. Сделана попытка проследить боевой путь, пройденный служилыми татарами в ходе сражений.

Ключевые слова: служилые татары, иррегулярные войска, «украинский» поход, Семилетняя война, «четырёхнародная» команда

Для цитирования: Файзрахманов И.З. Служилые татары в «украинском» походе российской армии в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.30–38. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.30-38>

Семилетняя война (1756–1763), которую Уинстон Черчилль называл «первой мировой», оправдывала свое название. Масштабы конфликта охватили огромную территорию – военные действия происходили как в Европе, так и на других континентах. Для России этот конфликт стал самым крупным после Северной войны (1700–1721). Крупнейшие регулярные армии европейских государств сражались друг против друга в ожесточенных схватках. Россия совместно с Австрией и некоторыми другими союзниками воевала против усиливающейся на континенте Пруссии. Военные действия велись на территории Восточной Пруссии, Австрии, Бранденбурга, Саксонии, Померании и др.

Для руководства военными действиями была образована «Конференция при высочайшем дворе». В начальный период войны армией командовал фельдмаршал С.Ф. Апраксин. Основные силы российской армии и флота были представлены регулярными войсками. Кроме них существовали иррегулярные части, в основном состоявшие из конных казаков, а также калмыков, служилых татар, мещеряков и башкир. В данной статье мы подробнее раскроем роль служилых татар в Семилетней войне 1756–1763 гг.

Несмотря на определенное количество работ, раскрывающих роль в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. иррегулярной конницы, состоявшей из башкир, мещеряков, калмыков и служилых татар [2; 6; 7], все же остаются неизученные, неполно или неточно раскрытые вопросы по данной проблематике. В частности, например, в исследованиях Р.Н. Рахимова

служилые татары остаются несколько в тени при изучении истории иррегулярных частей применительно к событиям Семилетней войны. Для исследования этого вопроса мы привлекли новые источники: опубликованные материалы из журналов и определений Сената за 1756–1758 гг. [9; 10] и неопубликованные архивные документы из фонда «Контора Казанского адмиралтейства» (Ф. 237) Российского государственного архива Военно-Морского Флота, в том числе списки наряжаемых в «украинский» поход служилых татар за 1756 г.¹

Использование в некоторых документах того времени выражения «украинский поход», несмотря на то, что боевые действия не велись на территории современной Украины, было связано с тем, что изначально наряд собранной в Казанской и Оренбургской губерниях иррегулярной конницы предусматривал ее отправку на Украину. Так, 10 апреля 1756 г., согласно полученным от «Конференции...» экстрактам, Сенат распорядился послать указы оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву и казанскому губернатору Ф.И. Головину с повелением нарядить на Украину и прислать вооруженных двуконных 2 тыс. мещеряков и башкир (из Оренбургской губернии) и 1 тыс. казанских татар (из Казанской губернии) во главе с их старшинами [9, с.538]. Последующие документы не раз свидетельствуют, что в начальный период войны местные власти не знали, куда следует направлять войска, ждали последующих указаний от вышестоящего начальства.

Так как все служилые татары были в подчинении Адмиралтейства, организацией наряда в 1 тыс. служилых татар занимался как казанский губернатор Ф.И. Головин, так и капитан-командор при Казанской адмиралтейской конторе А.Т. Баранчеев. Для участия в походе выбирали «лучших» из тех, кто должен был нести службу в Оренбургской губернии. Все сборы и приготовления необходимо было провести в наикратчайшие сроки. Списки бойцов А.Т. Баранчеев прислал казанскому губернатору [9, с.556]. По первоначальным спискам численность наряжаемых в «украинский» поход служилых татар составила ровно 1000 человек. В их числе старослужилые мурзы и татары Казанской, Нижегородской губерний и Ставропольского уезда Оренбургской губернии – 517 чел.²; прежде бывшие ясачные татары Казанского и Свияжского уездов, приписанные к Адмиралтейству в 1752 г. вместо служилых мурз и татар Воронежской губернии, – 319 чел.; прежде бывшие ясачные татары Казанского, Свияжского и Симбирского уездов, приписанные к адмиралтейским корабельным работам в 1754 г. вместо служилых новокрещен Казанской губернии,

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.1–182.

² Подсчитано нами, в документе есть поправки, поэтому итоговая численность (1000 чел.) отличается от суммарного подсчета.

– 168 чел.³ Таким образом, по 3-м категориям подсчитано всего 1004 человека.

А.Т. Баранчеев высказал сомнения относительно возможности участия в походе приписанных к Адмиралтейству из числа бывших ясачных крестьян. По его мнению, они вряд ли были в состоянии выполнять военные задачи, поскольку у них раньше не было старшин и вооружения. Одновременно от А.Т. Баранчеева требовали не срывать наряды на заготовку корабельных лесов [9, с.556]. Однако отправка войск была временно отложена. К 1 июня 1756 г. губернаторам были посланы указы: держать собранные войска в готовности и ждать дальнейших указаний относительно выдвижения в поход [9, с.569].

Наконец, 2 сентября 1756 г. Сенат распорядился отправить «к походу казанских служилых татар, выбрав лучших и доброконных 500 человек, ныне вывезть как наискорее ближе к Лифляндии». Всего на сборы представлялось 24 часа. Войска должны были иметь собственное вооружение и «добрых» лошадей [9, с.632]. Вторая половина наряженных (500 чел.) оставались дома и должны были находиться в готовности выступить при получении указа [10, с.55]. Таким образом, в связи с уменьшением числа наряжаемых в два раза (до 500 чел.) новоприписные к Адмиралтейству крестьяне и некоторые старослужилые были исключены из списков лиц, отправляемых в поход. При этом они вычеркивались из списков целыми деревнями, а не пропорционально численности наряжаемых в той или иной деревне или сотне⁴.

Кроме наряда «на Украину», большой контингент набирался на службу в Оренбургскую губернию: из новоприписных к Адмиралтейству служилых татар Свияжского уезда – 557 чел., Казанского и Свияжского уездов – 815 чел.⁵ Более того, на их плечи легло снабжение лошадьми отправляющихся в «украинский» поход старослужилых, чтобы они ехали с двумя лошадьми. Дополнительное их количество намеревались брать из лошадей, подготовленных в свое время для «башкирского» похода (Башкирского восстания 1755–1756 гг.), но не отправленных туда, поскольку новоприписные к Адмиралтейству в подавлении восставших не были задействованы⁶. Однако были большие сложности с их набором на местах – чиновники жаловались на то, что набранные лошади – слабые и старые, негодные для дальнего похода, из-за чего их возвращали и набирали повторно в новоприписных деревнях с привлечением коновалов из числа казанских слободских татар, знающих «в лошадях доброту»⁷. Несмотря на жесткие меры при наборе лошадей, вплоть до того, что за их «непоставку»

³ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.10–27об., 33, 39–39об.

⁴ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.90об.–92об.

⁵ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.108, 109, 121.

⁶ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.109, 111–121.

⁷ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.179–182.

служилые татары «взяты на службу будут сами», вопрос обеспечения участников похода годными лошадьми оставался актуальным⁸.

1 мая 1756 г. на доношение Военной коллегии в Сенате приказали обеспечить выступающих в поход на Украину мещеряков, башкир и казанских татар жалованием, продовольствием и прочим во время пути и по месту последующей дислокации наравне с донскими казаками [9, с.550–551]. По наряду 1756 г. каждому наряжаемому было определено годовичное жалование и провиант, лошадям за фураж на 7 месяцев. Всего было наряжено иррегулярной конницы: донских казаков – 5 тыс., калмыков – 500 с их старшинами; мещеряков, башкир и казанских татар – по 506 (включая старшин) [9, с.649]. Таким образом, государство обязалось взять на себя частичное обеспечение иррегулярных войск, а вооружением и лошадьми (одной лошадью) они обеспечивали себя сами.

Несмотря на то, что не все служилые татары, включенные в первоначальные списки, были отправлены в поход, интересно проследить их вооружение. Так, в именной ведомости наряженным в «украинский» поход в 1756 г. приписных к Адмиралтейству для корабельных работ служилых мурз и татар Казанского уезда Ногайской и Зюрейской дорог Закамской стороны значатся имена и фамилии сотников, пятидесятников и рядовых по каждой деревне и сотне, а также записано какое они при себе имели оружие⁹. Согласно ведомости, всего насчитывалось 623 человека (отметим, что не все из них были направлены на Украину по первому наряду), каждый был вооружен и имел по два вида оружия. Самыми распространенными были сабли в сочетании с сайдаками (луки и стрелы с соответствующей экипировкой), турками (вид ружья) или ружьями – всего 86,7% от общего количества. Остальные имели палаши (рубящее и колющее ручное оружие с длинным прямым клинком – что-то среднее между мечом и саблей) в сочетании с сайдаками, турками или ружьями. Итоговые сведения выглядят так (подсчитано нами. – *И.Ф.*): «сайдак да сабля» – 266, «турка да сабля» – 207, «ружье да сабля» – 67, «турка да палаш» – 39, «сайдак да палаш» – 28, «ружье да палаш» – 16, итого – 623. Как видим, в данной группе служилых татар отсутствует распространенное для того времени оружие – копьё. Однако в именном списке «приготовленном в украинской поход служилым татарам Казанского уезда Заволской Горной стороны» они имелись у всех 111 воинов (их населенные пункты входили в Ногайскую дорогу Казанского уезда, ныне – территория Дрожжановского р-на РТ и соседних районов). Кроме того, у некоторых были другие виды оружия: тесаки и шпаги¹⁰.

Армия, в том числе нерегулярные войска, состоявшие из казаков, калмыков, башкир, мещеряков и казанских татар, находилась под коман-

⁸ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.180об.

⁹ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.160–165об.

¹⁰ РГАВМФ. Ф.237. Оп.1. Д.230. Л.175–177об.

дованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина. К началу кампании русская армия состояла из трех дивизий, имевших как пехоту, так и кавалерию. Казанские татары и калмыки вошли в состав 2-й дивизии генерала В.А. Лопухина [3, с.267–268]. В последующем поступили в распоряжение подполковника Оренбургского гарнизона И.Уварова – были расквартированы в Пскове и Великих Луках [10, с.135].

Из нерегулярных войск калмыков, казанских татар, мещеряков и башкир в 1757 г. была сформирована так называемая «четырёхнародная», или «разнонародная» команда (кроме них были казачьи и гусарские полки). Во главе команды находились старшины и их помощники из сотников. Дополнительно к каждой команде был прикреплен отряд регулярной кавалерии для контроля ситуации в командах. Они оставили о себе память «самых лихих наездников» [3, с.51].

Вице-бургомистр Тильзе (Тильзита – ныне г. Советск Калининградской обл.) Андреас Рёзеник в своем дневнике описывает события Семилетней войны в Восточной Пруссии. В дневнике, который он вел с 27 июля по 4 октября 1757 г., упомянуты татары, вошедшие в Тильзит с пленными прусскими военными, взятыми в плен в ходе боестолкновений под Сцирандсеном (ныне пос. Воротыновка Черняховского р-на Калининградской обл.). В тексте следующее: «21 августа сюда, в Тильзе, пробились много татар из армии Апраксина, из них некоторые были с саблями и нарезными стволами, другие были снабжены луками, каждый имел на спине колчан с 30 стрелами. Вместе с этим они привезли с собой на повозке 8 прусских раненых гусар, взятых в плен при перестрелке под Сцирандсеном. Татары гнали перед собой большое количество больных и хромых лошадей и затем ушли через понтонный мост» [цит. по: 1, с.24]. В дневниковых записях А.Рёзеника от 15 и 26 сентября также приводятся сведения о коннице казаков, калмыков и татар, находившихся в Тильзите [1, с.33, 35]. Известно, что 19 августа 1757 г. (по старому стилю) произошло основное сражение между российской и прусской армиями у деревни Гросс-Егерсдорф (ныне не существует, в 4 км к юго-западу от пос. Междуречье Черняховского р-на Калининградской обл.). На основе приведенного источника можно утверждать, что татарская конница была активным участником сражений в Восточной Пруссии в 1757 г.

В 1757 г. состоялся 2-й наряд иррегулярной конницы. 3 мая 1757 г., согласно полученному от «Конференции...» экстракту, Сенат приказал набрать в Оренбургской и Казанской губерниях дополнительно 600 человек вооруженных и «доброконных» для пополнения Обсервационного корпуса¹¹: 200 башкир и 200 мещеряков, 200 казанских татар. Снабжение состояло в обеспечении каждого воина 4,5 аршином сукна: казанским та-

¹¹ Обсервационный корпус – под таким наименованием вошел в историю корпус русской армии, участвовавший в Семилетней войне, сформированный и руководимый из Санкт-Петербурга графом П.И. Шуваловым.

тарам – синего, башкирам и мещерякам – зеленого цвета¹², а также, соответственно, из денежного и продовольственного жалования и фуража для лошадей [10, с.49–50].

По новому указу от 14 мая 1757 г. эти 600 человек должны были быть только из числа мещеряков и казанских татар (башкиры были исключены), которые оставались в своих домах «в готовности к походу» с прошлогоднего наряда. 11 и 12 июня 1757 г. 300 казанских татар и 300 мещеряков были отправлены в поход. На места дислокации их сопровождали штаб- и обер-офицеры [10, с.55, 91].

19 марта 1758 г. нерегулярные войска этого нового набора из донских казаков (400 чел.), казанских татар и мещеряков (по 300 чел.) – всего 1 тыс. человек – были направлены П.И. Шуваловым за Днепр – в соединение с «помощным» корпусом [10, с.433]. 10 июня 1758 г. Сенат по рапорту графа П.И. Шувалова распорядился выдать находящимся в Обсервационном корпусе 300 казанским татарам дополнительно 1354,5 аршин сукна на изготовление кафтанов и шапок [10, с.464].

Согласно рескриптам «Конференции...» от 10 сентября 1758 г., находящимся в Обсервационном корпусе 600 казанским татарам и мещерякам, 400 донским казакам было приказано явиться в распоряжение генерал-фельдмаршала А.Б. Бутурлина, который собирал новую армию около Риги [10, с.547–548]. Известно, что корпус принимал участие в битвах при Цорндорфе 14 августа 1758 г. и Кунерсдорфе 1 августа 1759 г.

Согласно экстракту из «Конференции...» с копией рескрипта в Военную коллегия, 24 апреля 1758 г. Сенат распорядился бывших в походе башкир и мещеряков откомандировать на Сибирскую линию, а калмыков и казанских татар – отпустить в свои дома [10, с.449]. Здесь речь идет о коннице наряда 1756 г. Причины роспуска вполне объяснимы – они воевали почти 2 года и нуждались в отдыхе, к тому же требовались дополнительные расходы на содержание лошадей, возможно, что и эффективность применения конницы оставляла желать лучшего.

По некоторым сведениям, летом 1759 г. татары и мещеряки второго наряда находились «в компаентах» (в полевых лагерях) «в Стародубском полку». В августе 1759 г. решением Военной коллегии трехсотные команды мещеряков и казанских татар были отпущены «в их жилища», с предписанием для губернских властей Казани и Оренбурга «вместо оных командировать ис тех же народов то же число исправных и доброконных с их старшинами» [цит. по: 2, с.9].

Выявление участников похода 1756 г. в сказках третьей ревизии 1762 г. по нескольким деревням (Большие Тиганы, Курнали, Адельшино Ногайской дороги Казанского уезда) позволило уточнить некоторые моменты: как правило, участниками похода были мужчины в возрасте от 20 лет, преимущественно из многодетных семей (один из 2-х, 3-х или 4-х

¹² Сукно выдавалось из Казанской суконной фабрики.

братьев); они почти в полном составе вернулись домой; выявлены редкие случаи смерти участников похода в 1756–1759 гг., однако обстоятельства их безвременной кончины (в походе или после возвращения по иным причинам) не указаны¹³.

Память о походе сохранилась. Так, в наказах служилых татар Старой и Новой слобод г.Казани, а также Ногайской, Зюрейской, Арской, Алатской и Галицкой дорог Казанского уезда 1767 г. в Уложенную комиссию отмечается, что они были «...в 757 августа 19 числа в походе в Пруссии в заграничной армии, и действительно находились на баталии в сражении...» [8, с.306, 315]. Также отметим, что с 1739 по 1757 г. на них возлагалась и рекрутская повинность, следовательно, некоторые служилые татары находились в регулярных частях. Отмена в 1757 г. рекрутской повинности приписанных к Адмиралтейству крестьян можно связать с тем, что они были задействованы в Прусском походе (однако ненадолго – в 1766 г. с них снова начали брать рекрутов) [4, с.832–835; 5, с.997–1015].

Таким образом, служилые татары активно участвовали в сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг. в составе отдельной иррегулярной конницы российской армии. Всего было 2 наряда: 506 человек (в 1756 г.) и 300 человек (в 1757 г.). Их основное вооружение: сабли, сайдаки, ружья, палаши, копыя. Обнаружены документы, в которых сообщаются сведения о нарядах на службу в Оренбургскую губернию новоприписанных к Адмиралтейству бывших ясачных татар Казанского и Свияжского уездов, как представляется, не ставших постоянными ввиду их неопытности, небеспеченности вооружением и «добрыми» лошадьми и по другим причинам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адриановская М.В., Бардун Ю.Д.* Неизвестные страницы семилетней войны в Восточной Пруссии: бой при Сцирандцене и хроника событий по дневнику Андреаса Резеника // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С.21–39.
2. Башкиры и мишари – участники похода русской армии в Пруссию 1757 г.: Сб. док. / сост. И.М. Васильев. Уфа: Гилем, 2012. 156 с.
3. *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). Вып.1. М.: Типография Окружного штаба, 1886. 678 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т.XIV. №10785. С.832–835 (Именной указ «О наборе рекрут со ста девяноста четьрех душ по одному человеку» от 23 декабря 1757 г.).
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т.XVII. №12748. С.997–1015 (Генеральное учреждение «О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто, как в прием, так и в отдаче неистинною поступать будет» от 29 сентября 1766 г.).

¹³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1221. Л.494–525, 568–578.

6. Рахимов Р.Н. Национальная конница в русской армии: опыт Семилетней войны 1756–1763 гг. // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика: сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева, Уфа, 21 марта 2008 г. Уфа: Учреждение Российской академ. наук Ин-т этнологических исслед. Уфимского науч. центра РАН, 2011. С.58–66.

7. Рахимов Р.Н. Участие башкир в Семилетней войне 1756–1763 гг. / История башкирского народа: в 7 т. Том 3 / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2011. С.305–312.

8. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.115: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. 546 с.

9. Сенатский архив. Протоколы Правительствующего сената 1753–1756 гг. Т.9. СПб.: Сенатская типография, 1901. 712 с.

10. Сенатский архив. Протоколы Правительствующего сената 1757–1758 гг. Т.10. СПб.: Сенатская типография, 1903. 612 с.

Информация об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Поступила 12.04.2023

Принята к публикации 10.05.2023

Service Tatars in the "Ukrainian" campaign of the Russian army during the Seven Years War of 1756–1763

I.Z. Faizrahmanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the role of serving Tatars in the battles of the Seven Years War of 1756–1763 as part of the irregular cavalry of the Russian army. The author pays special attention to the issues of preparation for a campaign, the study of military equipment, the number and composition of troops, and the organization of orders. An attempt has been made to trace the battle path traveled by service Tatars during the battles.

Keywords: service Tatars, irregular troops, "Ukrainian" campaign, Seven Years' War, "four people" team

For citation: Faizrahmanov I.Z. Service Tatars in the "Ukrainian" campaign of the Russian army during the Seven Years War of 1756–1763. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.30–38. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.30-38> (In Russian)

REFERENCES

1. Adrianovskaya M.V., Bardun Yu.D. Unknown pages of the Seven Years War in East Prussia: the battle of Scirandscen and a chronicle of events according to the diary of Andreas Resenik. *Kaliningrad archives*. 2020, no.17, pp.21–39 (In Russian)
2. *Bashkirs and Mishars – participants in the campaign of the Russian army in Prussia in 1757: collection of documents*. Ed. by I.M. Vasiliev. Ufa: Guilem Publ., 2012. 156 p. (In Russian)
3. Maslovsky D.F. *Russian army in the Seven Years War. Apraksin's campaign in East Prussia (1756-1757)*. Vol.1. Moscow: District Headquarters Publ., 1886. 678 p. (In Russian)
4. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.14, no.10785, pp.832–835. (In Russian)
5. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.17, no.12748, pp.997–1015. (In Russian)
6. Rakhimov R.N. National cavalry in the Russian army: the experience of the Seven Years War of 1756–1763. *Nationalism and the national-state structure of Russia: history and modern practice: a collection of materials of the scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Bilal Khamitovich Yuldashbaev, Ufa, March 21, 2008*. Ufa: Institute of Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. Pp.58–66. (In Russian)
7. Rakhimov R.N. Participation of the Bashkirs in the Seven Years War of 1756–1763. *History of the Bashkir people: in 7 volumes*. Vol.3. Ed. by M.M. Kulsharipov. Ufa: Gilem Publ., 2011. Pp.305–312. (In Russian)
8. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol.115: Historical information about the Catherine's Legislative Commission for drafting the New Code. St. Petersburg: M.Merkushev Publ., 1903. 546 p. (In Russian)
9. *Senate archive*. Minutes of the Governing Senate 1753–1756. Vol.9. St. Petersburg: Senate Publ., 1901. 712 p. (In Russian)
10. *Senate archive*. Minutes of the Governing Senate 1757–1758. Vol.10. St. Petersburg: Senate Publ., 1903. 612 p. (In Russian)

About the author:

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-3771-5298; e-mail: istorkazan@mail.ru

Received April 12, 2023

Accepted for publication May 10, 2023

К истории Караван-Сарая Оренбурга

А.Ш. Омарова

Краевед-исследователь

с.Биктимирово, Оренбургская область, Российская Федерация

На рубеже 1830–1840-х гг. в Оренбурге для нужд Башкиро-мещерякского войска (с 1855 г. – Башкирское войско) был построен Караван-Сарай, который представлял собой комплекс зданий и мечети с минаретом. На судьбу Караван-Сарая влияли события, происходящие в стране: расформирование Башкиро-мещерякского войска в 1865 г., революция 1917 г., массовая кампания по закрытию мечетей в 1929–1930 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Караван-Сарай, мечеть, минарет, мулла, азан, губернатор, Башкиро-мещерякское войско, кантоны, башкиры, мусульмане

Для цитирования: Омарова А.Ш. К истории Караван-Сарая Оренбурга // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.39–52. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.39-52>

1837–1844 гг. ознаменованы строительством в Оренбурге Караван-Сарая. Все, кому пришлось посетить Оренбург, в своих высказываниях о городе непременно упоминают о нем, как об оригинальном и прекрасном сооружении, придающем городу особый колорит. Так, доктор философии Федор Базинер, совершивший в 1842 г. поездку в Хиву через Оренбург, писал о Караван-Сарае: «Отдельно стоящее грандиозное здание своей редкой и чудной постройкой приковывает глаз» [4, с.28]. «Солнце только что закатилось, когда я переправился через Сакмару, и первое, что я увидел вдаль, это было розового цвета огромное здание с мечетью и прекраснейшим минаретом. Это здание называется здесь Караван-Сарай, недавно оно воздвигнуто по рисунку Брюллова», – писал Т.Г. Шевченко, прибывший в Оренбург летом 1847 г. для отбытия ссылки [10]. Позже с восхищением отозвался о Караван-Сарае А.В. Луначарский, посетивший Оренбург в 1929 г. при поездке в Среднюю Азию: «Очень интересен Караван-Сарай. Это прекрасное здание с превосходным архитектурным памятником посредине...» [11, с.9].

Караван-Сарай является историческим памятником Оренбурга и в наши дни. В 1976 г., обучаясь в Оренбургском педагогическом институте, мы посещали планетарий, который находился в здании бывшей мечети. Смотрели научные фильмы про звезды, Вселенную, легенды о звездах и созвездиях.

Караван-сарай – одинокие станции в пустыне, обычно располагались вдоль старых караванных дорог на расстоянии 30–40 км, то есть одного

дневного перехода верблюжьего каравана. Они обеспечивали путешественникам и торговцам отдых и безопасное пребывание. В ряде случаев они использовались в качестве временных военных укрытий, представляли возможность отбить нападение и выдержать недолгую осаду [9; 14, с.199].

Типичный караван-сарай представлял из себя несколько двух-трехэтажных зданий, окруженных толстой каменной или кирпичной стеной, на углах которой могли располагаться наблюдательные башни. Караван-сарай имеют квадратное или прямоугольное построение, по внутреннему периметру шла открытая галерея, из которой можно было попасть во внутренние помещения. В стенах были сделаны несколько входных ворот. В центре четырехугольника, образованного стенами, располагался открытый двор [14, с.200–201].

В 1836 г. военный губернатор Оренбургской губернии В.А. Перовский выступил с инициативой постройки в городе единого комплекса для находящихся на службе башкир, «чтобы они имели более удобное помещение для себя и своих лошадей», а также «чтобы башкиры имели полную возможность исполнять по своему закону требы и молитвы»¹ [1, с.67–76].

В данном случае необходимо отметить, что под башкирами стоит понимать представителей полиэтнического военно-служилого сословия, входившего в состав Башкиро-мещерякского войска. Как известно, все мусульманское население башкирских кантонов именовалось в документах 1798–1865 гг. башкирами, вне зависимости от их этнической принадлежности по аналогии с казаками Оренбургского казачьего войска (в ревизских сказках и других документах) [4, с.5; 16, с.9–14].

Для создания проекта Дома войсковой канцелярии Башкиро-мещерякского войска был приглашен известный архитектор Михаил Петрович Коринфский. Но его проект военным губернатором был отвергнут: «Строениям не дано характера соответствующего его назначения, даже мечеть походит на христианский храм»², – писал он. Позже был приглашен выдающийся русский архитектор Александр Павлович Брюллов. Разработанный Брюлловым проект комплекса был утвержден 19 января 1837 г. и получил название «Караван-Сарай». Его строительство под руководством подполковника Шарона длилось с 1837 по 1846 г. [4, с.8–11].

Административное здание было сооружено в 1838–1844 гг. Его постройка обошлась в 295034 руб. ассигнациями. Строительство основного корпуса финансировалось за счет находившихся в распоряжении губернатора «экстраординарных» войсковых сумм, вырученных за общественный шадрик и поташ, за лесные изделия и от продажи общественного леса. На строительство был использован так называемый «башкирский капитал»,

¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.11.

² ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.14.

собранный путем обложения башкир сбором в 80 коп. А также значительное количество строительных материалов, таких как лес, кирпич, гребенской и маячный камень, известь и уголь, использовались из хозяйственных заготовлений Башкиро-мещеряцкого войска³ [4, с.6].

Для возведения и украшения Караван-Сарайской мечети было решено дополнительно привлечь пожертвования мусульман. В связи с этим военный губернатор В.А. Перовский издал циркулярное предписание №1658 от 20 апреля 1836 г. о приглашении мусульман к добровольным приношениям на возведение Войсковой соборной каменной мечети. По его поручению муллы деревни Нижние Чебенки Абдулла Давлетшин объехал почти все башкирские и мишарские кантоны и собрал «добровольные взносы единоверцев своих, записывая каждое приношение в шнуровую книгу, за рукоприкладством подателя»⁴. Вне поля его деятельности осталось только три юрта 11-го башкирского кантона, так как они находились на значительном расстоянии. Эти взносы были на добровольной основе, губернатором предписывалось не делать «никаких понуждений со стороны старшин и начальников» [4, с.7]. С весны 1836 г. до осени 1838 г. было собрано 15895 руб. 95 коп. в перерасчете на ассигнации⁵. В 1838 г. хан казахской Букеевской Орды Джангер передал на постройку мечети 8703 руб. золотой и серебряной монетой, собранных в 12 казахских родах, в том числе 1500 руб. пожертвовал сам Джангер. В июне следующего года прислал еще 808 руб. 90 коп., которые собрали приезжие мусульмане во время весенних ярмарок при Ханской ставке [4, с.12]. А мулле Давлетшину Абдулле «в вознаграждение усердия и трудов его, понесенных при разъездах по башкирским и мещеряцким кантонам», В.А. Перовский 24 апреля 1838 г. предписал своей канцелярии выдать 300 руб., а 20 октября – еще 500 руб.⁶

В.А. Перовский докладывал Владимиру Афанасьевичу Обручеву, назначенному в 1842 г. командиром отдельного Оренбургского корпуса, оренбургским военным губернатором и управляющим гражданской частью, что собранных денег на строительство и украшение мечети будет «весьма достаточно». Караван-Сарайская мечеть возводилась на открытом месте вне города не только на пожертвования, но и в основном руками самих башкир и мещеряков. Ее торжественное открытие состоялось 30 августа 1846 г.⁷

Комплекс «Караван-Сарай» включает П-образный трехэтажный корпус с внутренним двором; мечеть, которая образует центр композиции; отдельно стоящий минарет, закрепляющий ось ансамбля со стороны въезда во двор (ныне Парковый пр., 6). Корпус имеет значительную протяжен-

³ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.17 об, 19об., 22.

⁴ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.11–11об.

⁵ ОГАОО. Ф.6. Оп.11. Д.517. Л.205–207.

⁶ ОГАОО. Ф.6. Оп.11. Д.517. Л.212.

⁷ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.21об.

ность. Если вытянуть его периметр в одну линию, то общая длина составила бы более четверти километра [5, с.9; 13, с.14].

В основном корпусе расположены различные по назначению помещения. Первоначально в здании было предусмотрено училище для башкирских детей с образцовыми мастерскими при нем – слесарной, кузнечной, столярной, малярной, шорно-седельной и др. Здесь же должны были находиться квартиры для командующего Башкирско-мещерякским войском, комнаты для временного проживания приезжих башкир и мещеряков и для обслуживающего персонала [12, с.309–313].

Планировка помещений проста, рациональна и соответствует их назначению. В связи с тем, что в здании размещались разнохарактерные по назначению учреждения, был предусмотрен изолированный вход в каждое из них. Таких входов было тринадцать. Они расположены со стороны внутреннего парадного двора: по три на восточной и западной сторонах, пять – на северной и по одному на торцах, ориентированных в сторону въездов. Связь между этажами в корпусе осуществлялась пятью лестницами, заключенными в капитальные стены [7, с.14–15].

Для содержания верховых лошадей и других хозяйственных нужд (каретник, ледник и т.п.) имелись особые дворы, которые примыкали к главному корпусу с восточной и западной сторон. К ним можно было пройти через арочные проемы, устроенные в первых этажах обеих сторон, для связи с внешним миром был предусмотрен непосредственный въезд в каждый хозяйственный двор [12, с.313].

Мечеть высотой 18,9 м и шириной 12,6 м в плане имеет форму правильного 8-угольника, ориентирована на Мекку, вход с северной стороны, покрыта куполом. Стены молитвенного зала внутри оштукатурены под мрамор, в углах оформлены пилястрами, между которыми позолоченными буквами выполнены изречения из Корана. Характерной особенностью интерьера является отсутствие михраба, который заменяет кафедра с шатровой крышей, увенчанная шпилем и позолоченным полумесяцем и возвышающаяся на 12 ступеней от пола. Овальный купол мечети внутри разделен на 3 части: в верхней изображено голубое небо, а вокруг солнца по центру нарисованы 8 полумесяцев и 6-конечные звезды; средняя разделена на 8 равных полей, украшенных лепниной и 8-конечными звездами по центру; в нижней устроены арочные окна с ажурными металлическими переплетами и витражами, поля между которыми оформлены арабесками и восточным орнаментом. Зал украшала богатая, эффектная позолоченная люстра на 72 свечи с 6-гранными хрустальными призмами, купленная в английском магазине Санкт-Петербурга «Николс и Плинке» с запасным хрусталем за 1549 руб. серебром. По стенам укреплены восемь хрустальных в бронзе подсвечников. Солнечные лучи, расцветивая разноцветные стекла окон, преломляясь и отражаясь в хрустальных подвесках, обогащали интерьер мечети днем. Необычайно красиво выглядел интерьер и вечером, когда зажигали люстру. Яркие золотые узоры, сияние подвесок, све-

тящееся звездное небо производили сильное впечатление⁸ [4, с.14, 26; 14, с.39].

Другим оригинальным решением является отдельное расположение минарета, характерное для раннего мусульманского периода. Он представляет собой трехъярусную колонну высотой 38,76 м: нижний ярус имеет в плане квадратную форму (3,5х3,5 м), на высоте 5,2 м переходит в 8-гранник; средний – в виде полой колонны, оформленной каннелюрами (внешний диаметр – 3,66 м, внутренний – 2,1 м), на высоте 19 м украшен сталактитовым карнизом; верхний – цилиндрической формы, завершен вторым карнизом. Минарет имеет остроконечное завершение в виде конуса со шпилем, покрытого покрашенным в зеленый цвет железом. Над ним поднимается высокий шпиль с вызолоченным полумесяцем. Наружная стена минарета выложена белыми изразцами на гранитном пьедестале. По обеим сторонам минарета расположены ворота [6, с.16].

Сила архитектуры нарастает от основного корпуса к мечети, а от нее – к минарету. Архитектура зданий от одного помещения к другому становится все богаче и выразительнее, формы – определеннее, детали – рельефнее.

11 сентября (30 августа по старому стилю) 1846 г. в Оренбурге состоялось торжественное открытие мечети при Караван-Сарае⁹. В торжественном открытии мечети приняли участие командующий Башкиро-мещерякским войском Григорий Васильевич Жуковский, Оренбургский муфтий Габдулвахид Сулейманов, начальники башкирских и мещерякских кантонов и другие чины, почетные ордынцы, представители купечества, «кроме того было множество любопытных, прибывших без всякого приглашения» [3, с.7–11]. Приглашение никем не было отвергнуто, несмотря на дождливую и холодную погоду, продолжавшуюся несколько дней подряд, и на то, что в этом месяце мусульмане держали уразу (пост)¹⁰.

А 11 сентября с самого утра погода совершенно изменилась: на небе не осталось ни одной тучи, выглянуло солнце. В 9 часов утра перед разводом на плац-парадном месте были представлены корпусному командиру все прибывшие в Оренбург приглашенные. В числе ординарцев (военнослужащих) были конные башкиры-офицеры, урядники и казаки. Они были в национальных костюмах из красного сукна, поверх которых надевались медные кольчуги. У офицеров и урядников костюмы были обшиты золотым позументом. На голове медные каски, у офицеров – медные каски с красным пером¹¹.

После развода корпусный командир и парад отправились в церковь на литургию. Муфтий с представителями мусульманского духовенства, кан-

⁸ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.24об.

⁹ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.24.

¹⁰ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.25.

¹¹ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.25.

тонными начальниками и чиновниками возвратился в Караван-Сарай, где собрались мусульмане в ожидании молитвы¹².

После молебна в церкви к 12 часам корпусный командир в сопровождении многочисленной свиты штабных генералов и офицеров прибыл в Караван-Сарай и приветствовал мусульманское духовенство и народ. Муэдзин провозгласил с минарета азан. С благовеиным видом в строгом порядке сотни мужчин-мусульман выстроились для молитвы перед дверью мечети, пока муфтий, ахуны, имамы и азанчеи на крыльце читали молитву. Дверь отворилась, и вслед за муфтием вошли в мечеть духовные лица, чиновники, почетные купцы из татар и бухарцев. На молебне присутствовало около 3,5 тыс. человек. Молебен происходило в присутствии корпусного командира и других особ, продолжалось около часа. После молебна муфтий произнес приветственное слово. Первым муллой мечети был назначен Гатаулла Алтыnguзин¹³ [3, с.7–11].

После церемонии открытия мечети состоялись конные скачки. В скачках принимало участие около 200 лошадей. Они начались в 16.00 часов и прошли по почтовой дороге к Сакмарской станице за 25 верст от Оренбурга. В том месте, где был определен финиш скачек, приготовили угощения народу. Посмотреть на зрелищное представление собралось большое число людей, в том числе военный губернатор, генералы, много других особ с семьями. В ожидании появления скакунов состоялось общее гуляние под звуки батальонной музыки. Расставлены были призы для победителей: три суконных кафтана разных цветов (два – обшитых золотым, один – серебряным галуном), два бухарских халата – от военного губернатора; серебряный кубок, золотой перстень с эмалью, серебряный рожок, тубетейка из алого бархата с серебряным галуном, кусок шелковой ткани – от председателя пограничной комиссии генерал-майора Ладыжинского; верблюд – от купца 1-й гильдии Деева. После скачек прошли соревнования по национальной борьбе. Отличившиеся особой ловкостью получили приличные награды. Всем присутствующим было предложено обильное угощение, свойственное мусульманскому населению¹⁴.

Командующий Башкиро-мещерякским войском генерал-майор Г.В. Жуковский в рапорте оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву обращает внимание на следующую деталь в описании события: «Празднество это, данное собственно магометанам, по отличительному характеру своему от обыкновенных праздников в России заслуживает внимание тем более, что целью его было не одно всенародное увеселение, но, во-первых, чтобы показать магометанам, что правительство, пекущееся о благосостоянии народа всех вер, исповедуемых в империи, заботится и о благосостоянии храмов их, желая, чтобы каждый подвизался в прави-

¹² ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.25.

¹³ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.25.

¹⁴ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.25об.

лах своей религии, как источнике добрых дел, а, во-вторых, чтобы, доставя магометанам приятное для них зрелище конной скачки, произвести вместе с тем соревнование между кочующими инородцами, обладающими огромными табунами, могущее иметь полезное следствие – умножение скаковых лошадей»¹⁵.

Поскольку Караван-Сарайская мечеть не имела постоянного прихода, способного обеспечить содержание духовных лиц, по штатному расписанию управления Башкиро-мещерякского войска им было назначено госжалованье: мулле – 100, а муэдзину – 50 руб. серебром ежегодно, а также выделены казенные квартиры непосредственно в основном корпусе Караван-Сарая. В 1863 г. их годовые оклады были повышены до 150 и 100 руб. соответственно [3, с.8].

По распоряжению губернских властей от 1-й соборной мечети Оренбурга были отчислены мусульмане, проживавшие в городских предместьях, Старой и Новой слободках, которые образовали постоянный Караван-Сарайский приход. Это были преимущественно чернорабочие, мастеровые, мелкие торговцы, ремесленники, извозчики. В 1890 г. приход насчитывал 650 прихожан (350 мужчин и 300 женщин), а в 1908 г. – уже около 2 тыс. человек. К началу XX в. прихожанами соборной мечети были мусульмане, проживавшие в западной части Новой слободки и в северной части исторического центра города. Это район, ограниченный улицами: с востока – Воскресенской (ныне Пролетарской), Суринской (ныне Постникова) и Преображенской (ныне 8 Марта), с юга – Инженерной ул. (ныне Володарского) и Хлебно-Соляной пл., с запада – Гришковской ул. (ныне Чичерина), Косым пер. (ныне ул. Казаковская) и Кадетским проездом (ныне Коммунаров), с севера – Полицмейстерской ул. (ныне Кичигина) [5, с.10].

Караван-Сарай был окружен обширным, некогда роскошным садом, обнесенным частью каменной стеной, частью каменной оградой с железной решеткой. Создание сада было задумано одновременно с проектированием и строительством комплекса. Сад был заложен в 1852–1855 гг. и занимал площадь больше 5 га. Для его насаждения из девственных в то время лесов Уфимской губернии привозились разные растения, которые тщательно и любовно подбирались, продуманно и с большим вкусом размещались на территории сада. Так был создан интересный пейзажный сад, где были высажены разные деревья (сосна, ель, уральская лиственница, дуб, вяз, остролистный клен, карагач, липа) и кустарники (сирень, крушина, акация, жимолость и др.). При суровом оренбургском климате зимой и знойном лете деревья требовали заботливого ухода: летом требовался усиленный полив. Воду для полива брали из Банного озера, находящегося около Архиерейской усадьбы. Позже озеро высохло. В 1870-е гг. в сад был проведен водопровод¹⁶.

¹⁵ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.24; Ф.63. Оп.1. Д.28. Л.69–72.

¹⁶ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.22об.–23.

Парк был особенно великолепен весной, в период цветения кустарников, и в начале лета, когда зацветала липа. Губернаторы не препятствовали публике пользоваться садом.

Башкирское управление сравнительно недолго пробыло в Караван-Сарае. Наступила эпоха Александровских реформ, а вместе с нею и новый этап в развитии Башкиро-мещеряцкого войска. Согласно высочайше утвержденному мнению Госсовета от 2 июля 1865 г., была отменена кантонная система управления. Таким образом, управление башкирами окончательно было передано из военного в гражданское ведомство, а Башкиро-мещеряцкое войско расформировано. Здание Караван-Сарая перешло в распоряжение МВД и было отведено под размещение оренбургского губернатора, губернских присутственных мест и комиссии по размежеванию башкирских земель [4, с.30]. А также поднимался вопрос о передаче Караван-Сарая под Неплюевский кадетный корпус [8, с.19; 15, с.17].

В 1867, 1887, 1910 гг. оренбургские губернаторы возбуждали ходатайства о переносе Караван-Сарайской мечети и о прекращении выплаты духовенству госжалованья и предоставления казенных квартир. 26 января 1867 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о переносе мечети и минарета в другое место. Он обосновывал необходимость переноса тем, что якобы мечеть вызывает значительные неудобства для служащих, особенно для начальствующих лиц, и что во дворе здания, занятого русскими губернскими присутственными местами, неблагоприятно иметь мусульманскую мечеть. Возбуждал вопрос перед правительством о переносе мечети в другое место и губернатор Владимир Федорович Ожаровский. А губернатор Владимир Александрович Сухомлинов особенно восставал против Караван-Сарайской мечети, заявляя в министерстве, «или меня убирайте, или мечеть»¹⁷ [4, с.35; 7, с.29–30; 18, с.19].

Известен и такой факт, как Баджан Джангильдин – казахский бий Чиклинского рода, Чуренева отделения, живо воспринял мысль Н.А. Крыжановского и писал ему: «Находя, что мечеть, построенная при Караван-сарае, слишком отдалена от прихожан ее, проживающих в новой и старой слободках, и что она в то же время не может благоприятствовать здоровью прихожан в зимнее время – по неимению в ней печей, я, если угодно будет Вашему Превосходительству, мог бы взяться перенести ее на более центральное место в новой слободке и устроить ее в более обширных размерах, с употреблением недостающего на то количества денег и собственности» [15, с.17–22].

Министр внутренних дел П.А. Валуев прекрасно понимая, что перенос мечети с минаретом может вызвать недовольство среди мусульманского населения, отвечал так: «С давних пор существующую, изящно построенную мечеть с минаретом оставить на месте, ныне ею занимаемом».

¹⁷ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.22об.

Прихожанам удалось отстоять мечеть, а ее имамы оставались на гособеспечении вплоть до падения монархии. В 1881 г. прихожане устроили вакуфные амбары¹⁸ [7, с.12].

Со времени открытия мечети при ней действовало мектебе, а с 1879 г. – Караван-Сарайское медресе. Старшими имамами в приходе были: Гатаулла Алтынгузин (1846–1865), Сулейман Даутов (фактически с 1865 г., официально – в 1871–1886 гг.), Ф.С. Даутов (1887–1893), Мухаммедфатых Гайнетдинов (1893–1906), Н.Ф. Тимошев (с 1906 г.). Караван-Сарайская мечеть была закрыта в 1930 г. [5, с.10].

Съезд башкир, который прошел в июле 1917 г., объявил Караван-Сарай национальной собственностью башкир и требовал вернуть комплекс башкирскому народу¹⁹ [7, с.41].

26 октября 1917 г. состоялось заседание Оренбургской ученой архивной комиссии, на котором Н.М. Чернавский сделал доклад по данному вопросу. О работе комиссии сообщается в 130-м номере газеты «Оренбургский край» за 1917 г.²⁰ Докладчик делает глубокий анализ и отвечает на вопрос: «Караван-Сарай – это государственная собственность или собственность башкир?» В докладе господин Чернавский отмечает, что постоянный двор Караван-Сарай построен для бесплатного проживания прибывших по делам управления башкир и мещеряков и прибывших купцов по торговым делам. В начале XIX столетия, говорится в статье, Оренбург являлся центром военно-административного управления башкир, заселявших Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую и Самарскую губернии. Он рассказывает, на какие деньги был построен комплекс (см. выше), отмечает, что собранные денежные средства ни в коем случае нельзя считать собственностью башкир: девять башкирских кантонов несли военную службу, а восемнадцать кантонов были освобождены от этой службы, взамен службы несли государственную натуральную повинность²¹ [4, с.38].

Караван-Сарай принадлежит к числу таких памятников, которые связаны с революционной борьбой местных рабочих и крестьян за установление советской власти. Так, в 1917 г. в Караван-Сарае помещались комиссар Временного правительства и Оренбургский совет рабочих и солдатских депутатов. В этом же здании была провозглашена советская власть в Оренбургской губернии. С ноября 1917 г. здесь размещалось Башкирское областное шуро, затем войсковые учреждения Башкирского правительства и казармы [6, с.15; 17, с.32–41].

Под жалобой о возвращении «башкирскому народу» незаконно отнятого Караван-Сарая в 1865 г. подписалось около десяти тысяч «башкир». Председатель бывшего Башкирского областного бюро и член Комиссариата

¹⁸ ОГАОО. Ф.11. Оп.9. Д.71. Л.5-8, 28-28об., 36.

¹⁹ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.1, 7.

²⁰ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.21об.

²¹ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.23.

та по делам мусульман при Наркомнаце Ш.Манатов в январе 1918 г. беседовал по этому вопросу с В.И. Лениным. В результате в 1918 г. был принят декрет о возвращении Караван-Сарая башкирам. Народный Комиссариат по делам национальностей 6 февраля 1918 г. послал в адрес исполнительного комитета Оренбургского Совета рабочих и солдатских депутатов телеграмму: «Просим опубликовать во всеобщее сведение, что по решению Народного Комиссариата по делам национальностей Башкирский народный дом и мечеть под названием «Караван-Сарай» в Оренбурге передается в полное распоряжение башкирского трудового народа в лице областного Совета башкир» [19, с.15].

В советский период здание не использовалось по прямому назначению. В 1920 г. в основном корпусе Караван-Сарая был открыт Башкирский институт народного образования (с 1921 по 1936 г. – Башкирский педагогический техникум). Через два года, после закрытия мечети, ее здание было передано Башкирскому педтехникуму под общежитие, а затем приспособлено под клуб Башкирского педагогического института. В годы Великой Отечественной войны здесь была расквартирована воинская часть, а с 1954 г. открыт городской планетарий²².

Здание мечети было возвращено верующим в 1991 г. Караван-Сарайская мечеть имела удручающе плачевный вид, уж слишком нещадно эксплуатировали это драгоценное наследие прошлого. В 1928 г. разобран фонтан, в 1932 г. имущество изъяли в Госфонд, в том числе и знаменитую люстру, которую позже, по непроверенным данным, увезли в г. Куйбышев (ныне – г. Самара). В 1950 г. мечеть соединили с минаретом чуждым комплексу одноэтажным объемом [17, с.39]. В молитвенном зале, представляющем собой огромный круг, по всей окружности были приколочены полки на высоте 2,5–3 м. Они крепились к стене толстыми железными тросами. Окончательно погублены позолоченные надписи сур из Корана, выполненные арабской вязью на внутренних стенах и куполе мечети. Белоснежная облицовка наружной стены минарета, в прошлом поражавшего воображение своей красотой и изяществом, повсюду была обнажена до самых красных кирпичей.

Был разрушен и Караван-Сарайский сад, вместе с ним была уничтожена и могила красным партизанам – татарам и башкирам, погибшим в 1918 г. при первом освобождении Оренбурга от Дутова [17, с.37–38].

Был сделан капитальный ремонт мечети. В настоящее время там располагается Мусульманское религиозное объединение «Караван-Сарай».

Бывшим Президентом Республики Башкортостан Муртазой Рахимовым «для той самой мечети, которая пострадала больше всего», был преподнесен дорогой подарок – люстра стоимостью 160 тыс. руб. [2, с.160].

Изучая различные статьи, мы встречали выражения: «Проект архитектора А.П. Брюллова был разработан как стилизация под традиционный

²² ОГАОО. Ф.63. Оп.1. Д.652. Л.59.

башкирский аул: центральная доминанта ансамбля – восьмиугольная мечеть воспроизводила формы башкирской юрты» или «Молитвенное здание стилизовано под облик башкирской войлочной юрты» [6, с.29]. Это красивая легенда. Она для тех, кто желает увидеть башкирские элементы в архитектуре Караван-Сарая. Ни сам Брюллов, ни его соратники ни в одном документе не писали об этом. Генерал-губернатор В.А. Перовский, заказывая проект комплекса, писал: «...архитектура приближалась сколь возможно к азиатскому вкусу» [4, с.8]. Главный редактор «Оренбургского церковно-общественного вестника», известный историк Оренбургской епархии Н.М. Чернавский (1872–1940) в своем докладе отмечал: «Восьмиугольная мечеть, в одинаковом стиле с главным корпусом, окружающим ее, по величественной своей архитектуре могла достойным образом занять место между мечетями Константинопольскими»²³. Выдающийся русский архитектор Александр Павлович Брюллов (1798–1877), автор проекта Караван-Сарая, в оформлении зданий использовал стиль ранней эклектики с использованием стилизованных элементов восточно-мусульманской архитектуры.

История Караван-Сарая подробно изучена. Исследования показывают, что комплекс «Караван-Сарай» построен на разные средства, включая как личные пожертвования людей, так и средства Башкиро-мещеряцкого войска (БМВ). Если учесть, что слово «башкир» в те времена означало не только национальность, но и сословие; учесть, что Башкиро-мещеряцкое войско составляли разные народы – башкиры, татары, киргиз-кайсаки (казахи), бухарцы и др.; учесть, что Башкиро-мещеряцкое войско охватывало части территорий Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской и Самарской губерний; учесть, что преподношения делали и богатый хан казахской Букеевской Орды, и казахи из 12 родов, напрашивается только один вывод: комплекс «Караван-Сарай» – это народное достояние мусульман всей России, прежде всего Оренбургского края.

Комплекс «Караван-Сарай» является не только памятником архитектуры федерального значения, не только символом Оренбурга, а является исторической ценностью, достоянием, народной святыней мусульман Оренбургской области. Его строительство и функционирование было направлено на решение властями целого ряда вопросов, связанных с жизнедеятельностью мусульманской общины, защитой религиозных прав мусульман Оренбурга, в условиях поликонфессиональной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акъюлов А.С. В.А. Перовский и его политика в отношении башкир // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья (к 160-летию основания Караван-Сарая) / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОГАУ, 2007. С.67–75.

²³ ОГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.3484. Л.24об.

2. *Вахитова Г.Г.* Село Биктимерово: (очерки о Малой Родине). Уфа: Информреклама, 2004. 215 с.
3. *Денисов Д.Н.* Мусульманская община Караван-Сарайской мечети // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья (к 160-летию основания Караван-Сарая) / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОГАУ, 2007. С.7–13.
4. *Дорофеев В.В.* Символ города: К 250-летию Оренбурга. Оренбург, 1993: [Б.и.], 43 с.
5. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / коллект. автор. сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009. 404 с.
6. *Калимуллин Б.Г.* Караван-Сарай в Оренбурге. М.: Стройиздат, 1996. 49 с.
7. Караван-Сарай / автор-сост. Калимуллин Ф.Б. Уфа: Китап, 1995. 2-е изд., перераб. и доп. 72 с.
8. Караван-Сарай / сост. Янгузин Р.З., Данилова Г.Б. 3-е изд., перераб. и доп. Уфа: Китап, 1996. 192 с.
9. Караван-Сарай. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Караван-сарай> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Караван-Сарай: символ Оренбурга // Бердская слобода [Электронный ресурс]. URL: <https://berdskasloboda.ru/tag/karavan-saraj/> (дата обращения: 27.03.2023).
11. *Луначарский А.В.* По Среднему Поволжью. Л.: Изд-во «Красная газета», 1929. 69 с.
12. *Матвиевская Г.П.* Символ Оренбурга: как строился Караван-Сарай // Гостиный двор. 2016. №2(53). Май 2016. С.309–317.
13. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / пер. с нем. Д. Е. Бертельса, отв. ред. В.И. Беляев. М.: Наука. 1973. 473 с.
14. *Мурадов Р.Г.* Региональные особенности архитектуры караван-сараев в Каракумах // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып.10 / гл. ред. и сост. А.Ю. Казарян. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С.197–221.
15. *Судоргина Т.В.* Документы государственного архива Оренбургской области о попытках передачи здания Караван-Сарая под Неплюевский кадетный корпус и переноса Караван-Сарайской мечети на другое место // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья (к 160-летию основания Караван-Сарая) / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОГАУ, 2007. С.17–22.
16. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с., 16 с. ил.
17. *Тугай Т.И.* Караван-Сарай как заложник культурной и национальной политики 1920–1930 гг. // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья (к 160-летию основания Караван-Сарая) / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОГАУ, 2007. С.32–41.
18. *Янгузин Р.З.* Основные этапы строительства Караван-Сарая // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья (к 160-летию основания Караван-Сарая) / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОГАУ, 2007. С.13–16.
19. *Ярмуллин А.Ш.* У истоков Башкирской республики. Биографии деятелей Башкирского национального движения (1917–1920 гг.). Уфа: Китап, 2017. 232 с.

Информация об авторе:

Омарова Альмира Шигаповна – Почетный работник сферы образования РФ, краевед-исследователь (с. Биктимирово, Оренбургская область, Российская Федерация); e-mail: omarowa56@mail.ru

Поступила 14.04.2023

Принята к публикации 05.05.2023

To the history of the Caravanserai of Orenburg

A.Sh. Omarova

Local historian

Biktimirovo, Orenburg region, Russian Federation

At the turn of the 1830s–1840s, the Caravanserai was built in Orenburg for the needs of the Bashkir-Meshcheryak army (since 1855 – the Bashkir army). It was represented a complex of buildings and a mosque with a minaret. The fate of Caravanserai was influenced by events taking place in the country: the disbandment of the Bashkir-Meshcheryak army in 1865, the revolution of 1917, the massive campaign to close mosques in 1929–1930, the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: Caravanserai, mosque, minaret, mullah, azan, governor, Bashkir-Mescheryak army, cantons, Bashkirs, Muslims

For citation: Omarova A.Sh. To the history of the Caravanserai of Orenburg. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.39–52. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.39-52> (In Russian)

REFERENCES

1. Akyulov A.S. V.A. Perovsky and his policy towards the Bashkirs. *Ethnic history and spiritual culture of Orenburg Bashkirs (to the 160th anniversary of the foundation of the Caravansarai)*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2007. Pp.67–75. (In Russian)
2. Vakhitova G.G. *Biktimerovo village: essays on the small homeland*. Ufa: Informreklama Publ., 2004. 215 p. (In Russian)
3. Denisov D.N. Muslim community of the Caravansarai mosque. *Ethnic history and spiritual culture of Orenburg Bashkirs (to the 160th anniversary of the foundation of the Caravansarai)*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2007. Pp.7–13. (In Russian)
4. Dorofeev V.V. *Symbol of the city: to the 250th anniversary of Orenburg*. Orenburg, 1993. 43 p. (In Russian)
5. *Islam in the Urals: an encyclopedic dictionary*. Ed. by D.Z. Khayretdinov. Moscow: Medina Publ., 2009. 404 p. (In Russian)
6. Kalimullin B.G. *Caravansarai in Orenburg*. Moscow: Stroyizdat Publ., 1996. 49 p. (In Russian)

7. *Caravanserai*. Ed. by Kalimullin F.B. Ufa: Kitap Publ., 1995. 72 p. (In Russian)
8. *Caravanserai*. Ed. by Yanguzin R.Z., Danilova G.B. Ufa: Kitap Publ., 1996. 192 p. (In Russian)
9. *Caravanserai*. *Wikipedia* [Electronic resource] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Caravanserai> (accessed: 01.04.2023) (In Russian)
10. *Caravanserai: symbol of Orenburg // Berdskaya Sloboda* [Electronic resource] URL: <https://berdskasloboda.ru/tag/karavan-saraj/> (accessed: 03.27.2023) (In Russian)
11. Lunacharsky A.V. *Along the Middle Volga*. Saint Petersburg: Krasnaya Gazeta Publ., 1929. 69 p. (In Russian)
12. Matviyevskaya G.P. Symbol of Orenburg: how the Caravansarai was built. *Gostiny dvor*. 2016, no. 2, pp.309–317. (In Russian)
13. Metz A. *Muslim Renaissance*. Translated by D.E. Bertels, ed. by V.I. Belyaev. Moscow: Nauka Publ., 1973. 473 p. (In Russian)
14. Muradov R.G. Regional features of the architecture of caravanserais in the Karakum. *Questions of the general history of architecture*. Vol.10. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History, 2018. Pp.197–221. (In Russian)
15. Sudorgina T.V. Documents of the State Archive of the Orenburg region on attempts to transfer the Caravanserai building to the Neplyuevsky cadet corps and transfer the Caravanserai mosque to another place. *Ethnic history and spiritual culture of Orenburg Bashkirs (to the 160th anniversary of the foundation of the Caravansarai)*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2007. Pp.17–22. (In Russian)
16. *Tatars of Ufa county (materials of population censuses of 1722–1782): reference edition*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History AS RT, 2020. 192 p. (In Russian)
17. Tugai T.I. Caravansarai as a hostage of cultural and national policy in 1920–1930. *Ethnic history and spiritual culture of Orenburg Bashkirs (to the 160th anniversary of the foundation of the Caravansarai)*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2007. Pp.32–41. (In Russian)
18. Yanguzin R.Z. The main stages of the construction of the Caravanserai. *Ethnic history and spiritual culture of Orenburg Bashkirs (to the 160th anniversary of the foundation of the Caravansarai)*. Ed. by V.V. Amelin. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2007. Pp.13–16. (In Russian)
19. Yarmullin A.Sh. *At the origins of the Bashkir Republic. Biography of figures of the Bashkir national movement (1917–1920)*. Ufa: Kitap Publ., 2017. 232 p. (In Russian)

About the author:

Omarova Almira Shigapovna – Honorary worker in the education sphere of the Russian Federation, local historian (Biktimirovo village, Orenburg region, Russian Federation); e-mail: omarowa56@mail.ru

Received April 14, 2023

Accepted for publication May 5, 2023

Реисламизация крещеных татар
в условиях революций начала XX в.:
на примере села Апазово Казанского уезда

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ФИЦ «Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается сложный период истории села Апазово Казанского уезда Казанской губернии – 1905–1917 гг. Во время Первой русской революции крещеные татары возобновили движение за возвращение в ислам. Сельское сообщество анализируется с различных ракурсов: социально-экономические связи, православный приход, нелегальная мусульманская община, лидеры и аутсайдеры религиозного движения. Маркерами мусульманской субъектности жителей Апазова стал целый ряд действий, связанных с религиозными практиками. Конфликтность внутри сообщества и конформизм коррелировались с разными фазами революционной активности 1905–1907 гг. Раскрываются основные мотивы, приведшие к смене религиозных установок. Автор отмечает, что кроме внешних сил (православные миссионеры, татары-мусульмане) в религиозном движении имелись и внутренние ресурсы: активное среднее поколение и женский фактор.

Ключевые слова: Казанская губерния, Заказанье, Балтасинская волость, история татарской деревни, христианское миссионерство, Первая русская революция 1905–1907 гг., татарская повседневность

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Реисламизация крещеных татар в условиях революций начала XX в.: на примере села Апазово Казанского уезда // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.53–72. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.53-72>

Введение. Татарский населенный пункт Апазово, расположенный в Казанском уезде Казанской губернии (совр. Арский район Татарстана), к началу XX в. имел сложное историческое прошлое. Социальные противоречия рассматриваемого периода были обусловлены историей предыдущих поколений жителей деревни. Они считались «старокрещеными» татарами, а Апазово отличалось от остальных татарских деревень Заказанья своими церковными куполами вместо традиционных в этих краях минаретов. Документы из Рождественской церкви с. Апазово датировались 1720-ми гг., но считалось, что деревянный православный храм был построен гораздо раньше [10, с.70]. Во второй половине XIX в. жители Апазова в миссионерских материалах стали упоминаться в числе «отпавших в магометанство» христиан. В 1883 г. в Казанском окружном суде было рассмотрено дело о 8 крестьянах с. Апазово Балтасинской волости Казанского

уезда. Все они были обвинены в отказе от православной веры и переходе в ислам¹, позднее фигурантов судебного дела сослали на каторжные работы и спецпоселение в Сибирь.

Социально-экономическая жизнь Апазова во второй половине XIX в., в том числе ситуация с «отпавшими», была рассмотрена нами в публикации 2020 г. [6]. В данной статье мы представляем повседневность апазовцев спустя несколько десятилетий, когда в населенном пункте уже подросло новое поколение «отпавших». Микроисторическая оптика дает возможность детально изучить взаимоотношения внутри сообщества и выявить новые аспекты научной проблемы этноконфессиональных групп Волго-Уральского региона имперского периода. Основными источниками работы стали делопроизводственные материалы Казанского окружного суда, Казанского учебного округа, Канцелярии казанского губернатора, Казанской епархии.

Социально-экономическое положение Апазова в начале XX века.

Вплоть до начала Первой мировой войны в селе наблюдался рост населения. В 1908 г. здесь проживало 1363 чел., в 1914 г. – 1399 чел., а в 1920 г. – 1220 чел.² [21, с.163]. Основными жителями села были татары-крестьяне. Например, в 1909 г. их было 1124 человек и все считались «старокрещеными татарами». Остальные 59 человек являлись представителями русского мещанства и духовенства [1, с.27–28]. Помимо самих жителей, в селе в этот период часто бывали иногородние: предприниматели, чиновники, священнослужители, покупатели (приезжали в базарные дни), учителя и ученики местной школы. Например, в 1908 г. при Апазовском мужском училище открылось общежитие на 25 человек. [10, с.72].

Свои коммерческие дела осуществляли здесь не только уроженцы Апазова, но и предприниматели со стороны. Они покупали жилые и производственные помещения, обзаводились домами, складами и лавками. Торговые обороты самой успешной предпринимательской фамилии Ивановых, имевших дело в с. Апазово, от продажи чая, сахара, бакалейных товаров, мануфактуры и других продуктов питания, исчислялись 3–4 тыс. руб. Ивановы были симбирскими мещанами.

Среди постоянных арендаторов временных лавок на базарной площади Апазова были также козьмодемьянский мещанин И.Е. Пендюков, арский мещанин А.А. Кареев, крестьяне соседней Мамсинской волости: Н.Утяганов (д. По речке Мамся), Ш.Фазлыяхметов (д. Новый Тазлар), Г.Махмутов (д. Шошмабаш), Х.Биктемиров и Т.Биктемиров (оба из д. Угузиловка). Кроме того, здесь торговали Ф.Шакиров (д. Новый Кры-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф.2. Оп.2. Д.3455. Л.5.

² ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.12.

лай Ново-Кишитской волости), М.П. Камаев (д. Тюбяк-Чекурча Арской волости), М.Хусаинов (д. Шиево Тетюшского уезда)³.

Согласно подсчетам Х.З. Багаутдиновой, в 1902–1915 гг. из предпринимателей, торговавших на Апазовском базаре, 83,7% составляли татары-мусульмане, остальные 16,3% были православными. В Заказанье еще больше татарских торговцев было только на базаре д. Старый Ашит [4, с.25].

Таким образом, в начале XX в. Апазово являлось заметным торговым центром Казанского уезда. Большое количество мусульманских торговцев в селе указывает на то, что у местного населения были прочные и постоянные контакты с татарами-мусульманами, в том числе в деловой сфере. Общение, продиктованное торговыми интересами, предполагало и культурный взаимообмен.

Вместе с оборотами базарной торговли развивалась инфраструктура села. Например, открылись новые пункты общественного питания. Если в 1880-е гг. во время базарных дней работала 1 харчевня, то в 1903 г. – 3. Содержали их козьмодемьянская мещанка М.Ф. Пендюкова, арская мещанка Т.И. Разумова и жена казанского цехового Н.С. Петрова. Супруг владелицы харчевни – Н.В. Петров заведовал работой пивной лавки в этом же селе. Питейное заведение принадлежало Торговому дому наследников коммерции советника И.В. Александра⁴.

Помимо постоянно приезжавшей в Апазово торговой публики, особой категорией среди местных жителей были выезжавшие периодически за пределы села апазовцы-портные. «Мужчины почти круглый год занимаются портняжеством», – отмечал чиновник Н.А. Бобровников в конце XIX в. [5, с.32–33]. Портняжный промысел был старинным и весьма прибыльным занятием мужчин-отходников этого татарского селения. В поисках клиентуры портные из Апазова уходили очень далеко. Например, уроженец Царевококшайского уезда Казанской губернии Ахмет Хафезетдинов (1877 г.р.) вспоминал, как в юношестве встретил в Бухаре одного сарта-портного, который оказался сыном выходца из Апазова. Он рассказал ему, что его отец был крещеном (крещеным татаринном), «приехав в Бухару, стал мусульманином», работал портным в постоялом дворе «Нугай-сарай». Его ремесло продолжали сыновья [7, с.125].

Среди клиентуры апазовских портных было много жителей татарских деревень (как правило, мусульман). Этот факт беспокоил миссионеров еще в 1870-е гг., неслучайно в 1873 г. совместно с учебным ведомством был даже организован ремесленный класс при Апазовской школе для обучения мальчиков портняжному ремеслу на месте (обычно портные брали подмастерьев с собой) и ограничения татарского влияния [9, с.65].

³ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13830.

⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.1. Д.13830. Л.642–692.

К началу XX в. решили, что лучше переориентировать учеников на другие занятия. Поэтому в 1905 г. Апазовскому училищу была предоставлена коллекция столярных инструментов для обучения учащихся новым ремеслам. Одной из задач ремесленных классов все так же было ограждение учеников от влияния мусульман и предложение им альтернативного дела⁵. В 1907 г. в Апазовском училище начали обучать столярному и токарному ремеслам [10, с.72].

Однако апазовцы продолжали заниматься и портняжным промыслом, и контактировать с татарами-мусульманами. На рубеже XIX–XX вв. в селе работало отдельное красильное заведение, где занимались окраской и набивкой тканей. Судя по всему, изготовление тканей тоже было связано с большим количеством местных отходников-портных⁶.

В 1898 г. Апазовский православный приход оставил священнослужитель, отец Александр (Миропольский), его перевели в г. Мамадыш. Он прослужил в татарском селе 29 лет. Во многом благодаря его упорству апазовцы так и не перешли окончательно в 1880-е гг. в категорию «отпавших», как удалось, например, жителям соседней татарской д. Верхний Азяк. С 1874 г. до официального причисления к мусульманскому приходу в 1905 г. верхне-азяковцы оставались на положении маргиналов [3, с.121]. Судебный процесс над апазовскими татарами в 1883 г., последующая высылка на каторжные работы и поселение части активных сторонников идеи возвращения в мусульманство приостановили порыв остальных жителей села.

Несмотря на официальный православный статус Апазова, внутри сельского сообщества была неофициальная дифференциация на фактических православных и номинальных. К первым относились приезжие люди христианского вероисповедания, а основная масса коренных жителей лишь де-юре считалась православной. Судя по всему, тон такой сегрегации невольно задавал и сам А.Миропольский еще с 1880-х гг. Памятуя о негативном отношении к проводимым им православной практике, в праздничные дни он посещал не всех прихожан, а только избранных из первой группы. Это продолжалось и после возвращения части «отпавших» татар в лоно церкви. «Отец Миропольский пасхой 1886 года не нашел возможным в продолжение всей пасхальной недели обойти дома их со святым крестом, удостоив лишь своим посещением в первый день праздника проживающих в Апазове двух торговцев и полицейского урядника; дома же отпадавших от православия и только что возвратившихся в него татар обходил на Фоминой неделе, где его или принимали с ропотом, или совсем отказывались принять, что, конечно, ни сколько не может укреп-

⁵ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7109. Л.2, 11.

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.10502. Л.5об.

лять колеблющихся в познаниях Православной веры и не может ослаблять силы врагов его», – рапортовал местный пристав⁷.

По данным самого А.Миропольского, после обозначенного выше судебного процесса из 300 «отпавших» апазовских татар вернулись в православие 250 человек, т.е. большая часть населения, испугавшись судебного преследования, предпочла вернуться в прежнее состояние. В целом, они демонстрировали лояльное отношение и покорность к церковным требованиям, но и особой религиозностью не отличались.

Но около 50 человек все же остались в т.н. группе «отпавшие», т.е. открыто заявлявших о своей приверженности к мусульманской религии. Среди них был Тимофей Дмитриев, родной брат осужденного бывшего сельского старосты Архипа Дмитриева. Позже к Тимофею Дмитриеву, которого священник безуспешно пытался выслать из Апазова, присоединились местные жители, крестьяне Емельян и Борис Алексеевы, отставной солдат Ефим Иванов. Кроме того, в 1897 г. из Иркутской губернии, отбыв свой 14-летний срок, вернулся один из осужденных апазовских татар Архип Федоров (он же Абдрашит Ахмадуллин). Его тоже как «проповедника магометанства», оказывающего «вредное влияние», местные власти (пристав, земский начальник) всячески пытались ограничить в правах и выслать на другое место жительства, но вышестоящие органы посчитали такие меры излишними [6, с.48–49]. По официальным сведениям, до марта 1906 г. в с. Апазово было 9 семейств, которые «отпали от православия» в 1882–1883 гг.⁸ К 1907 г. их стало гораздо больше.

Апазовские священники и православный приход. Апазово, как православное село с «отпавшими» татарами, постоянно находилось в центре внимания миссионеров, сюда нередко приезжали представители и учебного ведомства, и Казанской епархии. Поэтому упоминания о жителях Апазова можно найти в отчетах и наблюдениях Е.А. Малова, Я.Д. Коблова, Н.А. Бобровникова и других деятелей. Например, приемный сын и продолжатель традиций известного православного просветителя Н.И. Ильминского – Н.А. Бобровников в конце XIX в. отмечал, что апазовцы «представляют едва ли не самых шатких в христианстве крещеных татар; церковь посещают весьма неохотно, христианские обязанности исполняют весьма немногие», а «отпавшие здешние в высшей степени упрямы в своем заблуждении» [5, с.32–33]. В дальнейшем именно игнорирование церковных обрядов (например, «редкое посещение церкви» сменится полным непосещением воскресной службы) станет основным маркером усиления субъектности апазовских татар.

6–8 сентября 1903 г. в с. Апазово побывал миссионер Я.Д. Коблов и провел беседу с местным населением «с изложением учения Христа и разъяснением бесполезности мухамеданства». В своем последующем от-

⁷ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.3455. Л.2об.–3об.

⁸ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

чете он тоже называл Апазово в числе сел, находящихся «в брожении к отпадению» [11, с.15].

Как отмечали современники, «брожение» было характерно не только для паствы, но и для священнослужителей прихода. Революционная ситуация по всей стране, очевидно, влияла и на взаимоотношения людей, и на их перемещения и действия. После русского священнослужителя А. Миропольского в духовном ведомстве старались, чтобы православную паству татарской деревни возглавлял священник из татар. Это было еще следование принципам Н.И. Ильминского, который настаивал на необходимости назначения в «инородческие» приходы «инородческого священника» для ведения «инородческого богослужения» [14, с.364–365]. Но в с. Апазово тогда наблюдалась кадровая нестабильность, часто менялись даже псаломщики. Так, с 1901 г. псаломщиком был выпускник крещено-татарской школы Ф.Т. Трофимов, уже с 1908 г. его заменил С.Нестеров [18, с.108–109; 19, с.104–105]. «...особенно низшие члены причта, сидело не прочно в Апазове: иногда пономарь заменял дьячка, иногда наоборот...», – отмечалось в обзоре церквей и приходов Казанского уезда [10, с.70]. Поэтому игнорирование церковной службы, очевидно, было связано не только с этим фактом, но и с личностными характеристиками служителей Рождественской церкви.

В 1898 г. Александра Миропольского сменил Павел Михайлов, по замечанию представителей Казанской епархии, «старавшийся упорядочить жизнь хромавших на оба колена апазовцев». В 1899 г. его место занял Василий Никитин, прослуживший в итоге до 1907 г. [10, с.69]. Он был выпускником учительской семинарии. По данным 1904 г., 41-летний священник воспитывал с супругой четверых малолетних детей [18, с.108–109]. Судя по всему, именно о нем позднее в резких тонах отзывался епископ Андрей (Ухтомский). В 1910 г. он говорил, что в с. Апазово до 1905 г. «священником был скандалист-алкоголик, в течение семи лет растравивший приход своим поведением, в пьяном виде отправлявший богослужение» [14, с.364–365]. Уже в другом обзоре подчеркивалось: «В отступнических селах не любят штрафованных “стомаха ради”; не прощают и другие слабости» [священникам – прим.] [10, с.71].

Согласно официальным данным, после ухода В.Н. Никитина в 1907 г. Апазовский православный приход возглавил священник Л.А. Ишкинов [10, с.69]. На тот момент молодому выпускнику учительской семинарии едва исполнилось 25 лет [19, с.104–105]. Лев Алексеевич родился в татарской деревне Сетяково Елабужского уезда Вятской губернии [1, с.27–28]. Однако фактически в 1907 г. временно исполняли должность священнослужителя в с. Апазово еще несколько православных деятелей: уроженец Апазова, священник Емелиан Филиппов (январь 1907 г.) и иеромонах Иоанн (февраль-июнь 1907 г.). Последний был монахом Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Казани. Хотел вернуться на прежнее место службы и отец Александр (Миропольский). В Мамадыше у него сложились непростые от-

ношения с частью прихожан: на фоне бушевавших революционных идей они считали его излишне консервативным. Однако руководство Казанской епархии отклонило ходатайство почти 60-летнего священника о желании вернуться в Апазово и предложило Миропольскому стать вольнослушателем Казанской духовной академии. Прослушав миссионерские курсы, в 1911 г. отец Александр обосновался в Екатеринбургской епархии [8, с.415–419].

Священник Емелиан Филиппов в 1880-е гг. служил в с. Апазово учителем школы, и именно в тот период развернулись судебные разбирательства с его «отпавшими» односельчанами. Позднее он получил место в приходе с. Юкачи Мамадышского уезда, а в 1907 г. являлся священником с. Малые Лызы Казанского уезда. Уже в конце января того же года Е.Ф. Филиппов развернул бурную деятельность по защите прав православных жителей Апазова. При его поддержке было подготовлено прошение от неграмотного крестьянина Фрола Степанова на имя казанского губернатора. В нем житель Апазова просил начальника губернии «принять какие-нибудь меры к ограждению остающихся в Православии крещеных татар села Апазова от насильственных действий и угроз со стороны отпадших». Кроме того, требовал уголовной ответственности «отпадших в магометанство» односельчан, а также ходатайствовал о назначении в село «хотя бы одного полицейского урядника православного вероисповедания» [1, с.27–28].

В целом повторялась похожая на события 1882–1883 гг. судебная история: дело дошло до Казанского окружного суда. Но уже действовал Закон 1905 г. о веротерпимости, да и сами «отпавшие» были настроены решительнее. Например, в 1904 г. в с. Апазово было зафиксировано всего 21 человек «отпавших» (9 дворов), остальные 178 дворов с 1273 жителями все еще считались крещеными татарами [18, с.108–109]. В 1909 г. число «отпавших» резко выросло до 479 человек. [19, с.104–105].

Помимо индифферентного отношения к церковным требам, редкого посещения или же полного игнорирования воскресной службы в революционные годы, прихожане Апазовского православного прихода начали демонстрировать протестные настроения и в других ситуациях. Например, 5 января 1907 г., накануне Крещения, апазовцы не сделали традиционную прорубь (иордань). Обычно жители села прорубали иордань по очереди. На этот раз очередь дошла до крещеного татарина Василия Ефимова. Но активисты из числа «отпавших» отговорили его⁹.

Кульминацией революционных настроений борцов за религиозные права можно считать случившийся 9 июня 1907 г. пожар в с. Апазово, в результате которого сгорела и деревянная Рождественская церковь [23, с.3]. Удалось спасти лишь некоторую церковную утварь. В духовном ведомстве были уверены, что это был поджог, устроенный «отпавшими». Основным их мотивом, якобы, было уничтожение документов о своей

⁹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.9.

принадлежности к христианской пастве [10, с.67]. Однако прямых доказательств вины «отпавших» не было. Подозрительным считалось лишь поведение ряда апазовцев во время пожара, которые, по словам епископа Андрея, отказались тушить огонь. «После этого угрозы сжечь другие деревянные храмы среди крещеных татар усилились», – писал он [2, с.5].

Движение за возвращение в ислам находило все большую поддержку среди местного населения и даже приобретало радикальный характер, но, вместе с тем, в с. Апазово «на пожертвования православных прихожан» очень быстро была построена новая деревянная церковь без колокольни. Новый храм был освящен епископом Андреем 25 ноября 1907 г. Службы, как и прежде, велись на татарском и церковно-славянском языках¹⁰.

Кроме того, в с. Апазово имелся более грандиозный строительный проект: еще в 1897 г. был заложен фундамент каменной церкви. На этот проект А.Миропольский собирал жертвования по всей стране. Например, его объявление о строительстве церкви в с. Апазово, окруженном «мохаммеданскими селениями», в 1896 г. было опубликовано даже в материалах Енисейской епархии [15, с.96]. Спустя десять лет и после пожара церковный долгострой получил второе дыхание, строительство было продолжено. Однако это не понравилось некоторым жителям Апазова. Так, уже в материалах Казанского окружного суда в 1907 г. было зафиксировано, что один из «отпавших» Емельян Васильев сказал, что нужно разобрать кирпичи строящегося храма и использовать для других строительных целей¹¹.

Очень показательным, что среди татар Апазова не было благотворителей, жертвующих средства на пользу местной церкви. Например, в 1877 г. Рождественскую церковь перестроили на средства купца П.Е. Ульянова, он долгие годы помогал местному приходу [18, с.108–109]. Православное духовенство объясняло индифферентное отношение апазовцев к благотворительности тем, что «инородцы еще не склонны к самодеятельности» [10, с.72].

После пожара 1907 г. строительство каменной церкви в с. Апазово было поддержано на самом высочайшем уровне: в 1910 г. владыка Никанор выделил 4 тыс. руб. из средств Казанской духовной консистории, после его же ходатайства в том же году поступило пожертвование от императора Николая II (2 тыс. руб.). Кроме того, имелось около 400 руб. частных пожертвований. Наконец, в 1912 г. Казанская духовная консистория выделила еще 1500 руб. на достройку храма [10, с.67–68].

Вместе с тем изучившее ситуацию в с. Апазово православное духовенство вынуждено было констатировать, что «апазовцы редко ходят в церковь». Так, в июне 1912 г. миссионер А.Кремлев посетил местный приход и прочитал специальную проповедь «о необходимости посещения церкви и пользе от этого для души христианина». Однако в православный

¹⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.5об.

¹¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.3об.

храм в тот день пришли не все сельчане, хотя миссионер специально выбрал относительно свободное время между полевыми работами. По наблюдениям А.Кремлева, на следующий день в школу «апазовцы собрались охотнее, чем в храм», туда пришло больше народа. Там он провел беседу о «недостатках учения Корана с нравственной точки зрения» [12, с.26].

Но, несмотря на искренние стремления православного духовенства поддерживать прежний христианский облик села, а также ограничения властей и даже судебное дело 1907 г., в с. Апазово наблюдались другие духовные практики и начавшийся процесс реисламизации приобрел необратимый характер.

Тайная и явная жизнь мусульман Апазова. «Недалеко от села к северу сохранились две сосны “киремети”», «треб было немного», «неохотно и неаккуратно прибегали к совершению их, многие же и тогда уклонялись от православия», – так было зафиксировано в описании Апазова накануне Первой мировой войны [10, с.69]. В этом замечании – и присутствие языческих верований в жизни апазовцев («священное место» с соснами – «кереметь»), и игнорирование церковных обрядов. Например, в церковных записях апазовский священник не мог найти информацию порой даже о старожилах, т.е. людях достаточно взрослых.

В годы Первой русской революции среди апазовцев все более широко распространялись мусульманские практики. Своего хазрата в селе не было, но большую работу вел религиозный служитель из соседней д. Каратай – мулла Камалетдин Назмутдинов. Он проводил апазовцам мусульманские обряды «исем кушу» (имянаречения) и «никах» (бракосочетания). Татарские имена давались не только новорожденным, но и взрослым апазовцам с русскими именами. Камалетдин-хазрат действовал вполне уверенно и заверял крещеных татар в том, что на все это имеется разрешение губернатора¹². Очевидно, он имел в виду указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.

По данным 1909 г., к мусульманскому приходу д.Каратай Мамсинской волости Казанского уезда относилась и часть населения с. Апазово Балтасинской волости того же уезда: всего в этом документе было учтено 77 человек мужского пола, все они были указаны как отпавшие после 1905 г.¹³

Помимо Камалетдина Назмутдинова, обязанности мусульманского священнослужителя возложил на себя и один из лидеров «отпавших» апазовцев – Минибай Ямалеев¹⁴ (по официальным документам – Александр Емельянов), который тоже давал и маленьким, и взрослым апазовцам новые мусульманские имена. Поэтому некоторые односельчане называли его

¹² ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.2.

¹³ ГА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.8336. Л.1–18.

¹⁴ В разных документах фамилия этого человека указывалась как «Ямалетдинов», «Замалетдинов», «Ямалеев».

«временным муллой». Кроме него, по словам одного из апазовцев, в 1907 г. мусульманские имена давала и женщина по имени Анна, дочь Ивана Мартынова¹⁵.

В документах тех лет некоторые апазовцы указывались либо с двойными именами (например, Андрей Егоров – Амир Бикчентаев, Василий Алексеев – Башир Апсалямов, Ефим Игнатъев – Карим Ибрагимов), либо с новым именем и старой фамилией (например, Сайфутдин Иванов)¹⁶. Такое маргинальное положение между исламом и православием сохранялось в с. Апазово почти до революционных событий 1917 г. Например, на один из сельских сходов в 1914 г. собрались 153 домовладельца, из них подписались мусульманскими именами лишь 23 человека¹⁷. Но каким образом давались новые имена (особенно, когда речь шла об Анне Мартыновой), проводился ли сам мусульманский обряд имянаречения – эти моменты остаются неясными. Интересно, что во время судебного разбирательства 1907 г. А.Емельянов (М.Ямалеев) заявил о своей непричастности к данной практике: «Имен татарских никому не давал, они («отпавшие». – Л.Г.) называли себя именами теми сами»¹⁸.

Проводились и другие мусульманские обряды. Например, по словам иеромонаха Иоанна, в июле 1907 г. некоторые апазовцы-мусульмане «тайно стали делать над младенцами обрезание»¹⁹. Здесь надо отметить, что именно в татарских деревнях Заказанья проживали мусульмане-специалисты по обрезанию, которые считались потомками сахабов (сподвижников пророка Мухаммеда) и передавали свое ремесло из поколения в поколение. Для них это был своеобразный отхожий и очень благородный промысел, они ездили по разным губерниям Европейской России [20, с.41].

Также именно в революционный период апазовцы начали устраивать мусульманские общественные моления (коллективные намазы). Для этого они собирались в одном из домов «отпавших». Эти намазы в донесениях к органам власти в 1907 г. иеромонах Иоанн называл «тайными собраниями» и считал противозаконным актом, ссылаясь на Временные правила 1906 г. о союзах и собраниях²⁰. Вероятно, из-за этого их пытался разогнать и местный становой пристав. Он их периодически проверял и препятствовал проведению религиозных обрядов [22, с.3].

После 1905 г. в селе начал функционировать также татарский мектеб. По словам иеромонаха Иоанна, эти школы были организованы в доме Ефимия Игнатъева (Карима Ибрагимова). Каждую из них посещали до 80

¹⁵ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.9, 2об.

¹⁶ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.2–9.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.6–8.

¹⁸ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.4.

¹⁹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

²⁰ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.1.

детей, а учительницами работали две приезжие татарки-мусульманки²¹. Однако с 1907 г. в различные инстанции власти начали поступать ходатайства о необходимости закрытия данной школы, как имевшей «очень вредное влияние на христианское население этого села, в смысле свращения последнего в магометанство». В результате «тайные школы» были закрыты²².

Вообще в этот период чиновники учебного ведомства были серьезно обеспокоены уменьшением количества учащихся в Апазовском училище. Например, в 1903 г. в Апазовском одноклассном училище обучалось 87 мальчиков, на следующий 1904 г. оно было преобразовано в двухклассное, но количество учащихся, наоборот, сократилось до 60 человек [10, с.72; 18, с.108–109]. Наряду с равнодушным отношением некоторых бедных семей к обучению своих детей (они обычно отдавали подростков как можно раньше в подмастерья для освоения портняжного ремесла), уменьшение числа учеников было связано и с сознательным выбором родителей мусульманского просвещения. Ограждение детей от «дурного влияния» родителей (особенно «отпавших») оставалось одной из насущных задач для чиновников и учителей миссионерской школы²³.

Безусловно, на апазовских татар в это время оказывало влияние и рост этноконфессионального самосознания у татар-мусульман, и развитие татарской культуры с открытием новометодных (джадидских) мектебов и медресе при мечетях, с книгоиздательским бумом. Поэтому они тоже хотели организовать в с. Апазово не только мусульманский приход, но и татарскую школу нового типа. Очень показательны, что лидеры движения искали поддержки через татарские газеты. Так, весной 1907 г. М.Ямалеев и Б.Апсалямов пришли в редакцию казанской газеты «Юлдуз», где рассказали о тяжелой религиозной ситуации в с. Апазово. Несмотря на различные препятствия со стороны властей, неофиты были настроены решительно. Они заявляли, что их не пугает ни смерть, ни Сибирь [22, с.3]. Через татарские газеты «отпавшие» собирали и благотворительные средства. В 1917 г. в газете «Юлдуз» вновь была публикация о ситуации в с. Апазово и необходимости сбора средств на строительство мечети.

Представители православного духовенства так же отмечали особое значение татарской печати на «отпавших». Однако интерпретировали это влияние немного в другом ключе. Так они надеялись на уменьшение революционных настроений с помощью татарской печати: «Среди торговцев-мусульман татарские журналы и газеты начинают распространяться и, быть может, остановят начинающееся среди татарской молодежи брожение (хулиганство) от прикосновения к поверхностной накипи культуры», – отмечали они [10, с.72].

²¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

²² ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.2.

²³ ГА РТ. Ф.92. Оп.2. Д.7109. Л.1–1об.

Несмотря на провозглашение во время революции религиозной свободы в стране, апазовские лидеры «отпавших» вскоре были привлечены к судебной ответственности за свою «вредную деятельность». В результате в 1907 г. за А.Емельяновым (М.Ямалеевым) и В.Алексеевым (Б.Апсаламовым) было установлено «тщательное наблюдение» и запрещены общие собрания²⁴.

По данным 1909 г., в с. Апазово отпавших насчитывалось 599 человек. Всего отпавших крещеных татар в этот период было уже более 35 тыс. человек [14, с.125]. В декабре 1909 г. уполномоченные жителей с. Апазово – крестьяне Б.Апсаламов и М.Ямалеев – отправили прошение на имя попечителя Казанского учебного округа с просьбой разрешить им открытие татарской мусульманской школы. Просители ссылались на закон 1905 г. и подчеркивали, что монарх «представляет нам свободу вероисповедания». В этой связи основной заботой апазовцев было официальное присоединение к мусульманскому сообществу. Своей самой насущной задачей они считали открытие «природной татарской школы» (мектеба), так как хотели воспитывать детей «в духе магометанской религии»²⁵. Однако инспектор народных училищ Ф.Краснорецкий считал, что открытие «мусульманской вероисповедной школы» в с. Апазово пока преждевременно, особенно после на шумевшего дела о закрытии «тайного мектебе». По его мнению, разрешение мусульманской школы стало бы непоследовательным решением учебной инспекции. В итоге эта рекомендация была поддержана и директором народных училищ Казанской губернии в январе 1910 г.²⁶

Помимо коллективного чтения намазов, имянаречения и мусульманского просвещения, не менее важным был вопрос захоронений умерших «отпавших». Еще с 1907 г. некоторые апазовцы публично говорили о необходимости организации отдельного мусульманского кладбища²⁷. Но разрешение на это от православного духовенства они получили лишь в 1911 г., когда «отступники стали хорониться в другом кладбище в 200 сажнях от православного». В с. Апазово, кроме того, имелось тогда еще «старое черемисское» кладбище [10, с.73].

Желание неопитов привести свой образ жизни в соответствие с нормами мусульманской культуры выражалось и в других действиях. В июне 1914 г. они возбудили ходатайство о необходимости закрытия в с. Апазово виноторговли, мотивировав свою просьбу желанием противодействовать развитию пьянства²⁸. В селе тогда работали казенная винная лавка и две частные пивные, они стали местом притяжения базарной публики. По свидетельству казанского уездного исправника, во время еженедельных базаров

²⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.8.

²⁵ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.87–87об.

²⁶ ГА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.1376. Л.3–3об.

²⁷ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.3

²⁸ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.2.

многие крестьяне пропивают всю свою базарную выручку. «Вследствие чего население окрестных деревень, не смотря на ряд хлебобродных лет, заметно беднеет, и это обстоятельство невольно заставляет их заниматься кражей и нищенством», – писал он. Поэтому исправник тоже считал, что питейные лавки нужно закрывать. Винная лавка была закрыта на основании приказа управляющего акцизными сборами Казанской губернии от 20 августа 1914 г., частные пивные, по договору с предпринимателями, должны были функционировать до 1 января 1915 г. В итоге их закрыли в сентябре 1914 г., уже из-за «положения о государственной охране» во время войны²⁹. Впрочем, на Апазовском и Балтасинском базарах продолжали открыто продавать спиртное и его суррогаты и в 1915 г. [16, с.85].

Таким образом, возвращение к мусульманской традиции в с. Апазово было сопряжено с большими трудностями. Новые возможности открылись лишь после февраля 1917 г. – Апазовская махалля, наконец, получила юридическое оформление. После нового закона о свободе вероисповеданий апазовские «отпавшие» с особым рвением продолжили дело по организации мусульманского прихода и строительству мечети. Начала поступать благотворительная помощь от татар-мусульман, однако в условиях постоянного роста цен эти суммы очень быстро обесценивались. В апреле 1917 г. жители Апазова постановили образовать самостоятельную махаллю и построить двухэтажную полукаменную мечеть. Примечательно, что реализацию этих планов взяли под свою особую опеку видные татарские общественные деятели. Уже 15 мая 1917 г. согласие с приговором мусульман Апазова выразило Оренбургское магометанское духовное собрание. Такая оперативность во многом была обусловлена деятельным участием одного из влиятельнейших заседателей Собрания Х.-Г. Габяши, который сам был уроженцем Казанского уезда и знал историю села Апазово не понаслышке.

В Казани перед местным губернским правлением ходатайствовали адвокат С.Ш. Алкин и председатель Казанского мусульманского комитета Ф.Ф. Туктаров. В результате в с. Апазово был вскоре официально зарегистрирован мусульманский приход. Но 10 августа 1917 г. строительное отделение отказалось утвердить проект мечети, сославшись на строительный устав, запрещающий постройку культовых зданий на расстоянии менее 20 саженей от жилых строений. Существовавшее двухэтажное полукаменное здание Апазовской мечети не соответствовало чертежам и планам 1917 г. Видимо, оно было выстроено раньше.

Муллой Апазовского мусульманского прихода еще весной 1917 г. прихожане избрали крестьянина д.Новое Камкино Спасского уезда (ныне Алькеевский район РТ) Абдулрауфа Мухаметсафиновича Хамзина [17, с.155]. Образование мусульманского прихода и строительство мечети ста-

²⁹ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.5989. Л.12–14.

ли последней ступенью в достижении давней цели – возвращения к религии предков.

Апазовское сообщество: «старо-отпавшие» и «ново-отпавшие».

Помимо взаимоотношений с внешним миром, коему можно отнести и апазовских «иногородних» православных, и татар-мусульман за пределами Апазова, немалый интерес представляют и отношения жителей внутри сельского сообщества, связанных между собой родственными, соседскими, брачными узами. В годы Первой русской революции в делопроизводственных материалах выделяли «старо-отпавших» (т.е. в 1880-е гг.) и «ново-отпавших» жителей Апазова.

Основной движущей силой «ново-отпавших» в с. Апазово были представители среднего поколения – 30–45 лет. В 1910 г. епископ Андрей называл их «учениками русского священника Миропольского», указывая на то, что его деятельность дала ровно противоположный эффект [14, с.364–365]. Например, в 1907 г. лидерам движения Минибаю Ямалееву было 27 лет, Баширу Апсалямому – 35. Они оставались уполномоченными от апазовцев и в дальнейшем. Это было поколение детей «старо-отпавших» в 1880-е гг. Возможно, некоторые из них избежали не только крещения, но и школьного просвещения. Так, и М.Ямалеев, и Б.Апсалямов в документах не ставили свои подписи, ссылаясь на неграмотность. Судя по всему, они не проходили обучения в Апазовском мужском училище.

Как отмечал другой миссионер, Я.Д. Коблов, еще в 1903 г., попытки духовной и светской власти к возвращению отступников в лоно церкви не увенчались успехом. Во многом из-за слишком жестких ограничений. «...Эти попытки не привели ни к каким благим результатам, – писал он. – И даже, можно сказать, произвели обратное действие: вследствие жестокости мер, применявшихся к отступникам, они еще больше оттолкнули их от церкви, озлобили, сделали до крайности подозрительными и осторожными» [11, с.3].

Действия среднего поколения «отпавших» негласно поддерживались, а иногда и гласно, их родителями, старшим поколением. Например, в одном из судебных документов 1907 г. фигурирует мать М.Ямалеева, которая «оскорбила» семейство односельчанина Ивана Парфенова, вернувшегося обратно в православие. Женщина приходила специально домой к этому человеку, чтобы высказать все публично. То же самое сделал и ее сын³⁰. Этот эпизод указывает на два важных момента: конфликтность внутри деревенского сообщества и женский фактор в процессе реисламизации.

Православные миссионеры много внимания уделяли Апазовскому мужскому училищу, рассматривая его как мощную силу в поддержании православного духа татарской деревни. Например, многие ученики школы пели в церковном хоре, во время учебного года исправно посещали церковные службы. Правда, в каникулярное время все эти усилия сходили на

³⁰ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11.

нет, и духовенство констатировало, что «в летнее же время они, как и их родители, редко показываются в церкви» [10, с.72]. Старались развивать и женское просвещение. Но открывшаяся только в 1889 г. женская школа грамоты не пользовалась особым успехом у населения. Например, даже спустя 14 лет после открытия, в 1903 г. в школе обучалось только 16 девочек, хотя в следующем 1904 г. число учениц выросло до 30 [18, с.108–109]. Возможно, рост был связан с усилением учебного надзора после отчета Я.Д. Коблова в 1903 г. В целом, многие апазовские татарки оставались за рамками школьно-православных практик, так как не все родители спешили отдавать дочерей в школу. «К сожалению, при слишком безразличном отношении к образованию дочерей, трудно усилить христианское влияние через женщин, этих главных воспитательниц подрастающего поколения, особенно при отлучках мужей на заработки в мусульманские деревни», – отмечалось в описании Апазовского православного прихода 1910-х гг. [10, с.72]. Влияние апазовских женщин на реисламизацию деревни можно связать и со смешанными браками, хотя по имперскому законодательству того времени они считались сожителем татар-мусульман и православных. По свидетельствам самих апазовцев, такие семейные союзы тоже встречались в их деревне.

Таким образом, возвращение в ислам было обусловлено не только мужским фактором (отходничеством, торговыми связями и т.д.), но и женским: татарки этой деревни долгие годы не были вовлечены в процесс миссионерского просвещения, а женская школа грамоты в с. Апазово работала только на рубеже XIX–XX вв. [13, с.6]. Например, в 1909 г. здесь было зафиксировано 233 «отпавших» мужчин и 246 таких же женщин [19, с.104–105].

Любопытно, но женский фактор влиял на реисламизацию апазовцев и совсем в ином ключе. Ислам привлекал «ново-отпавших» принципиально другим подходом в межполовых, брачных взаимоотношениях: упрощенная процедура разводов (например, после 1906 г. в с. Апазово были отмечены и разводы среди «ново-отпавших», и вступления в новые брачные отношения), многоженство – с одной стороны, и изолированность женщин и мужчин – с другой (например, мусульмане практиковали отдельные коллективные намазы для мужчин, в отличие от церковной службы, где присутствовали представители обоих полов)³¹.

В годы Первой русской революции действия М.Ямалева и Б.Апсаламова были схожи, в определенной степени, с деятельностью агитаторов-социалистов той поры: они также ходили по домам, рассказывали о новом положении, обнадеживали грядущими переменами. Началось это движение в конце 1905 г. Единственное отличие – лидеры «отпавших» не распространяли листовки и газеты, но выступали своеобразными каналами передачи информации для своих сельчан. Они часто ездили в Казань (как

³¹ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13, 3об.

видим, бывали даже в редакции татарской газеты «Юлдуз») и, заручившись поддержкой татар-мусульман, убеждали остальных апазовцев в необходимости легализации мусульманской общины села.

Публичное игнорирование православных обрядов, а также признание себя мусульманином, происходило не только под влиянием лидеров «отпавших», но и из-за давления родственников. Некоторые указанные родственники-«подстрекатели» оказывались людьми с тяжелым прошлым. Например, сразу два человека (Афанасий Демьянов, Никита Федоров) из числа «ново-отпавших» указали, что «отпали» по просьбе родственника, вернувшегося из сибирской ссылки. Среди них были не только ссыльные из «старо-отпавших», но и отбывшие наказание за другие дела (например, один человек был сослан из-за убийства)³². По мере возрастания революционных настроений, нарастало и число новых мусульман, пик пришелся на начало 1906 г., когда появился слух о существовании «некого манифеста»³³.

Но с утиханием революционной волны, усилением правовых ограничений и возвратом к прежним порядкам, некоторые «ново-отпавшие» демонстрировали конформистский настрой. Уже во время судебного разбирательства 1907 г. они (Емельян Ерофеев, Никита Федоров) признавались, что просто следовали за остальными и готовы вернуться обратно в православие³⁴. Кроме того, в с. Апазово в этот период оставались и официальные православные. Некоторые из них выступали с различными заявлениями, давали свидетельские показания против апазовцев-мусульман. Например, кроме упомянутого выше Фрола Степанова, среди таких заявителей и свидетелей были жители Апазова – Петр Васильев, Фома Алексеев, Иван Трофимов, Андрей Егоров, Иван Алексеев, Моисей Филимонов, Филипп Васильев, Сергей Михайлов, Михаил Павлов, Николай Иванов, Михаил Архипов и даже «старо-отпавший» Закир Зарифов³⁵. Как уже было упомянуто выше, заявления 1907 г. были инициированы при поддержке временного священника, тоже уроженца Апазова – Е.Ф. Филиппова.

Взаимоотношения между крещеными татарами и татарами-мусульманами в с. Апазово в этот период оставались напряженными, они были настроены враждебно друг к другу, шутки и издевательства порой доходили до серьезных разбирательств. Например, в ярости высказывались не только оскорбления, звучали даже прямые угрозы («хочет нас убить»), были и случаи физического насилия («побили до полусмерти»)³⁶. Конфликты взрослых переходили и в детскую среду, где возникало противостояние по религиозному принципу³⁷. С одной стороны, православные

³² ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11–12.

³³ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.13.

³⁴ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.11–12.

³⁵ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.2.

³⁶ ГА РТ. Ф.41. Оп.4. Д.824. Л.10.

³⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.2835. Л.1.

жаловались на «глумление» над ними мусульман, с другой – о давлении на «отпавших», на их запугивание властями и военной силой жаловались и лидеры движения за возвращение в ислам – М.Ямалеев и Б.Апсалямов [22, с.3]. Таким образом, процесс реисламизации был непростым со всех сторон, внешние вызовы в виде правовых ограничений и судебных разбирательств отражались и на функционировании сообщества.

Выводы. Татарское село Апазово с постоянно растущим населением и со своим торгово-культурным потенциалом (лавки, базар, ярмарка, училище и т.д.) долгое время оставалось в орбите интересов православной миссии. Поэтому, несмотря на очевидную лояльность населения к мусульманским практикам в повседневной жизни и даже проявления протестных настроений (игнорирование церковных служб, пожар 1907 г.), населенный пункт официально оставался православным даже в условиях провозглашенной в 1905 г. веротерпимости в стране.

Ограничение контактов местных жителей с жителями соседних татарских (мусульманских) деревень не увенчалось успехом. Отхожий портняжный промысел оставался основным источником доходов апазовцев, а местная ярмарка привлекала всю татарско-мусульманскую округу. На фоне официальных заявлений о новом законе жители Апазова получили поддержку от татар-мусульман (соблюдение мусульманской обрядности, открытие мектеба, сбор средств на строительство мечети и т.д.).

Лидерами движения «ново-отпавших» были представители среднего поколения, дети «отпавших» в 1880-е гг. Они вели широкую агитаторскую работу среди односельчан, схожую с деятельностью представителей различных партий социалистического толка. Кроме того, скрытым фактором реисламизации в с. Апазово стала роль местных женщин, так как они были вовлечены в сферу церковного просвещения в меньшей степени.

После спада революционных настроений к 1907 г. в селе обозначились конформистские настроения. Некоторые «ново-отпавшие» предпочли вернуться в лоно церкви, а лидеры движения за восстановление религиозных прав стали фигурантами судебного дела. Окончательное разрешение «апазовский вопрос» получил после февраля 1917 г., когда все же удалось зарегистрировать официальный мусульманский приход.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев И.Е.* Православная миссия в Казанской епархии в конце XIX – начале XX вв. Вып. 1. Казань: ООО «Астория», 2010. 306 с.
2. *Андрей, епископ.* О нормальном положении православия в православном русском царстве. Казань: Типо-лит. И.С. Перова, 1908. 16 с.
3. *Багаутдинова Х.З.* Основные вехи дореволюционной истории деревни Верхний Азяк // Кряшенское историческое обозрение. 2016. №2. С.116–125.
4. *Баһаветдинова Х.З.* Казан арты базарлары-ярминкәләре тарихыннан (XIX йөз уртасы – XX гасыр башы) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №3. С.20–28.

5. *Бобровников Н.А.* Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1899. 68 с.
6. *Габдрафикова Л.Р.* «Отпадение в мухаммеданство» в Апазово: первый этап (1870–1880-е гг.) // Кряшенское историческое обозрение. 2020. №1. С.38–50.
7. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәжәрәләре. Т.2. Казан: Изд-во «Яз», 2013. 372 б.
8. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века: сост. Дамакин (Орловский). Тверь: Булат, 2008. 712 с.
9. Журнал Министерства народного просвещения. Т.166. СПб., 1873. 877 с.
10. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанского уезда. Вып. III. Казань: Центральная типография, 1916. 195 с.
11. *Коблов Я.Д.* О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 г. Казань: Типо-литография Университета, 1904. 26 с.
12. *Кремлев А.* Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 год. Казань: Центральная типография, 1913. 33 с.
13. *Ленс И.А.* Состояние народного образования в Казанском уезде за 1898/9 учебный год. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1899. 47 с.
14. Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Р.М. Залялетдинова. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. 588 с.
15. Отчет Енисейского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1894 год. Красноярск, 1896. 34 с.
16. Постановления 51 очередного собрания Казанского уездного земства. 1915 год. Казань, 1916. 402 с.
17. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Изд-во «Фест», 1995. 278 с.
18. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Типография А.М. Петрова, 1904. 795 с.
19. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Типография Д.М. Гран, 1909. 776 с.
20. *Сухарев А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. 195 с.
21. Татарская энциклопедия. Т.1. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. 672 с.
22. Йолдыз. 1907. 18 май.
23. Йолдыз. 1907. 27 июнь.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 12.04.2023

Принята к публикации 10.05.2023

Re-Islamization of baptized Tatars
during the revolutions of the early 20th century:
on the example of the Apazovo village of the Kazan district

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"
Kazan, Russian Federation*

The article examines the difficult period in the history of the Apazovo village of the Kazan district of the Kazan province – 1905–1917. During the first Russian revolution baptized Tatars renewed their movement to return to Islam. We used different focuses to analyze this rural community: socio-economic ties, an Orthodox parish, an illegal Muslim community, leaders and outsiders of a religious movement. Markers of the Muslim subjectivity of the population of Apazova were different religious practices. Conflicts and conformity in the community correlated with different phases of the 1905–1907 revolution. There are the main motives that led to the change of religious attitudes. It is important that in addition to external forces (Orthodox missionaries, Muslim Tatars), the religious movement had internal resources: an active middle generation and the female factor.

Keywords: Kazan province, Zakazan'e, Baltasinsky volost, history of tatar villages, christian missionary work, Revolution of 1905–1907, Tatar everyday life

Fot citation: Gabdrafikova L.R. Re-Islamization of baptized Tatars during the revolutions of the early 20th century: on the example of the Apazovo village of the Kazan district. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.53–72. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.53-72> (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseev I.E. *Orthodox mission in the Kazan diocese in the late 19th – early 20th centuries*. Vol. 1. Kazan: Astoriya Publ., 2010. 306 p. (In Russian)
2. Andrey, episkop. *About the normal position of Orthodoxy in the Orthodox Russian kingdom*. Kazan: I.S. Perov Publ., 1908. 16 p. (In Russian)
3. Bagautdinova Kh.Z. Milestones in pre-revolutionary history of Verhnii Azyak village. *Kryashen Historical Review*. 2016, no.2, pp.116–125. (In Russian)
4. Bagautdinova Kh.Z. From the history of fair and market trade in the Kazan region (mid XIX – early XX century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol.12, no.3, pp.20–28. (In Tatar)
5. Bobrovnikov N.A. *Another's population of Kazan province*. Vol.1. Kazan: Kazan Imperial University, 1899. 68 p. (In Russian)

6. Gabdrāfikova L.R. "Return to Islam" in Apazovo: the first stage (1870–1880s). *Kryashen Historical Review*. 2020, no.1, pp.38–50. (In Russian)
7. Akhmetjanov M.I. *Tatar shedzhere*. Vol.2. Kazan: Yaz Publ., 2013. 372 p. (In Tatar)
8. *Lives of the New Martyrs and Confessors of Russia in the 20th century*. Ed. by Damaskin (Orlovsky). Tver: Bulat Publ., 2008. 712 p. (In Russian)
9. *Journal of the Ministry of Public Education*. Vol.166. St. Petersburg, 1873. 877 p. (In Russian)
10. *Historical and statistical description of churches and parishes of the Kazan district*. Vol.3. Kazan: Central Printing House Publ., 1916. 195 p. (In Russian)
11. Koblov Ya.D. *About the state of missionary work in the Kazan diocese in 1903*. Kazan: Kazan Imperial University, 1904. 26 p. (In Russian)
12. Kremlev A. *Report of the Kazan diocesan foreign missionary for 1912*. Kazan: Central Printing House Publ., 1913. 33 p. (In Russian)
13. Lens I.A. *The state of public education in the Kazan district for the 1898/9 academic year*. Kazan: V.M. Klyuchnikov Publ., 1899. 47 p. (In Russian)
14. *Special meeting to develop measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910: documents and materials*. Ed. by I.K. Zagidullin, R.M. Zalyaletdinova. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. 588 p. (In Russian)
15. *Report of the Yenisei Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1894*. Krasnoyarsk, 1896. 34 p. (In Russian)
16. *Resolutions of the 51st regular meeting of the Kazan district zemstvo. 1915*. Kazan, 1916. 402 p. (In Russian)
17. Salikhov R.R., Khayrutdinov R.R. *Republic of Tatarstan: monuments of history and culture of the Tatar people (late 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Fest Publ., 1995. 278 p. (In Russian)
18. *Reference book of the Kazan diocese*. Kazan: A.M. Petrov Publ., 1904. 795 p. (In Russian)
19. *Reference book of the Kazan diocese*. Kazan: D.M. Gran Publ., 1909. 776 p. (In Russian)
20. Sukharev A. *Kazan Tatars (Kazansky district). Experience of ethnographic and medical-anthropological research*. St. Petersburg, 1904. 195 p. (In Russian)
21. *Tatar Encyclopedia*. Vol.1. Kazan: Institut of Tatar Encyclopedia, 2002. 672 p. (In Russian)
22. *Yoldyz*. 1907. May 18. (In Tatar)
23. *Yoldyz*. 1907. June 27. (In Tatar)

About the author:

Gabdrāfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received April 12, 2023

Accepted for publication May 10, 2023

10 лет предводительства:
деятельность казанского губернского
предводителя дворянства С.Н. Теренина (1846–1897)

Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская федерация

Статья посвящена службе С.Н. Теренина в качестве предводителя дворянства Казанской губернии с 1887 по 1897 г. Ранее реконструкция его биографии и общественной деятельности в отечественной историографии не проводилась, и данное исследование является первой попыткой анализа службы Степана Николаевича Теренина в качестве губернского предводителя дворянства. Опираясь на делопроизводственную документацию органов дворянского самоуправления, автор показывает основные направления в работе Теренина. Кроме решения текущих вопросов, деятельность губернского предводителя дворянства имела ярко выраженную социальную ориентацию. Помощь дворянам во время их обучения в средних учебных заведениях, призрение престарелых и больных дворян, оставшихся без поддержки родственников, назначение пособий и единовременных выплат – все это стало одной из форм социальной защиты представителей высшего сословия, оказавшихся в трудном материальном положении. Кроме краткосрочных мер, оказываемых дворянам и носивших ситуативный характер, разрабатывались проекты по укреплению экономического благосостояния всего сословия. Результатом стали ходатайства перед правительством и удовлетворение некоторых прошений казанского дворянства.

Ключевые слова: Казанская губерния, вторая половина 1880-х – первая половина 1890-х гг., казанский губернский предводитель дворянства, С.Н. Теренин, социальная поддержка

Для цитирования: Миронова Е.В. 10 лет предводительства: деятельность казанского губернского предводителя дворянства С.Н. Теренина (1846–1897) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.73–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.73-82>

Деятельность предводителей дворянства Казанской губернии не является новой темой исследования в региональной историографии. Данный вопрос нашел отражение в работах, посвященных взаимоотношениям казанского дворянства с властью [1; 12], институту предводителей дворянства Казанской губернии [7; 13], а также в биографических исследованиях [5; 6] и трудах по генеалогии казанских дворянских родов [3].

Служба С.Н. Теренина в сословном самоуправлении дворянского общества не становилась предметом самостоятельного исследования. Между тем изучение его профессиональной биографии этого периода позволяет

рассмотреть сразу несколько аспектов общественно-политической истории Казанской губернии конца XIX в. Предводительство Степана Николаевича пришлось на 1887–1897 гг. – период, когда наиболее отчетливо проявились признаки экономического упадка дворянства, начавшегося с отменой крепостного права в 1861 г. и усугубившегося с неурожаями 1890-х гг. В связи с этим представляют интерес социальные мероприятия, проводимые Казанским губернским дворянским собранием во главе с Терениным, и взаимодействие института предводителей дворянства с органами государственной власти в решении проблемы «оскудения» высшего сословия.

Степан Николаевич Теренин стал казанским губернским предводителем дворянства 17 января 1887 г., сменив Алексея Гавриловича Осокина, занимавшего этот пост в течение 15 лет. Традиционно на должность избирали представителей знатных и богатых дворянских родов, обладавших родственными связями с высокопоставленными чиновниками и пользовавшихся уважением среди местных дворян. Теренин родился в 1846 г. в семье действительного статского советника Н.М. Теренина, владевшего в Казанской и Симбирской губерниях 9960 десятинами земли и 1394 душами крепостных крестьян. Мать Степана Николаевича, А.С. Стрекалова, была дочерью казанского военного губернатора (1831–1841) и крестницей самого императора Николая I.

Степан Теренин также владел солидным имуществом. Ему принадлежали 3005 дес. удобной земли при с. Салманы и д. Танино и д. Аннино Спасского уезда. Его супругой была Е.Д. Сверчкова, дочь собственника крупных земельных владений в Тетюшском и Спасском уездах, часть из которых досталась ей в наследство. Благодаря материальному достатку Теренин мог себе позволить занять должность, не оплачиваемую, но требующую выполнения широкого круга обязанностей.

В отличие от своих предшественников, братьев А.Г. и П.Г. Осокиных, окончивших Артиллерийское училище, С.Н. Теренин не обучался в учебных заведениях, а получил домашнее образование. С 1862 г. и в течение последующих 22 лет он находился на государственной службе по военному ведомству, а в сентябре 1884 г. Степан Николаевич был уволен с награждением чином генерал-майора¹.

Выйдя в отставку, Теренин занимался общественной деятельностью: будучи сначала почетным мировым судьей в Спасском уезде, а с 1887 г. – губернским предводителем дворянства.

Предводителями дворянства в Казанской губернии служили и другие родственники Теренина. Родной брат его супруги Николай Дмитриевич Сверчков был тетюшским предводителем дворянства с 1875 по 1886 г., племянники Петр Михайлович и Дмитрий Александрович Теренины по-

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп.3. Д.10577. Л.60б.

следовательно занимали этот пост с 1890 по 1904 г., а в 1917 г. на эту должность был избран племянник жены Дмитрий Николаевич Сверчков.

Губернским предводителем дворянства Теренин служил 10 лет и 7 месяцев. Уже в 1891 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, что соответствовало IV классу Табели о рангах.

В компетенцию губернского предводителя дворянства входило выполнение ряда сословных функций – председательство в губернском дворянском собрании, составление дворянской родословной книги, управление дворянской кассой и др. Также на нем лежали некоторые административные обязанности. Среди которых – председательство в губернском земском собрании, членство в губернских присутствиях, председательство в училищном совете и пр.

Все мероприятия дворянского самоуправления за 10 лет предводительства С.Н. Теренина сводились к трем категориям: социальное обеспечение (богательни, стипендии), единовременная денежная помощь (при неурожае) и долговременная экономическая поддержка (развитие винокурения, железнодорожное строительство).

Так, в первый же год избрания Теренина, в 1887 г., была создана комиссия для исследования нужд дворян Казанской губернии. В ее состав вошли брат губернского предводителя А.Н. Теренин, лаишевский уездный предводитель дворянства С.П. Толстой и его сын С.С. Толстой, профессор Императорского Казанского университета Д.А. Корсаков и другие крупные землевладельцы². Комиссия работала три года, представив в 1890 г. доклад для обсуждения в губернском дворянском собрании. В качестве одного из способов социальной поддержки было предложено построить общежитие для детей потомственных дворян на время их обучения в средних учебных заведениях [4, с.11]. Однако реализация замысла упиралась в отсутствие необходимых сумм. В 1891 г. губернский предводитель инициировал обсуждение данного вопроса и даже пожертвовал 2335 руб. на устройство пансион-приюта. Но эти средства ушли на текущие нужды учреждений дворянского самоуправления, а проект закрытого пансиона так и остался на бумаге [11].

Тем не менее, несмотря на ограниченность финансовых возможностей дворянской корпорации, Теренин уделял большое внимание вопросам образования дворянской молодежи и продолжил деятельность своих предшественников по оказанию материальной поддержки учащимся из числа потомственных дворян. Капитал для выплаты формировался из сумм дворянского сбора и частных пожертвований казанских дворян. Например, согласно завещанию П.А. Демерта, умершего в 1893 г., в распоряжение губернского дворянства шли проценты с 14 тыс. руб., внесенных дворянином в Государственный банк. Благодаря этим средствам были учреждены именные стипендии в Родионовском институте благородных девиц и в

² ГА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.405. л.61об.

Императорской Казанской первой гимназии³. Всего же, согласно отчету губернского предводителя за 1896–1898 г., в средних учебных заведениях г. Казани содержалось 35 воспитанников, еще 13 стипендиатов обучались в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе [9, с.60–62].

Также благотворительная активность дворянской корпорации во главе с Терениным получила выражение в устройстве учреждений социального призрения. С 1 октября 1886 г. в Казани уже функционировала Александро-Чемесовская дворянская женская богадельня, открытие и дальнейшее содержание которой стало возможным благодаря частным пожертвованиям. Так, в 1896 г. дворянки М.П. Иванова и А.И. Замятнина пожертвовали 7300 руб. и 20 тыс. руб. соответственно в богадельню призрелись одинокие пожилые и неспособные к личному труду дворянки.

Новые благотворительные заведения также были основаны усилиями меценатов. Так, подполковник фон-Финк пожертвовал на организацию мужской богадельни капитал, который, как он сообщал в письме на имя С.Н. Теренина от 20 февраля 1894 г., принадлежал его покойной супруге А.И. Сокольской [9, с.35]. После смерти подполковника вдова М.Т. фон-Финк, с которой он состоял вторым браком, обратилась в Казанское губернское дворянское собрание с просьбой выдать ей из пожертвованного на богадельню капитала 10 тыс. руб. либо назначить пожизненное пособие в размере 50 руб. ежемесячно. Претензии Марии Тимофеевны были отклонены, но, учитывая ее тяжелое материальное положение в связи со смертью мужа, ей было определено пособие 300 руб. в год.

В 1895 г. было открыто убежище для неизлечимо больных женщин при Александро-Чемесовской богадельне⁴. Оно так же содержалось на пожертвования от благотворителей. Например, от дворянки А.А. Юшковой поступила крупная сумма в размере 25 тыс. руб.

В 1890-х гг. в трех богадельнях содержалось 31 человек [9, с.63–64]. Совершенно бесплатно медицинскую помощь оказывали врачи: И.Н. Козлов – в женской богадельне; Д.А. Виноградов – в мужской. Другим же служащим по решению губернского предводителя могло быть выдано вознаграждение. Так, бывшему смотрителю Александро-Чемесовской богадельни А.И. Делекторскому в 1896 г. было назначено за труды 25 руб. и 50 руб. на погребение родственника по его прошению.

Отметим, что выдача пособий бедным дворянам стала одной из важных мер социальной поддержки. Это была как разовая выплата, так и ежемесячное пособие. К примеру, в трехлетие 1896–1898 гг. на эти нужды было затрачено 500 руб. из дворянских сумм. А в 1893 г. казанским дворянством была образована касса взаимопомощи.

Поддержка дворян приобрела особую актуальность в связи с неурожаями конца XIX в., когда в помощи нуждались все землевладельцы по-

³ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.9819. Л.15об.

⁴ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.6814. Л.1.

страдавших уездов. К 1890-м гг. в Казанской губернии в залоге состояло свыше 340 тыс. дес. земли, поэтому основные пожелания дворян касались деятельности Дворянского банка. Так, в 1896 г. в Казанском губернском дворянском собрании выступил князь А.А. Кропоткин, помещик и владелец винокуренного завода в Лаишевском уезде. Он обрисовал сельскохозяйственный кризис в Казанской губернии и обозначил меры, которые, по его мнению, могли бы исправить сложившуюся в экономике ситуацию в последнее десятилетие XIX в. В частности, он предложил внести изменения в устав Дворянского банка, предоставив заемщикам право отсрочки в год низких цен на хлеб, а также уничтожить взимание пени с отсроченной суммы. С предложениями выступил и другой дворянин К.А. Юшков – собственник дома в г. Казани, каменных лавок, его жене принадлежали свыше 1200 дес. земли в Казанском уезде. По мнению Юшкова, нужно было добиваться того, чтобы Дворянский банк взимал проценты по ссудам под залог имений не вперед за полугодие, а по прошествии его, а также просить об отмене пеней за просрочку платежей. Казанским дворянством были возбуждены соответствующие ходатайства перед Министерством финансов, на что был получен ответ о невозможности переноса уплаты процентов по ссудам за полугодие, так как это привело бы к сокращению сумм Дворянского банка. Также отклонено прошение об отмене пеней. В качестве уступки был понижен процент по ссудам – с 4,5% до 4% годовых [9, с.40].

Среди долгосрочных мер экономической поддержки дворян во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х гг. стали проекты закона о заповедности имений, соединения Казани с Москвой железнодорожными путями, проведение съездов сельских хозяев Казанской губернии.

Земля потомственных дворян преимущественно переходила к крестьянам через поземельный банк, незначительная часть – к разночинцам. Обезземеление дворянства вызывало серьезную обеспокоенность представителей высшего сословия, свои взгляды по этому вопросу они излагали в статьях, опубликованных отдельными брошюрами и в периодической печати. Так, видный деятель дворянского и земского самоуправления Н.Е. Боратынский составил записку «Из губернии», в которой привел данные о сокращении дворянского землевладения [2]. Эту проблему рассмотрел и спасский уездный предводитель дворянства: «...беспредельная дробимость дворянских земель между наследниками составляет одну из больших сторон дворянского землевладения, служа главнейшей причиной обезземеления и захудалости дворянства... в Казанской губернии несколько еще недавно состоятельных фамилий, доделившись в своих родовых поместьях до того, что обратились в мелкопоместных дворян, владеющих от 19 до 140 десятин земли...» [10, с.15]. В решение вопроса Булыгин предлагал положить принцип «неотчуждаемости дворянской земельной собственности» [10, с.7].

Похожие мнения звучали и в других губерниях, что послужило основанием для ходатайств перед правительством о необходимости введения

пределов дробимости поместий. В 1892 г. была создана комиссия во главе с членом Госсовета Н.С. Абазы с целью выработки законопроекта о дворянских имениях. Закон был принят в 1899 г., по нему заповедность распространялась на самого установителя и следующего за ним владельца, дальнейшие собственники могли отменять заповедность по духовному завещанию.

Все эти меры экономической поддержки дворянства обсуждались в 1896 г. на съезде губернских предводителей дворянства, а весной 1897 г. было образовано Особое совещание по делам дворянского сословия.

Стоит отметить, что благотворительные инициативы Теренина не ограничивались помощью благородному сословию. В 1889 г. Степан Николаевич стал председателем комитета Общества попечения о бедных и больных детях, возглавляя его в течение 8 лет, до самой смерти. А в 1891 г. был образован Казанский губернский благотворительный комитет для помощи пострадавшему от неурожая населению, в который вошли С.Н. Теренин, его супруга Елена Дмитриевна, казанский городской голова Е.В. Дьяченко, неперменный член Казанского губернского присутствия И.Н. Аристов и др. представители местной администрации [8, с.3–5].

Но предводитель-филантроп не мог охватить помощью всех нуждавшихся. Требовались мероприятия, которые улучшили бы экономическое положение всего дворянства губернии. Что обусловило ходатайства перед правительством, удовлетворившего часть требований – в части снижения процентной ставки по ссудам. Кроме того, уступкой чаяниям дворян Казанской и других губерний стал закон о временно-заповедных имениях и разрешение обсуждения нужд дворян на общероссийском уровне.

В последний год своего предводительства Теренин уже не мог исполнять свои служебные обязанности. Вместо него должность губернского предводителя дворянства исправляли П.П. Перцов и А.П. Мамаев. В январе 1896 г. в возрасте 23 лет скончался сын С.Н. Теренина Степан, а через год умер и сам Степан Николаевич.

У покойного остались 48-летняя жена Елена Дмитриевна с пятью взрослыми детьми, находившимися на содержании отца. 24-летний сын Дмитрий по окончании Императорского Казанского университета состоял на службе в штате Казанского дворянского депутатского собрания без жалованья. 14-летний сын Николай обучался в Императорской Казанской первой гимназии. Дочери Александра 24 лет, Ольга 20 лет и Елена 18 лет были выпускницами Казанского Родионовского института благородных девиц, все жили с матерью и никаких заработков не имели⁵.

Со смертью Степана Николаевича родовое имение Терениных было выставлено на продажу за недоимки по ссудам, полученным в Государственном дворянском земельном банке под залог земли сроком на 66,5 лет. Размер полученного кредита составлял 222500 руб., а сумма задолженно-

⁵ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.3об.

сти превышала 9 тыс. руб. Первая публикация о продаже была сделана в «Правительственном вестнике» уже в 1898 г.⁶ Кроме того, Теренин задолжал 52 тыс. руб. частным лицам⁷.

Вдова Теренина хотя и получила выдел из имущества своего покойного отца Д.С. Сверчкова, средств к существованию не имела⁸. Бедственное положение побудило ее обратиться к исполняющему должность казанского губернского предводителя дворянства Николаю Сазонову с просьбой о назначении ежегодного пособия. Данное ходатайство было удовлетворено. Сын Дмитрий поступил на службу в Казанское отделение Поземельного крестьянского банка младшим помощником делопроизводителя с жалованьем 600 руб. в год⁹. А со временем служил земским начальником в Спасском уезде. Имение по ходатайству наследников покойного было снято с торгов, уплата недоимки была рассрочена на три года¹⁰. Но сохранить его не удалось, часть имущества была распродана за долги, а остальное разделено между наследниками.

Таким образом, 10-летнее предводительство С.Н. Теренина характеризуется активной социальной направленностью по поддержке незащищенных категорий дворянского сословия – учащихся и пожилых. В этом плане его деятельность сохранила преемственность той работе, которую проводил предыдущий губернский предводитель дворянства А.Г. Осокин. При этом Степан Николаевич пытался расширить спектр мер социальной поддержки, но не всегда удачно. По мере ухудшения материального положения высшего сословия расходов из дворянской кассы становилось все больше, и желание Теренина открыть общежитие для детей потомственных дворян так и не было осуществлено.

Именно при Степане Николаевиче были заложены основы по оказанию системной экономической поддержки высшего сословия – была создана касса взаимопомощи, которая выдавала пособия на перманентной основе из средств, собранных самими же дворянами. Но требовались меры по улучшению материального благосостояния всех дворян Казанской губернии. Поэтому совместно с остальными дворянскими обществами Российской империи удалось добиться удовлетворения экономических прошений перед правительством, а также провести сначала съезд губернских предводителей дворянства, а затем и Особое совещание по делам дворянского сословия.

⁶ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.3об.

⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.5об.

⁸ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.5об.

⁹ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.8.

¹⁰ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.11055. Л.9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бикташева А.Н.* Губернаторы и дворянство Казанской губернии: уроки конфликтов (первая четверть XIX века) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11, №2. С.55–59.
2. *Боратынский Н.Е.* Из губернии. СПб.: типо-лит. Месника и Римана, 1887. 97 с.
3. *Двоеносова Г.А.* Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь. Казань: Гасыр, 2001. 639 с.
4. Доклад казанскому губернскому дворянскому собранию очередной сессии 1890 г. Комиссии для исследования нужд дворян Казанской губернии, избранной Казанским губернским дворянским собранием в 1887 г. Казань: [б. и.], 1890. 12 с.
5. *Куницын Б.* «Боратынского, бывшего предводителя дворянства, расстрелять» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. №2. С.184–189.
6. *Миронова Е.В.* А.Н. Боратынский – уездный предводитель дворянства // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход: сб. науч. трудов, науч. ред. Н.Л. Семенова. Стерлитамак: Стерлитамакский БашГУ, 2015. С.76–84.
7. *Миронова Е.В.* Характеристика предводителей дворянства Казанской губернии (1860–1917) // Актуальные проблемы истории Татарстана и татарского народа: сб. научных трудов молодых ученых и аспирантов за 2010 г. Казань: Институт истории АН РТ, 2010. С.54–58.
8. Отчет Казанского губернского благотворительного комитета. Казань: тип. Губ. правл., 1894. 85 с.
9. Отчет казанского губернского предводителя дворянства по исполнению постановлений Очередного губернского дворянского собрания, бывшего в январе 1896 г. Казань: тип. и лит. А.А. Родионова, 1898. 66 с.
10. По вопросу о заповедных имениях. Речь, произнесенная в Казанском очередном губернском дворянском собрании 1890 года, 18 января, спасским уездным предводителем дворянства А.Н. Булыгиным. Казань: тип. Имп. ун-та, 1890. 19 с.
11. Предложение казанского губернского предводителя дворянства об устройстве в г. Казани общежития для детей потомственных дворян Казанской губернии, обучающихся приходящими в средних учебных заведениях. Казань: [б. и.], 1891. 11 с.
12. *Фролова С.А.* Губернатор и дворянское общество Казанской губернии в период подготовки реформы 1861 г. // Уроки Вульфсона. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. С.255–271.
13. *Фролова С.А.* Предводители дворянства Казанской губернии: состав и функции (1780–1860 гг.) // Современные проблемы развития государственного и муниципального управления. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. С.196–202.

Информация об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила 30.03.2023

Принята к публикации 24.04.2023

10 years of leadership: the activity of the Kazan provincial leader of the nobility S.N. Terenin (1846–1897)

Ye.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the service of S.N. Terenin as the leader of the nobility of the Kazan province from 1887 to 1897. Previously, the reconstruction of his biography and social activities in Russian historiography was not carried out, and this study is the first attempt to analyze the service of Stepan Nikolaevich Terenin as a provincial leader of the nobility. Based on the office documentation of the noble self-government bodies, the author shows the main directions in Terenin's work. In addition to solving current issues, the activities of the provincial leader of the nobility had a pronounced social orientation. Helping the nobles during their studies in secondary educational institutions, caring for the elderly and sick nobles who were left without the support of relatives, assigning allowances and lump-sum payments – all this has become one of the forms of social protection for representatives of the upper class who find themselves in a difficult financial situation. In addition to short-term measures provided to the nobles and of a situational nature, projects were developed to strengthen the economic well-being of the entire estate. The result was petitions to the government and the satisfaction of some petitions of the Kazan nobility.

Keywords: Kazan province, the second half of the 1880s – the first half of the 1890s, Kazan provincial leader of the nobility, S.N. Terenin, social support

For citation: Mironova Ye.V. 10 years of leadership: the activity of the Kazan provincial leader of the nobility S.N. Terenin (1846–1897). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.73–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.73-82> (In Russian)

REFERENCES

1. Biktasheva A.N. Governors and nobility of Kazan province: lessons of conflicts (the first quarter of the 19th century). *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009, vol.11, no.2, pp.55–59. (In Russian)
2. Boratynsky N.E. *From the province [Iz gubernii]*. St. Petersburg: Mesnik and Riemann Publ., 1887. 97 p. (In Russian)
3. Dvoenosova G.A. *Kazan nobility 1785–1917. Genealogical dictionary*. Kazan: Gasyr Publ., 2001. 639 p. (In Russian)
4. *Report to the Kazan Provincial Noble Assembly of the regular session of 1890 of the Commission for the study of the needs of the nobles of the Kazan province, elected by the Kazan Provincial Noble Assembly in 1887*. Kazan, 1890. 12 p. (In Russian)
5. Kunitsyn B. “To shoot Boratynsky, the former leader of the nobility”. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of centuries*. 2008, no.2, pp.184–189. (In Russian)

6. Mironova Ye.V. A.N. Boratynsky – district leader of the nobility. *From Power in the Russian province in the XIX century. (based on the materials of the Southern Urals): historical and anthropological approach: Collection of scientific works*. Ed. by N.L. Semenov. Sterlitamak branch of the Bashkir State University, 2015. Pp.76–84. (In Russian)

7. Mironova Ye.V. Characteristics of the leaders of the nobility of the Kazan province (1860–1917). *From Actual problems of the history of Tatarstan and the Tatar people: Collection of scientific works of young scientists and postgraduates for 2010*. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2010. Pp.54–58. (In Russian)

8. *Report of the Kazan Provincial Charitable Committee*. Kazan: Provincial government, 1894. 85 p. (In Russian)

9. *Report of the Kazan provincial leader of the nobility on the execution of the resolutions of the Next Provincial Noble Assembly, which was held in January 1896*. Kazan: A.A. Rodionov Publ., 1898. 66 p. (In Russian)

10. *On the issue of protected estates. A speech delivered at the Kazan regular provincial Noble Assembly of 1890, on January 18, by the Spassky district leader of the nobility A.N. Bulygin*. Kazan: Kazan Imperial University, 1890. 19 p. (In Russian)

11. *The proposal of the Kazan provincial leader of the nobility on the establishment of a dormitory in Kazan for the children of hereditary nobles of the Kazan province who study coming to secondary educational institutions*. Kazan, 1891. 11 p. (In Russian)

12. Frolova S.A. The governor and the noble society of the Kazan province during the preparation of the reform of 1861. *From Lessons of Wolfson*. Kazan: Kazan State University, 2003. Pp.255–271. (In Russian)

13. Frolova S.A. The leaders of the nobility of the Kazan province: composition and functions (1780–1860). *From Modern problems of development of state and municipal administration*. Kazan: Center of Innovative Technologies, 2003. Pp.196–202. (In Russian)

About the author:

Mironova Yelena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Received March 30, 2023

Accepted for publication April 24, 2023

Татарское крестьянство Башкирской АССР
в 1920–1950-е годы

А.Г. Галлямова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье показаны тенденции, факторы изменений в численности, жизнедеятельности сельских татар БАССР в 1920-е–1950-е гг. История татарского крестьянства Башкортостана в советский период неотделима от истории крестьян России в целом. В результате сложных, неоднозначно трактуемых этногенетических процессов к началу XX в. демографическое большинство северо-запада и запада современного Башкортостана составляли татары. По переписи 1926 г. было зафиксировано значительное число башкир, считавших своим родным языком татарский язык. Перепись 1939 г. зафиксировала очень маленький прирост башкирского населения, при том, что показатели роста численности татар были выше средних показателей роста общей численности населения по республике. Количественный состав татарских крестьян этого региона за освещаемый период уменьшался более низкими темпами относительно селян других национальностей этого региона. К концу 1950-х гг. главную тенденцию в изменении демографической картины татарского сельского населения в Башкирской АССР определяли миграция и сокращение численности. Они были обусловлены высокими темпами индустриализации экономики республики и второстепенным отношением государства к развитию аграрной отрасли. По степени урбанизированности татары занимали промежуточное положение между русскими и башкирами.

Ключевые слова: советское крестьянство, Башкирская АССР, татарская нация, советская аграрная политика, урбанизация, социальная структура татарского населения, демография татар

Для цитирования: Галлямова А.Г. Татарское крестьянство Башкирской АССР в 1920–1950-е годы // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.83–94. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.83-94>

История татарского крестьянства Башкортостана неотделима от истории крестьян России в целом. Особенно это утверждение справедливо в отношении советского периода, когда на всей территории огромной страны утвердилась единая система тотального огосударствления в аграрной отрасли, мелочной регламентации всех сторон жизни деревенских жителей. К началу 1980-х гг. около половины населения республики жило в сельской местности. Более того, если по численности населения Башкирская АССР (БАССР) занимала шестое место среди областей, краев и авто-

номных республик России, то по количеству сельских жителей – второе, уступая лишь Краснодарскому краю [5, с.57].

К концу советского периода в сельском населении Башкирской АССР третью часть составляли татары (33,2% в 1989 г.), это чуть меньше доли башкир (34,9% в 1989 г.) и намного больше удельного веса русских (18,4% в соответственный период) [8, с.16]. Весомость сельских татар Башкортостана была вполне зрима с учетом их представленности в общей численности татарского народа. Из татар, живших за пределами Татарской автономной республики, наибольшая часть их была сосредоточена в Башкирской АССР. В 1989 г. их здесь насчитывалось 1120,7 тыс. человек, в то время как башкир – 863,8. В процентном отношении это составляло соответственно – 28,4% и 21,9% [3, с.26]. Около полумиллиона татар БАССР являлись сельскими жителями.

Заселение татарами территории, принадлежащей сегодня Башкортостану, началось еще в средние века. Значительную динамику этот процесс приобрел в XVII–XIX вв. В результате сложных, неоднозначно трактуемых этногенетических процессов к началу XX в. демографическое большинство северо-запада и запада современного Башкортостана составляли татары (34% – в северо-западном Башкортостане и 44% – в западном). В сельской местности преобладание татарского населения было еще более выраженным (соответственно 33 и 53%) [4, с.23].

Образование Башкирской (1919 г.) и Татарской автономных республик (1920 г.), резкое изменение социально-экономических условий, связанное с Великой российской революцией 1917 г., являлись важными политическими факторами этногенетических процессов в развитии приуральских татар. По переписи 1926 г. было зафиксировано значительное число башкир, считавших своим родным языком татарский язык. Так, из общей численности башкир в 626 тыс. человек (округлено мною. – А.Г.) 137 тыс. мужчин и 150 тыс. женщин в качестве родного назвали татарский язык. В то время как среди 462 тыс. татар башкирский в качестве родного признавали всего 360 мужчин и 734 женщины. В переписи 1926 г. отдельно выделялись этнографические группы мишарей и тептярей. Самая большая группа, признававшая в качестве родного башкирский язык, была среди мишарей. Из их общего количества в 136 тыс. человек таких насчитывалось 3,2 тыс. мужчин и 3,6 тыс. женщин. Но это было намного меньше, чем тех мишарей, которые своим родным языком признавали татарский: соответственно 61 тыс. мужчин и 68 тыс. женщин [2, с.11].

Перепись 1939 г. зафиксировала очень маленький прирост башкирского населения, при том, что показатели роста татарского населения были выше средних показателей общего роста численности по республике. Так, если рост всего населения составил 118%, то башкир – 107%, а татар – 125% [1, с.70].

Большое число башкир с татарским родным языком в середине 1920-х гг. и низкий по сравнению с общей численностью прирост башкир

являются достаточными основаниями признания незавершенности процесса этногенеза татар в этом регионе в тот период. Однако в 1930-е гг. вполне четко определялся регион Башкортостана, в котором преобладало татарское население. Это Кушнаренковский, Аургазинский, Чекмагушевский, Буздякский, Кармаскалинский, Туймазинский, Миякинский, Балтачевский, Чишминский, Топорнинский, Нуримановский районы. Географически все они находились на северо-западе и западе Башкирской АССР.

К началу 1940-х гг. в социальной структуре татар республики по-прежнему преобладали крестьяне, они составляли 74% от их общей численности. Примерно такая же картина была и у других народов Башкирии: 77% – у башкир, 82% – у марийцев, 80% – у чувашей. То обстоятельство, что доля крестьян среди татар была все-таки ниже по сравнению с другими этносами, отчасти объясняется тем, что, как выявили башкирские ученые, коллективизация в татарских селениях осуществлялась более низкими темпами по сравнению с регионами проживания других этносов. Так, к ноябрю 1932 г. во всех районах с преобладанием башкирского населения в колхозах состояло 70,5% крестьянских хозяйств, в татарских районах – 56,8%, в русских – 62,9%.

Эту особенность башкирские ученые объясняют рядом причин:

1) сравнительно большим удельным весом бедноты среди башкирских крестьян и относительной малочисленностью зажиточных слоев среди них;

2) совпадением коллективизации с продолжавшейся хозяйственной реорганизацией башкир (переходом от скотоводства и кустарных промыслов к земледелию);

3) большей материально-технической помощью государства башкирской бедноте в период становления колхозной системы и наибольшим развитием совхозной системы в Зауралье [1, с.81].

В послевоенный период вычленил и охарактеризовал особенности жизни татарских крестьян Башкирской АССР представляется почти невозможным. Повсеместно российская деревня пребывала в состоянии крайней нищеты, производство сельскохозяйственной продукции топталось на месте. Первые 5–7 лет мирного времени, приходившиеся на последний период сталинского правления, по сути дела представляли собой ту же модель развития, что и в 1930-е гг. Предпринимавшиеся государством меры по ужесточению контроля над деятельностью колхозов и совхозов если и приносили, то лишь кратковременный эффект. Антикрестьянская политика не способствовала прогрессу в аграрной экономике.

В октябре 1946 г. Башкирская автономия была подвергнута критике на страницах газеты «Правда» за «нетерпимое отставание в хлебосдаче». На 10 сентября план хлебозаготовок республикой был выполнен только на 35,6%, что означало разницу от плановых цифр почти в 1,5 раза. Интересно отметить такую деталь. В принятом в связи с недостатками, отмеченными в статье, Постановлении Башкирского бюро обкома ВКП(б) и Сове-

та Министров БАССР, среди названных особенно неблагополучных 14 районов только один являлся с преобладающим татарским населением – Буздякский район. Основная часть районов относилась к региону преобладающего проживания русских¹.

В послевоенные 1940-е гг. крестьянство Башкирии, как и России в целом, тяготело к самостоятельному хозяйствованию. В нем оживилась надежда, что власти ответят благодарностью за их неимоверный труд в годы войны. В чрезвычайно усложнившихся условиях военного лихолетья власти вынуждены были закрывать глаза на то, как организован труд крестьян, лишь бы они справлялись со своей основной задачей – производством продовольствия. Это проявилось в том, что колхозная система тогда отчасти была дезавуирована такими мероприятиями, как раздача колхозной собственности. В первые послевоенные годы крестьяне не спешили возвращать в колхозы земельные участки и скот.

Но, избавившись от внешнего врага, сталинское руководство с новой силой взялось за «наведение порядка» в деревне. В фондах архива Башкирского обкома ВКП(б) за 1946–1950-е гг. довольно часто встречаются материалы, касающиеся административных мер по изъятию земли и скота в пользу колхозов². Все они возникли в ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели». Стремление к самостоятельному хозяйствованию на земле было столь живуче, что и в начале 1950-х гг. отмечались случаи невозвращения в колхозы общественной собственности. Так, в Башкирской АССР в 1950 г. в 1676 колхозах 50 районов было выявлено 7730 случаев захвата колхозных земель на площади 1500 га. Особо отличившимися в этом отношении оказались Балтачевский, Калтасинский, Аургазинский, Шаранский районы. В колхозах Благоварского, Балтачевского, Альшеевского и Шаранского районов были вскрыты многочисленные факты, когда крестьянские дворы расширяли свои приусадебные участки за счет земель колхозов³. В большинстве из этих районов преобладающим было татарское крестьянство.

Селяне всячески сопротивлялись внеэкономическим методам принуждения к колхозному труду. Так, в 1949 г. в Башкирской АССР более 72 тыс. трудоспособных колхозников (13,4% к их наличию) не выработали установленного минимума трудодней, в то время как колхозы израсходовали 2,8 млн руб. на оплату наемной рабочей силы⁴. На примере Дюртюлинского района, большинство населения которого составляли татары,

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф.122. Оп.27. Д.223. Л.24–25.

² ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.27. Д.178. Л.26; Оп.26. Д.64а. Л.33; Оп.30. Д.93. Л.22, 31, 32, 40.

³ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.146. Л.72–73.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.146. Л.74.

наглядно видно, что в начале 1950-х гг. колхозная система организации труда была непопулярна. В 1949 г. в указанном районе было выявлено 804 случая самовольного захвата общественных земель колхозов на площади 49,5 га. В то же время 1688 трудоспособных колхозника и 511 подростков не выработали установленного минимума трудодней, а более 1 тыс. трудоспособных колхозников и подростков не выработали ни одного трудодня. Вследствие неудовлетворительного участия колхозников в общественном труде средняя выработка на одного трудоспособного составила всего лишь 201 трудодень. Во многих колхозах района существовала практика авансирования колхозников натурой и деньгами без учета выработанных ими трудодней, что, в частности в 1949 г. привело к задолженности колхозниками 6,4 тыс. зерна, 106 тыс. рублей. Это было закономерным следствием дестимулирующего характера труда в колхозах. В том же 1949 г. в Дюртюлинском районе колхозникам не было своевременно выплачено 5155 ц хлеба и 183 тыс. руб.⁵

Отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело сельскохозяйственное производство в колхозах и совхозах страны к критическому состоянию. В Башкирской республике даже к 1953 г. довоенный уровень по посевным площадям, валовому сбору зерна и поголовью скота еще не был достигнут [10, с.197]. Тщетность насильственных методов управления аграрной сферой, массовое бегство крестьян из деревни заставили власти сменить модель отношения к крестьянам.

В первые годы хрущевского правления наметились определенные положительные изменения в сельскохозяйственном производстве. Хотя по-прежнему предпочтение отдавалось крупным коллективным хозяйствам, государственная политика была направлена на некоторое расширение их самостоятельности, попытки внедрения некоторых экономических рычагов управления. На основании решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, который рекомендовал выдавать колхозникам авансом 25% денежных средств, поступающих от реализации скота и продуктов животноводства, многие колхозы ввели дополнительную оплату работникам животноводства. Насколько можно судить по имеющимся источникам, ежемесячное авансирование успешно применяли колхозы им. Чапаева Кармаскалинского, «Урал» Дюртюлинского, «Коммуна», им. Фрунзе, им. Тимирязева Буздякского [6, с.86]. Все они относились к районам компактного проживания татар. Чишминский район, где преобладало татарское население, выступил в 1950-е гг. с обращением колхозников ко всем работникам животноводства, специалистам сельского хозяйства и заготовительных организаций Башкирии развернуть социалистическое соревнование за увеличение производства мяса, молока и в других районах [6, с.89].

К концу 1950-х – началу 1960-х гг. по всей стране ощутимо замедлился наметившийся было рост сельскохозяйственного производства. С

⁵ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.30. Д.121. Л.32.

целью прорыва в животноводческой отрасли в конце 1950-х гг. в аграрной политике СССР был провозглашен лозунг «Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока». В Башкирской АССР, так же, как и по всей стране, начались шумные кампании по достижению нереально высоких темпов наращивания валовых показателей по мясopоставкам. Иницировавшаяся сверху гонка за валовыми показателями приводила к вопиющей бесхозяйственности, граничившей с безнравственностью. К примеру, ради перевыполнения плана колхозы Балтачевского района сдали на Янаульский мясокомбинат 10 коров, пригодных к воспроизводству, более того, 2 из которых отелились прямо у ворот мясокомбината⁶. Не претендуя на абсолютную точность, отметим, что косвенные свидетельства показывают, что данное явление наблюдалось большей частью в районах наименее компактного проживания татар. Так, в постановлении бюро Башкирского обкома КПСС и Совета Министров Башкирской АССР от 9 мая 1960 г. отмечались следующие районы, допустившие большой падеж скота: Кугарчинский, Хайбулинский, Покровский, Бирский, Федоровский, Абзелиловский, Благовещенский, Баймакский, Мелеузовский, Юмагузинский, Стерлитамакский⁷. Все эти районы являлись территорией преобладающего проживания русских или башкир. Эти же районы в другом постановлении обкома фигурируют в качестве нарушителей порядка закупок у населения личного скота, т. е. закупая у населения молодняк, они, чтобы рассчитаться с государством, сразу сдавали его на мясокомбинат вместо того, чтобы оставлять его на доращивание⁸.

В связи с анализируемым вопросом любопытно привести фрагмент выступления на XI Пленуме Татарского обкома КПСС Первого секретаря С.Д. Игнатьева, проходившем в январе 1960 г. Говоря о выполнении плана мясopоставок в Татарской АССР, Игнатьев предостерегал: «Сегодня товарищи рассказывают, что в наших восточных районах – Мензелинском, Актанышском, Азнакаевском, Бавлинском, Ютазинском и немного глубже – в Сармановском уже появились башкирские лазутчики, ищут где плохо лежит или стоит, нельзя ли купить и через Ик переправить. Будете моргать, не только без телят, без штанов останетесь. Я знаю, какой там народ, они могут и штаны спустить, если будете плохо себя вести. Это очень настойчивый и активный народ»⁹.

В 1950-е гг. деревня не обеспечивала идентичных с городскими условий жизни, сокращались ее продовольственные ресурсы, порождая серьезную проблему обеспечения ими населения. Вот несколько примеров писем в республиканскую газету «Советская Башкирия» из районов преобладаю-

⁶ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.47. Д.184. Л.32.

⁷ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.47. Д.74. Л.32.

⁸ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.47. Д.76. Л.9.

⁹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). П-Ф.15. Оп.41. Д.121. Л.244.

шего проживания татар. Читатель Г.Юзыкаев сообщает: «В Калтасях, чтобы купить один килограмм хлеба, надо простоять не менее одного часа в очереди. Хлеба выпекают очень мало, только одного сорта, его всегда не хватает. К концу рабочего дня хлеба уже не купишь. Бывают дни, когда совсем нет в продаже хлеба. Даже клиенты чайной не могли получить хлеб к обеду». Другой читатель из Чишмов сообщает: «У нас неблагополучно с продажей печеного хлеба. Целыми часами приходится стоять в очереди, а временами уходишь и без хлеба. Хлебного магазина в поселке нет. Имеются лишь хлебные отделы в продовольственных лавках. Хлеб в продаже некачественный, пресный, свежего не бывает и нет плановых поставок хлеба в магазины. То один день торгуют лишь черным хлебом, а другой день – только белым. Хлебобулочные изделия бывают только по большим праздникам и то некачественные. Большинство жителей берет хлеб после рабочего дня, а в этот момент его не бывает. Руководителей района это не беспокоит, ибо совсем не приходится стоять в очереди за хлебом»¹⁰.

Анализ архивных материалов показывает, что существовала большая неудовлетворенность не только низким уровнем продовольственного обеспечения, но и промышленными товарами. Так, читатель Р. Булатов из Ермакеевского района сетует: «Кто часто ездит в Уфу или в другие города, тот одевает своего ребенка нормально. А мы не имеем такой возможности. В местном магазине нет почти товаров для детей. ...Вот год, как я жду, когда в магазин привезут мужские теплые боты»¹¹.

Все это наряду с экстенсивным наращиванием форсированными темпами индустриальной мощи в городах, обеспечивающим много рабочих мест на промышленных предприятиях, определяло характер урбанизационных процессов в целом по стране. На Западе из деревни в город «выталакивалась» лишняя рабочая сила в результате естественного прироста населения и, главным образом, за счет повышения производительности аграрного труда. В результате в сельской местности оставались наиболее крепкие крестьяне, выдерживавшие жесткую конкуренцию в системе сельскохозяйственного производства. В СССР же конкуренция существовала в борьбе за право местожительства в городе. Она приводила к тому, что на селе оставались, так сказать, побежденные, а не победители.

Татарские крестьяне проявили достаточно высокие адаптационные способности к городской среде обитания. За 1939–1959 гг. доля татар среди городского населения БАССР выросла в 3,3 раза. Это было меньше, чем у марийцев (4,2 раза), но чуть больше, чем у чувашей (3,2 раза) и заметно выше, чем у башкир (2,3 раза) и мордвы (2,1 раза). В результате высоких темпов миграции нерусских селян в города в 1940–1950-е гг. среди горожан Башкирии была существенно снижена доля русских (с 70,9% в

¹⁰ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.47. Д.184. Л.24–25.

¹¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.47. Д.184. Л.27.

1939 г. до 63,8% в 1959 г.) и значительно выросла доля татар (соответственно с 13,5% до 19%). Доля башкир среди горожан в указанный период изменилась в меньшей степени (соответственно с 7,2% до 7,9%) [2, с.18].

В целом к концу 1950-х гг. по-прежнему в социальной структуре Башкирии преобладало колхозное крестьянство, но за 1940–1950-е гг. наметились четкие различия по отдельным национальностям. Если в 1939 г. удельный вес селян по всем этносам был приблизительно на одинаковом уровне (74% – у татар, 77% – у башкир, 80% – у чувашей, 82% – у марийцев), то в 1959 г. разброс относительно среднего показателя стал более заметным. У башкир доля сельского населения сократилась на 15%, составив около 62% в 1959 г., у татар она снизилась на 25%, сблизившись со средним показателем по республике, которые соответственно составляли 48,8% и 41%.

Башкирское крестьянство в 1959 г. в общей численности крестьянства республики составляло 32%, татарское – 28%, в то время как в общей численности населения их представительство выглядело: 22%, 23% [Подсчитано нами: 2, с.18–19]. Разница относительно среднего показателя доли крестьян в социальной структуре республики у башкир составляла 21%, у татар – 8% с плюсовым показателем, у русских же оказалась на 21% ниже среднего уровня.

Наиболее высокие темпы урбанизации среди русских легко объяснить. Русским при переезде в город не приходилось менять этническую среду общения, остальным же народам нужно было выбирать между лучшими социально-бытовыми условиями в городе и привычными социально-культурными условиями на селе. Сдерживающим фактором при смене местожительства для татар, так же, как и других нерусских народов, был фактор качества знания ими русского языка. Хорошее владение им давало преимущества в получении образования, которое в свою очередь предоставляло лучшие перспективы в приобретении более высокого социального статуса.

Это подтверждается статистическими данными. По данным переписи 1959 г. в национальном составе городских служащих преобладали русские. Если в среднем они составили 58% всех служащих, то в промышленности – 74%, строительстве – 69%, транспорте – 73%, науке – 71%. Среди же работников умственного труда на селе их доля была значительно ниже среднего уровня – соответственно 36%, в то время как у татар и башкир значительно выше. Так, если в среднем татары составили 18% всех служащих, то в колхозах их было 27%, просвещении – 22%, также их доля превзошла средний показатель в торговле (24%), управлении (23,5%). Все эти показатели у татар были выше, чем у служащих среди башкир: в целом по народному хозяйству – 11%, в колхозах – 23%, в просвещении – 22%, управлении – 17,6% [1, с.160].

В профессиональном отношении татарское крестьянство Башкирской автономии представляло в конце 1950-х гг. типичную для республики картину: большинство занятого в сельском хозяйстве населения не имело никакой кадровой подготовки. У татарских крестьян показатель неквалифицированной рабочей силы в общественном производстве точно совпадал со среднереспубликанским – 76%. Такой же показатель был у чувашей. Данный показатель был чуть лучше у русских – 73%, у башкир чуть хуже – 79% [1, с.165].

Численность жителей русских, татарских и башкирских сел и деревень в 1940–1950-е гг. по территории Башкирской автономной республики изменялась неравномерно. Численность русских крестьян сократилась во всех без исключения северных, центральных, западных и юго-западных районах республики. Причем в некоторых из них суммарное сокращение численности русских сел и деревень составило 40–50 и более процентов. На северо-востоке и юго-востоке Башкортостана это сокращение было менее значительным, а в некоторых районах (Мечетлинский, Абзелиловский, Баймакский) наблюдался даже рост численности русского населения, что было связано с организацией здесь в 1939–1959 гг. значительного числа зерносовхозов на целинных и залежных землях [7, с.113]. Щедрое субсидирование этих районов привлекало русских и не только крестьян, но и жителей городов, хотя активные миграционные потоки увлекали за собой представителей и других народов, в том числе и татар. Численность башкир в западных и центральных районах сократилась на 20%, хотя в целом по республике наблюдался ее рост.

Общая численность татарских крестьян Башкирии за период с 1939 по 1959 г. уменьшалась более низкими относительно селян других национальностей темпами в северо-западных, западных и юго-западных районах Башкирской АССР. Если в 25 районах республики число жителей в деревнях с русским, украинским, белорусским и мордовским населением сократилось в среднем на 35–40%, то в деревнях с татарским и чувашским населением – на 25–30%. Максимальный прирост населения (14,8%) был отмечен в Буздякском районе (преобладающее население – татарское), а максимальная убыль в Стерлитамакском районе (преобладающее население – русское) [7, с.119].

До конца 1950-х гг. в Башкирской АССР в связи с бурным ростом промышленности село являлось как бы источником кадрового обеспечения индустриального развития и строительства. В этот период сеть городских поселений вызвала наиболее высокие темпы сокращения сельского населения в первую очередь непосредственно в районах, подвергшихся урбанизации. В Башкирии это были, прежде всего, районы с преобладанием русского крестьянства, хотя сюда же попадали и районы компактного

проживания татарских крестьян: Чишминский, Кушнаренковский, Буздякский, Благоварский, Ермакеевский и ряд других [9, с.68].

Таким образом, к концу 1950-х гг. главную тенденцию в изменении демографической картины татарского сельского населения в Башкирской АССР определяли миграция и сокращение численности. Они были обусловлены высокими темпами индустриализации экономики республики и второстепенным отношением государства к развитию аграрной отрасли. По степени урбанизированности татары занимали промежуточное положение между русскими и башкирами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллагулова Е.М.* Социальная структура Башкортостана в 1930–50-е годы: Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1994. 225 с.
2. Башкортостан и башкиры в зеркале статистики [Сб. стат. сведений]. Уфа: ИИЯЛ, 1995. 183 с.
3. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: «Башкирская энциклопедия», 1996. 672 с.
4. *Габдрафиков И.* Этнокультурные результаты миграционных процессов в северо-западной Башкирии (конец XVI – начало XX вв.) // Этнологические исследования в Башкортостане: сб. ст. Уфа: УНЦ РАН, 1994. С.22–28.
5. География Башкирии. Уфа, 1979.
6. *Илишев Г.Ш.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946–1970 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 176 с.
7. *Максимов В.А.* География сельской местности (проблемы и методы исследования). Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1992. 129 с.
8. Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 194 с.
9. *Шеин Ю.П.* Тенденции социально-демографических и расселенческих процессов в Республике Башкортостан: Дисс. ... канд. социол. наук. Уфа, 1994. 166 с.
10. *Юлдашбаев Б.Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа: «Китап», 1995. 286 с.

Информация об авторе:

Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfija1955@gmail.com

Поступила 21.03.2023

Принята к публикации 02.05.2023

Tatar peasantry of the Bashkir ASSR in the 1920s–1950s

A.G. Gallyamova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article shows trends, factors of changes in the number, life activity of rural Tatars of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s – 1950s. The history of the Tatar peasantry of Bashkortostan in the Soviet period is inseparable from the history of the peasants of Russia as a whole. As a result of complex, ambiguously interpreted ethnogenetic processes, by the beginning of the 20th century, the demographic majority of the north-west and west of modern Bashkortostan were Tatars. According to the census of 1926, were recorded a significant number of Bashkirs, who considered the Tatar language their native language. The 1939 census recorded a very small increase in the Bashkir population, even though the growth rates of the number of Tatars were higher than the average growth rates of the total population in the republic. The quantitative composition of the Tatar peasants of this region during this period decreased at a lower rate relative to the villagers of other nationalities of this region. By the end of the 1950s, the main trend in changing the demographic picture of the Tatar rural population in the Bashkir ASSR was determined by migration and population reduction. They were caused by the high rates of industrialization of the economy of the republic and the secondary attitude of the state to the development of the agricultural sector. According to the degree of urbanization, the Tatars occupied an intermediate position between the Russians and Bashkirs.

Keywords: Soviet peasantry, Bashkir ASSR, Tatar nation, Soviet agrarian policy, urbanization, social structure of the Tatar population, demography of Tatars

For citation: Gallyamova A.G. Tatar peasantry of the Bashkir ASSR in the 1920s–1950s. *From the History and Culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2023, vol.13, no.2, pp.83–94. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.83-94> (In Russian)

REFERENCES

1. Allagulova E.M. *The social structure of Bashkortostan in the 1930s–50s: Dissertation of a Candidate of Historical Sciences*. Ufa, 1994. 225 p. (In Russian)
2. *Bashkortostan and Bashkirs in the mirror of statistics: a collection of statistical information*. Ufa: Institute of Language, Literature and Arts, 1995. 183 p. (In Russian)
3. *Bashkortostan. A short encyclopedia*. Ufa: Bashkir Encyclopedia Publ., 1996. 672 p. (In Russian)
4. Gabdrakhmanov I.N. Ethnocultural results of migration processes in North-western Bashkiria (late 16th – early 20th centuries). *Ethnological research in Bashkortostan: collection of statistics*. Ufa: Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1994. Pp.22–28. (In Russian)
5. *Geography of Bashkiria*. Ufa, 1979. (In Russian)

6. Ilishev G.S. *Activity of the Bashkir party organization for the development of agriculture (1946–1970)*. Saratov: Saratov State University Publ., 1982. 176 p. (In Russian)

7. Maksimov V.A. *Geography of rural areas (problems and research methods)*. Ufa: Bashkir State University Publ., 1992. 129 p. (In Russian)

8. *The national composition of the population of the Bashkir ASSR according to the results of the All-Union population Census of 1989*. Ufa: Republican Information and Publishing Center, 1990. 194 p. (In Russian)

9. Shein Yu.P. *Trends of socio-demographic and settlement processes in the Republic of Bashkortostan: Dissertation of a Candidate of Sociological Sciences*. Ufa, 1994. 166 p. (In Russian)

10. Yuldashbaev B.Kh. *The modern history of Bashkortostan*. Ufa: Kitap Publ., 1995. 286 p. (In Russian)

About the author:

Gallyamova Alfiya Gabdul'nurovna – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Received March 21, 2023

Accepted for publication May 2, 2023

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 930.23(044.4)(47)"16"

«Сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати как источник информации боярских списков об их готовности к полковой службе (середина XVII в.)

М.Р. Белоусов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье исследованы «сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати как источник информации боярских списков середины XVII в. об их готовности к полковой службе. Все документы, изученные в статье, отложились в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Рассмотрен персональный состав представителей тюркской элиты в московских чинах. Выявлены и введены в научный оборот «сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати 1653–1668 гг. Установлено, что «сказки» служилых людей (в том числе представителей тюркской знати) являлись основным источником информации боярских списков середины XVII в. об их готовности к полковой службе и могли функционировать в делопроизводстве Разрядного приказа продолжительное время. Статья адресована специалистам по истории Государева двора, социальной истории, истории государственного управления, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: Государев двор, «сказки», боярские списки, тюркская знать, дворяне московские, стольники, стряпчие

Для цитирования: Белоусов М.Р. «Сказки» членов Государева двора – выходцев из тюркской знати как источник информации боярских списков об их готовности к полковой службе (середина XVII в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.95–116. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.95-116>

Государев двор – ядро политической системы Московского государства XVII в. В думных, высших дворцовых и московских чинах Государева двора служили принявшие православие представители тюркской знати. В середине XVII в. (1640–1660-х гг.) это были:

Чингисид, правнук сибирского хана Кучума, князь Калинин Джансюеров (иное написание его имени в источниках: князь Калинин царевичев Джансюеров сын Сибирский; о нем см. [1, с.306–307; 12, с.68, 86, 321, 400–401; 18, с.181, 193, 196, 315, 320, 323, 325, 326, 329–331, 411, 415; 5, с.587]); происходившие из рода беклербека Едигея (Эдиге) (о нем см. [17,

с.90–112]; о родах его потомков и их статусе см. [10, с.284–285, 293]) князя Григорий Алей мурзин и Михаил Казый мурзин дети Байтерековы (о них см. [1, с.295; 8, с.17, 20]), Григорий Барангазиев (о нем см. [1, с.295–296; 19, с.290]), Тимофей Абдул мурзин сын Канбаев (Конбаров) (о нем см. [1, с.298; 4, с.18]), Иван Егинеи мурзин и Петр Урус мурзин дети Кейкуватовы (о них см. [1, с.298; 8, с.15–17, 20]; о князе Иване см. [19, с.290 (назван «Иван Егенеев»)], Василий Кара мурзин сын Кошумов (о нем см. [1, с.298]), Петр и Тихон Барай мурзины дети Кутумовы (о них см. [1, с.299; 19, с.292, 294–295; 5, с.587; 7, с.111–113; 16, с. 232–233]), Григорий Иванов и Иван Саин мурзин дети Мамаевы (о них см. [1, с.301; 19, с.286]), Прокофий Дьян мурзин сын Смайлев (о нем см. [1, с.307; 18, с.180–181]; о князьях Смайлевых см. [12, с.69; 19, с.289, 294]), Прокофий Урак мурзин сын Тинмамметев (Илмамметев) (о нем см. [1, с.307; 19, с.291; 8, с.15, 20; 10, с.292]), Василий Арасланов, Дмитрий Васильев, Михаил Шейдяков и Яков Кутмаммет мурзин дети Урмамметевы (о них см. [1, с.308; 8, с.16; 10, с.292]), Никита Семенов сын, Петр Семенович, Семен Андреевич, Федор и Юрий Семеновы дети Урусовы (о них см. [1, с.308–309; 9, с.97–101; 10, с.288, 292; 16, с.229–230]), Абрам Каплан мурзин, Алексей Еналей мурзин, Борис Дмитриев, Дмитрий Сатый мурзин, Иван Большой и Иван Меньшой Каплан мурзины, Иван Токай мурзин, Исай Чергора мурзин, Михаил Федоров, Роман Абрамов, Семен Андреев, Степан Сулейман мурзин, Федор Артемьев, Федор Еналей мурзин и Федор Навруй мурзин дети Шейдяковы (о них см. [1, с.311–313; 5, с.587–588, 590–594, 597–601; 8, с.15; 10, с.290, 293; 16, с. 233–234]), Андрей, Василий Большой и Василий Меньшой Никитины, Иван Корел мурзин, Никита Сююшев и Федор Никитин дети Юсуповы (о них см. [1, с.314–315; 6, с.45–46, 49–50; 10, с.288–289; 16, с.230–232]);

потомки князя Кугуша, «начальника» темниковских татар, князя Михаил Акаев сын Кугушев (о нем см. [1, с.298]) и Данило Бегильдеев сын Тенишев (о нем см. [1, с.307]);

происходящие от князя Тохтамыша (в крещении князя Ивана Казака) княж Азбердеева сына Шейсупова, пожалованного княжением над «кардавильской мордвой» в 1538/39 г., князя Иван и Леонтий Никитины, Петр Иванов, Самойло и Степан Никитины дети Шейсуповы (о них см. [1, с.313–314; 13, с.12–22, 25]);

князь Дмитрий Третьяков сын Сеитов (о нем см. [1, с.306]);

князь Андрей Романов сын Тюменский (о нем см. [1, с.308]; о князьях Тюменских см. [10, с.287–288; 16, с.218–220]).

Кроме того, в московских чинах служили нетитулованные выходцы из тюркской знати: Владимир Тугаев сын Девлетчуров (о нем см. [2, с.98]), Дементий Окшай мурзин сын Исупов (о нем см. [2, с.156]), Ники-

фор Араслан мурзин сын Кадамов, «ис кадомских мурз»¹ (о нем см. [2, с.157]), Михаил Степанов сын Кошаев, «турского и татарского языка переводчик» (о нем см. [2, с.198; 11, с.100–102, 111, 117–120, 123, 128, 131, 134–135, 138, 158, 308–309; 14, с.127–129]), Иван Богданов сын Мустофин (о нем см. [2, с.252]), Григорий Кузьмин сын Орасланов (о нем см. [2, с.290]), Игнатий Курмашев сын Смайлев (о нем см. [2, с.361]), Кирилл Имишев сын Тенишев (о нем см. [2, с.390]), Василий Теребердеев (о нем см. [2, с.390; 8, с.16]).

Поскольку при пожаловании в чин перешедшего в православие служилого человека решающую для верховной власти роль играли его происхождение и прежний социальный статус [15, с.62], представители тюркской знати начинали службу в составе двора, как правило, в дворянах московских и стольниках. Некоторые выходцы из тюркской элиты жаловались в стряпчие и в «иноземцы по московскому списку» (о чинах указанных выше лиц см. [3, с.56–58]). В исключительных случаях представители тюркской знати впоследствии становились кравчими и боярами (князья Урусовы).

Учет членов Государева двора осуществлялся в боярских списках, ежегодно составлявшихся в Московском столе Разрядного приказа. В эти документы регулярно вносились сведения о пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности дворовых.

Одной из актуальных проблем исследования боярских списков является изучение их функционирования в делопроизводстве Разрядного приказа, в том числе выявление источников информации, отражавшейся в них. Поскольку целью составления боярских списков, как сказано, являлся учет пригодности к службе, местонахождения и служебной деятельности дворовых, боярские списки должны были оперативно учитывать сведения вновь поданных «сказок» служилых людей (в «сказках» отражены боеготовность, количество «людей з боем», число крепостных дворов, кормовое обеспечение). Таким образом, сведения «сказок» о численности «людей з боем», (не)выплате «государева денежного жалованья» и о количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах (либо размере «корма») заносились в «подлинные» и «наличные» боярские списки для организации полковой службы стольников, стряпчих, дворян московских, «иноземцев по московскому списку». При этом сведения вновь поданных «сказок», как правило (но отнюдь не всегда), учитывались в боярских списках, составленных вскоре после их подачи. Если в дальнейшем служилый человек не подавал «сказку», то в более поздних боярских списках продолжали отражаться сведения ранней «сказки». Делопроизводственная взаимосвязь «сказок» и боярских списков наиболее отчетливо видна в том, что в структуре «сказок» являются обязательными те части, сведения которых учитываются бо-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.210. Оп.9. Д.217. Л.536–537.

ярскими списками (количество дворов (либо размер кормового обеспечения), численность «людей з боем», указание на (не)выплату денежного жалования). Боярских списков столбцовой формы периода царствования Алексея Михайловича, в которых учитывалась указанная информация «сказок» служилых людей, к настоящему времени выявлено четыре: боярский список «подлинный» сентября 7172 (1663) г.² (далее – БС16); боярский список «подлинный» 7174 (1665/66) г.³ (далее – БС30); боярский список «наличный» июля 7174 (1666) г.⁴ (далее – БС11); боярский список «наличный» «именной» сентября 7176 (1667) г.⁵ (далее – БС15).

С целью установления источников информации боярских списков в настоящей статье привлекаются сведения «сказок» служилых людей, поданных: в середине июня 7161 (1653) г.⁶ (далее – Ск1), в январе – марте 7169 (1661) г.⁷ (далее – Ск2), декабре – январе 7172 (1663/64) г.⁸ (далее – Ск3), второй половине июня 7172 (1664) г.⁹ (далее – Ск4), октябре – декабре 7176 (1667) г.¹⁰ (далее – Ск9), августе 7176 (1668) – декабре 7177 (1668) г.¹¹ (далее – Ск8).

Для удобства сопоставления сведений боярских списков и «сказок» представителей тюркской знати – членов Государева двора об их готовности к полковой службе представим информацию в табличной форме.

Таблица №1

Сведения боярских списков и «сказок» представителей тюркской знати – членов Государева двора об их готовности к полковой службе

Служилый человек, чин	«Сказка»	Боярский список
князь Григорий Алей мурзин сын Байтереков, дворянин московский	Ск3, л.159 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Гришка Байтереков, на коне, человек з боем. А поместитца [sic] и водчин [sic] нет ни	БС16, л.85 – «д[еньги]» БС30, л.66 – «по 6 руб[лев] на месяц» БС11, л.58 – «корму по 5 ал[тын]» БС15, л.183 – «з боем

² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.355. Столп.3.

³ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.678. Столп.2.

⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.379. Столп.2.

⁵ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.253.

⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.234.

⁷ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.323. Столп.2.

⁸ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.360. Столп.2.

⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.354. Столп.3.

¹⁰ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.397. Столп.2.

¹¹ РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.397. Столп.1.

	единой чети. А идет мне, холопу твоему, твое, государева [sic], жалованье, поденной корм, по пяти алт [sic] на день. То мая скаска»	2 ч., помесья и вотчин нет, а государева жалованья корму по 5 алтын на день»
князь Михаил Казый мурзин сын Байтереков, дворянин московский	<p>Ск3, л.155 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Мишка Байтереков, на коне, да человек з боем. А поместитца [sic] и водчины [sic] за на [sic] мною, холопе [sic] твоим, нет ни единой чети. А идет мне, холопу твоему, твое, государева [sic], жалованья, поденной корм, по пяти алтыны [sic] на день. То мая и скаска»</p> <p>Ск8, л.463 – «177-го году сентября в 2 день сказал дворянин князь Михайла Казый мурзин сын Байтереков. Великого государя жалованья, поместейца и водчинки, за мною нет ни единые чети. А идет мне великого государя жалованья поденнаго корму по пяти алтын на день. То мая скаска. А скаску писал я, князь Михайла, своею рукою»</p> <p>Ск8, л.662 – «177-го году октября 21 день сказал дворянин князь Михайла Байтереков. Поместейца и водчинки за мною нет ни единые четверти. Дают мне ево, государева, жалованья поденной корм по пяти алтын на день. То мая скаска. А скаску писал князь Михайла своею рукою»</p>	<p>БС16, л.85 – «д[еньги]»</p> <p>БС11, л.59 – «корму по 5 ал[тын]»</p> <p>БС15, л.184 – «на коне, з боем 1 ч., помесья и вотчин нет, а государева жалованья корму по 5 алтын на день»</p>
Владимир Тугаев сын Девлетчуров, иноземец, служащий с дворянами московскими	Ск1, л.435 – «На твоей, государеве царевице и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Володка Тагаев сын княж Девечуров [sic], на коне, в саадаке, с саблюю, а за мною человек на коне с коробином да пара пистолей. А твоего, государева, жалованья, поденного корму, идет мне, холопу твоему, по гривне на день. А поместейца и вотчинки за мною, холопом твоим, нет нигде ни одной чети. [Внизу листа	–

	слева помета] 42»	
Никифор Араслан мурзин сын Кадамов, иноземец, служащий с дворянами московскими	Ск1, л.428 – «На твоей, государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Микифорка Араслан мурзин сын Кадамов, на коне, пара пистолей да сабля. А твоего, государева, жалованья, поденного корму, идет мне, холопу твоему, на день по два алтына, а конского корму [слова «а конского корму» приписаны над строкой другими почерком и чернилами, слово «конского» смазано], а конского не указно [слова «а конского не указно» приписаны над строкой другим почерком]. А, кроме поденного корму, твоего, государева, жалованья, поместейца, ни вотчинки, за мною нет ни единой четверти. [Внизу листа слева помета] 34»	–
Иван Богданов сын Мустофин, иноземец, служащий с дворянами московскими	Ск8, л.623 – «177-го октября в 20 день сказали кормовые дворяна московския. Фома Костентинов. Государева жалованья – поденного корму вост алтын две денги на день да конского на одну лошадь дватцать алтын на месяц. Кирило Христофоров. Государева жалованья семь рублей на месяц да на две лошади. Иван Дмитриев сын Греченин. На день шесть алтын четыре денги да на две лошади. Емельян Микулаев сын Греченин. Шесть алтын четыре денги да на одну лошадь. Вельямин Сербенин. Шесть алтын четыре денги да на одну лошадь. Костентин Иванов сын Греченин. По пяти алтын да на две лошади. Иван Федоров. По пяти алтын да на одну лошадь. Иван Богданов сын Мустафин. По три алтына да на одну лошадь. А поместейца и вотчинки за нами нет ни за кем ни по одной чети. То наша и скаска», л.623об. – «К сей скаске князь Дмитрий Урмаметев вместе Фамы Костентинова с товариши по их веленью руку приложил [слова	–

	«руку приложил» приписаны почерком, отличным от почерка предыдущих слов рукоприкладства; тот же почерк см. князь Дмитрий князь Васильев сын Урмаметев, на «сказке» Ромейкова Федора Семенова сына]»	
Григорий Кузьмин сын Орасланов, иноземец, служащий с дворянами московскими	Ск4, л.361 – «На великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца службе буду я, Гришка Кузьмин сын Арасланов, на коне, да человек за мною. А государева жалованья, поместья и вотчин, за мною нет нигде ни единой четьи. А идет мне государева жалованья поденной корм по гривне на день. А на людей государева жалованья не имал», л.361об. – «К сей каске [sic] Гришка Арасланов руку приложил» Ск8, л.461 – «177-го году сентября во 2 день сказал дворянин Григорей Кузьмин сын Арасланов. Государева жалованья, поместей и вотчин, за мною нет ни единой четверти. А идет мне государево жалованье, поденной корм на Москве в Большом приходе, по гривне на день. То моя и скаска», л.461об. – «К сей скаске Григорей Арасланов руку приложил»	–
князь Дмитрий князь Третьяков сын Сеитов, дворянин московский	Ск1, л.20 – «На твоей, государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, Митка Сеитов, на оргамаке, две лошади просты, да людей за мною на конях с пишали [sic] пять человек. А в поместье и в вотчине за мною твоего, государева, жалованья крестьянских и бобыльских 39 дворов. [Внизу листа слева помета] 22»	–
князь Калинник царевичев Джансюеров сын Сибирский, дворянин московский	Ск1, л.39 – «На твоей, государеве царе и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Калинка Джансюера царевича сынишко Сибирскова, на коне, в садаке, да конь прост, а на той простой лошади карабин, а людей за	БС16, л.66 – «д[еньги]» БС30, л.37 – «корму по 7 алтын на день» БС11, л.49 – «<кор>му по 7 ал[тын] на день [?]»

	<p>мною два человека – человек в садаке, а другой с пистолми – на конех, да третей человек с простою, а у него пицаль длинная. А нет за мною, холопам твоим, ни поместья, ни вотчин ни единава двора. А твоево, государева, жалованья мне, холопу твоему, идет корму по семи алтын на день. [Внизу листа на левом поле помета] 45»</p>	<p>БС15, л.157 – «на коне, да лошадь проста, людей 2 ч., поместья и вотчин нет, а государева жалованья податного корму по 7 ал[тын] на день»</p>
<p>Игнатий Курмашев сын Смайлев, «новокрещон», иноземец, служащий с дворянами московскими</p>	<p>Ск1, л.424 – «На твоей, государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Ивашка Смайлев, вместо отца своего, Игнатя Курмашева сына Смайлева, на коне, с карабином, да пара пистолей, да человек с простым конем, да два человека за мною с карабины. А твоего, государева, жалованья за отцем моим, поместейцо, крестьянских и бобыльских сорок сем дворов. А отец мой болен, а я, холоп твой, ни в какову в твою, государеву, службу не написан. [Внизу листа слева помета] 28»</p>	<p>–</p>
<p>князь Данило Бегильдеев сын Тенишев, дворянин московский (<i>также</i> иноземец, служащий с дворянами московскими)</p>	<p>Ск1, л.420 – «На твоей, государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Данилка княж Тенишев, на коне, с саблею, в саадаке, да человек на коне с саблею да с пистолем. А твоего, государева, жалованья за мною, холопом твоим, с племянником моим, с Васкою княж Тенишевым, поместья в Шатцком и в Кадомском уезде [sic], крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам десять дворов да беглых крестьянских пустых восемь дворов, а выбежали крестьяне после писцовых и переписных книг. [Внизу листа слева помета] 23»</p>	<p>–</p>
<p>Кирилл Имишев сын Тенишев, «новокрещон», иноземец, служащий с дворянами московскими</p>	<p>Ск1, л.419 – «На твоей, государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Кирюшка Имишев сын князь Тенишев, на коне, с пистолью</p>	<p>–</p>

<p>скими</p>	<p>да с карабином. А поместья и вотчины за мною, холопом твоим, нет ни где ни единой четверти. А корму мне, холопу твоему, всего по два алтына на день»</p>	
<p>князь Прокофий Урак мурзин сын Тинмамметев, дворянин московский</p>	<p>Ск8, л.87 – «177-го сентября в 15 день сказали столник князь Дмитрий князь Васильев сын Урмаметев да дворянин князь Прокофей Тинмамметев. Поместья и вотчин за нами нет ни по одной четьи. Идет государева жалованья поденной корм помесечно, а дан на Москве на подъем на четыре месяца ноября по первое число. То наша и скаска. А скаску писал в князь Прокофьева места и в свое князь Дмитрий Урмаметев своею рукою»</p>	<p>БС16, л.71 – «д[еньги]» БС11, л.50 – «корму по 6 ал[тын] по 2 де[ньги]»</p>
<p>князь Дмитрий князь Васильев сын Урмаметев, стольник</p>	<p>Ск3, л.593 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Митка князь Васильев сын Урмаметев, сам на коне, в саадаке, да два человека з боем – один с карабином, а другой с пистоли. А твоего, государева, жалованья, поденного корму, мне по двенатцати алтын на день. А поместья и вотчин нет» Ск9, л.56 – «176-го октября в 24 день сказал Федор Семенов сын Рамейков по святой христовы евангелской заповеди господни. Государева жалованья за мною поместья в трех городах, в Касимовском уезде, в Переславле Залеском да на Вологде, крестьянских и бобыльских тритцать дворов. То моя и скаска. А скаску писал Приказу Казанского дворца площадной подьячей Даниско Фадеев», л.56об. – «К сей скаске князь Дмитрий Урмаметев вместе Федора Ромейкова по ево веленью руку приложил [слова «руку приложил» приписаны почерком, отличным от почерка предыдущих слов рукоприкладства; тот же почерк см.</p>	<p>БС15, л.2а – «на коне, людей з боем 2 ч., поместья и вотчин нет, поденного корму по 12 ал[тын] на день»</p>

	<p>Иван Богданов сын Мустофин]» Ск8, л.87 – «177-го сентября в 15 день сказали столник князь Дмитрей князь Васильев сын Урмаметев да дворенин князь Прокофей Тинмаметев. Поместья и вотчин за нами нет ни по одной четьи. Идет государева жалованья поденной корм помесечно, а дан на Москве на подъем на четыре месяца ноября по первое число. То наша и скаска. А скаску писал в князь Прокофьева места и в свое князь Дмитрей Урмаметев своею рукою» Ск8, л.510 – «177-го году сентября в 16 день сказал дворянин Хоритон Иванов сын Аганин. Поместья и вотчин за мною нет ни единые четьи. Идет государева жалованья поденной корм помесечно, а дан на службу на подъем на четыре месяца ноября по первое число. То моя и скаска. А скаску писал по вельню Хоритонову князь Дмитрей Урмаметев своею рукою»</p>	
князь Михаил Шейдяков сын Урмаметев, дворянин московский	–	<p>БС16, л.85 – «д[еньги]» БС15, л.184 – «на коне, да человек на лошади, государева жалованья корму по гривне на день»</p>
князь Никита княж Семенов сын Урусов, стольник	<p>Ск3, л.623 – «На твоей, великаго [sic] государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя [sic] и Белья [sic] Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Никитка Урусов, на коне, три лошеди простых, людей деветь человек. А твоево, государево, жалованья, вотчинных деревнишек, крестьян за мною, холопом твоим, в розных городех триста дворов, а поместья за мною нет ни единой четверти» Ск8, л.633 – «177-го октября в 9 день полку боярина и воеводы князя Григорья Семеновича Куракина дворянин</p>	БС11, л.8 – «300»

	<p>сказал Степан Иванов сын Волохов. Великого государя жалованья за мною поместье в Вологодском уезде семь дворов крестьянских, да в Суздальском уезде в поместье ж четырнадцать дворов, да в Суздальском же уезде в Ермольском стану в вотчине одиннадцать дворов, да в Переславском уезде Залеского в вотчине два двора, а тою вотчиною завладел и крестьяны насильством боярин князь Семен Андреевич Урусов, а ныне тою вотчиною и крестьяны владеет сын его, князь Никита Семенович», л.633об. – «К сей сказке Степан Волохов руку приложил»</p> <p>Ск8, л.653 – «177-го октября в [sic: пустое место] день полку боярина и воеводы князя Григорья Семеновича Куракина сказал дворянин Афонасей Иванов сын Волохов. Великого государя жалованья за мною в поместье в Суздальском уезде крестьянских и бобыльских пятнадцать дворов, да в Суздальском же уезде в вотчинке одиннадцать дворов, да в Переславском уезде Залеского в вотчинке два двора, а тою вотчинкою и крестьяны завладел насильством боярин князь Семен Андреевич Урусов, а после его владеет сын его, князь Никита Семенович, насильством же», л.653об. – «К сей сказке Афонасей Волохов руку приложил»</p>	
<p>князь Петр Семенович Урусов, кравчий</p>	<p>Ск3, л.665 – «На твоей, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Петрушка Урусов, на коне, чатыре [л]ошеди простых, людей адинцать [sic] человек з боем. А твоево, великаго государя, жалованья в вотчине за мною, холопам твоим, крестьянских и бобыльских двести шездесят чатыре двора», л.665об. – «[Помета] 26»</p>	<p>–</p>

<p>князь Семен княж Андреев сын Урусов, дворянин московский</p>	<p>Ск1, л.1 – «На твоей, государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, службе буду я, холоп твой Сенка Урусов. А простых, государь, за мною, холопом твоим, шесть лошадей. А людей за мною ж, холопом твоим, пятьдесят человек в саадаках, и с карабины, и с пистол<ми> [край листа немного оборван]. А твоего, государева, жалованья за мною, холопом твоим, в розных городех, поместей и вотчин, крестьянских и бобыльских тысе<ча> [край листа немного оборван] пятсот девяносто пять дворов по переписным книгам. Да из твоего ж, государева, жалованья, из моего поместейца Нижегородского уезду Толоконцовской волости, взято и отписано на тебя, государя, после переписных книг триста пять дворов к Заузолской волости. [Внизу листа на левом поле помета] 1»</p>	<p>–</p>
<p>князь Федор княж Семенов сын Урусов, стольник</p>	<p>Ск3, л.620 – «На твоей, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Федка Урусов, на лошади, две лошади прости, людей за мною, холопом твоим, девять человек з боем. А помесья за мною, холопом твоим, нет. А в вотчине за мною, холопом твоим, двесте сорок дворов крестьянских. Да с меня ж, холопа твоево, взято нынешней год в даточные конные адиннатцать человек. [Рукоприкладство] Фетка Урусов руку приложил»</p>	<p>БС11, л.8 – «240»</p>
<p>князь Юрий княж Семенов сын Урусов, стольник</p>	<p>Ск3, л.618 – «На твоей, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Юшка Урусов, сам на коне, три лошади прости, а людей за мною тринацать человек з баем. А твоево, государева, жалованья, поме-</p>	<p>БС11, л.8 – «400»</p>

	<p>стья и вотчины, четыреста дворов крестьянских и бобыльских. Да з меня ж, халопа твоево, взята в конные даточные осматцать [sic] человек дворовых людей»</p>	
<p>князь Борис княж Дмитриев сын Шейдяков, стольник</p>	<p>–</p>	<p>БС16, л.21 – «3 ч.» БС11, л.15 – «68» БС15, л.17 – «на коне, лошедь проста, людей з боем 4 ч., а, по ево скаске, в поместье и в вотчинах крестьян 68 д[воров]»; [на левом поле:] «из скаски 162-го году»</p>
<p>князь Дмитрий Сатый мурзин сын Шейдяков, дворянин московский</p>	<p>Ск2, л.33 – «169-го генваря в 29 день сказал дворянин князь Дмитрией Сатый мурзин сын Шейдяков. Государева жалованья за мною, паместья в Переславле Залеском, крестьянских и бобыльских дватцать четыре двора. А на великого государя службе будет в сотне за мною два человека з боем. То моя и скаска. А скаску писал Иван Корнильев сын Казлов по ево, князь Дмитриеву, веленью, что он грамоте не умеет. [Помета на левом поле] 24, 2», л.33об. – «169-го генваря в 29 день»</p>	<p>БС16, л.85 – «2 ч.», «д[еньги]» БС11, л.58 – «14» БС15, л.183 – «на лошади, лошадь проста, людей 4 ч., податного [«податного» зачеркнуто] да корму по полтине на день, в поместье крестьян 10 [sic]»</p>
<p>князь Иван Меньшой Каплан мурзин сын Шейдяков, стольник</p>	<p>Ск3, л.515 – «На государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца службе, сказал Ивашка Каплан мурзин сын Шейдяков, будоя, холоп твой, на коне, в саадаке, конь простой, да за мною ж будут три человека людей з боем. А поместья за мною, твое, государево, жалованье, дватцать пять дворов» Ск8, л.61 – «177-го году сентября в [sic: пустое место] день сказал столник князь Иван Каплан мурзин сын Шейдяков. Государева жалованья за мною, поме<стья> в Ерославском уезде, крестьянких [sic] и бобыльских</p>	<p>БС15, л.25 – «на коне, лошедь проста, людей<й> з боем 3 ч., а, по ево скаске, в поместье крестьянских и бобыльских 25 д[воров]»</p>

	дватцетъ пять дворов. То моя и скаска», л.61об. – «К сей скаске князь Микита Деев вместо князь Ивана Шейдякова по ево веленью руку приложил, что он грамоте не умеет»	
князь Роман княж Абрамов сын Шейдяков, стольник	Ск8, л.18 – «176-го году августа в 30 день сказал столник к<князь ...> [оторвано] княж Раманов сын Шяйдяков. Государева жалованья за мною, поместья в Ярославском уезде, тритцать дворов. То моя и скаска», л.18об. – «К се скаске князь Раман Шейдяков руку приложил»	БС16, л.25/26 – «2 ч.»
князь Леонтий княж Никитин сын Шейсупов, стольник	Ск3, л.597 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Левка Шайсупов, на коне, конь прост, четыре человеки людей з боем. В поместье и вотчинке за мною тритцать деветь дворов в розных городех» Ск8, л.4 – «Сказал столник князь Леонтей княж Никитин сын Шайсупов. В вотчинке за мною в Орзамаском уезде в селце Кодыкове дватцать три двора да в поместейце в Романовском уезде в трех девнях [sic] восм дворов. Да тово ж романовского поместейца и, что из бегов взяв, село в Олексинском уезде на помесной пустоши Левохине четырех кресьянинов. А еще с них великому государю никаких податей нет, ни мне, помещику, ничево, потаместь как сами построетца кресьяне. Да в Олексинском жа уезде в помеснай жа деревне переделе четыре двора. А что после моей ведомости прибыло или убыло, тово мне не ведомо. А скаску писал своєю рукою»	БС16, л.14 – «1 ч.» БС15, л.2 – «на коне, лошедь проста, людей з боем 4 ч., а в поместье и в вотчинах крестьян 39 д[воров]»
князь Петр княж Иванов сын Шейсупов, стряпчий	Ск3, л.346 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Петрушка князь [sic] Иванов сын Шайсупов, на коне,	БС16, л.59 – «1 ч.»

	да конь прост, да три человека з боем. А твоего, великого государя, жалованья за мною, холопом твоим, в поместье и в вотчинках сорок дворов»	
князь Самойло княж Никитин сын Шейсупов, стольник	Ск3, л.505 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Самошка Шайсупов, на лошади, две лошади простые, шесть человек людей з боем. А в вотчинках, государь, в розных городех за мною, холопом твоим, семдесят семь дворов крестьянских и бобыльских да в поместейце три двора»	БС16, л.14 – «д[еньги]» БС11, л.11 – «80»
князь Степан княж Никитин сын Шейсупов, стольник	Ск4, л.40 – «На государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца службе буду я, Стенка княж Никитин сын Шайсупов, на коне, да конь прост, да два человека людей з боем, на которых взял великого государя жалованье. А вотчинки за мною крестьянских и бобыльских семнатцать дворишков», л.40об. – «172-го июня в 18 день. К сей скаске Стенка Шайсупов руку приложил» Ск8, л.59 – «177-го сентября в [sic: пустое место] день сказал столник князь Степан княж Никитин сын Шайсупов. Государева жалованья за мною в вотчинке в Орзамаском уезде пятнатцать дворов крестьянских и бобыльских. То моя и скаска»	БС16, л.10 – «<...> ч.» [оторвано] БС11, л.12 – «17»
князь Андрей княж Никитин сын Юсупов, стряпчий, с 24 октября 1716 (1667) г. дворянин московский	Ск4, л.258 – «На твоей, государеве цареве и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, службе буду я, холоп твой Андриюшка князь [sic] Никитин сын Юсупов, на коне, с пистолы, да человек на коне с пистолы и карабином. А твоево, великаго государя, денежна жалованья взял на человека. А в поместье и вотчине твоево, царьскова, жалованья крестьян	БС16, л.38/39 – «1 ч.», «д[еньги]» БС30, л.18 – «16 с полуд[вором]» БС11, л.23 – «16 с полуд[вором]» БС15, л.55 – «на коне, з боем человек, в поместье и в вотчине крестьян 16 д[воров] с полудвором»

	<p>янских и бобыльских шеснатцать дворов с полудвором», л.258об. – «172-го июня в 21 день. К сей скасе [sic] князь Андрей Юсупов руку приложил»</p> <p>Ск9, л.175 – «176-го году октября в 25 день сказал князь Андрей княж Никитин сын Юсупов. Великого государя жалованья за мною в Кашинском уезде в вотчине и в поместье пятнатцать дворов кресьянских и бобыльских да двор пуст. Да буду я на государеве службе сам на коне, с пистолми, да за мною человек з боем. А великого государя жалованья взял на одново человека. То моя и скаска», л.175об. – «К сей скаске князь Андрей Юсупов руку приложил»</p> <p>Ск8, л.649 – «177-го году сентября в 2 день сказал дворянин князь Андрей княж Никитин сын Юсупов. Великого государя жалованья, поместейца в Кашинском уезде, восм дворов, а водчинка в Кашинском же уезде восм же дворов. То мая и скаска. А скаску писал князь Михайла Байтереков по ево, князь Андрееву, веленью»</p>	
<p>князь Василий (Большой) княж Никитин сын Юсупов, дворянин московский</p>	<p>Ск2, л.92 – «169-го году генваря в 28 день сказал дворенин князь Василей княж Никитин сын Исупов. Государева жалованья за мною, поместьца и вотчинки в Кашенском да в Белевском уезде, шездесят дворов крестьянских [sic: «-т-» не выносная!] и бобыльских, и с того поместья служу сам-друг сынам. А на государеву службу со мною людей будет з боем два человека. [Помета на левом поле] 60 д[воров], 2 ч.», л.92об. – «169-го генваря в 30 день», «К сей скаске князя [sic] Василей Юсупов руку приложил»</p> <p>Ск3, л.245 – «На твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самадержца, службе буду я, холоп твой Васка княж Ники-</p>	<p>БС16, л.67 – «2 ч.», «д[еньги]»</p> <p>БС30, л.38 – «52»</p> <p>БС11, л.50 – «52»</p> <p>БС15, л.158 – «на коне, да лошадь проста, з боем 3 ч., а, по ево скаске, в помесьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских 52 двора, с того ж помесья служат 2 сына»</p>

	<p>тин сын Юсупов, на коне, конь прост, а людей з боем трое человек. А в поместье и в вотчинках твоево, государева, жалованья крестьянских и бобыльских в дву городех за мною, холопом твоим, пятьдесят два двора. Да с тех же поместейцей и с вотчинок служат тебе, великому государю, два сынишка, а за ними по человеку. То моя и скаска»</p>	
<p>князь Василий (Меньшой) княж Никитин сын Юсупов, стряпчий</p>	<p>Ск3, л.355 – «172-го декабря в 23 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца сказал стряпчей Васка княж Никитин сын Юсупов. Буду я на твоей, великого государя, службе на коне, да конь в простых, а людей два человека з боем. А в поместьях и вотчинах, твое, государево, жалованье, в розных городех крестьянских и бобыльских тридцать дворов» Ск8, л.186 – «176-го году августа в 30 день сказал стряпчей князь Василей княж Никитин сын Юсупов. Государева жалованья за мною – поместейца в Галетцком уезде в Чухломской осаде Волуевской в волости пять дворов, да поместейцо ж в Шуйском уезде десять дворов, да в Кашинском уезде поместейцо ж двенадцать дворов, да в вотчинка [sic] в Кашинском же уезде востм дворов. А в ьных городех нет нигде. То моя и скаска», л.186об. – «К сей скаске князь Данило Ухтомской вместо князь Василья Юсупова руку приложил»</p>	<p>БС16, л.58 – «1 ч.», «д[еньги]» БС15, л.122 – «на коне, лошадь проста, з боем 2 ч., в поместье и в вотчинах к[рестьянских] и б[обыльских] 30 д[воров]»</p>
<p>князь Иван Корел мурзин сын Юсупов, дворянин московский</p>	<p>Ск4, л.49 – «На государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца службе буду я, Ивашка Юсупов, сам на коне, да конь прост, да три человека за мною людей з боем. А государева жалованья за мною, поместья ни вотчин, нет ни единой четверти. А государева жалованья,</p>	<p>БС30, л.36 – «корму по 30 рублей на месяц» БС15, л.157 – «на коне, да лошадь проста, з боем 3 ч., поместья и вотчин нет, а государева жалованья корму ему по 30 руб-</p>

	поденного корму, идет мне на месец по тридцети рублей. А на людей денег не имывал», л.49об. – «172-го июня в 21 день. К сей скаске Ивашко Юсупов руку приложил»	лев на месяц»
--	---	---------------

Итак, несмотря на ограниченность фактических данных, можно заключить, что сведения боярского «подлинного» списка сентября 7172 (1663) г. (БС16) о численности «людей з боем» имеют своим источником информацию «сказок» января – марта 7169 (1661) г. (Ск2) (см. в «сказке» князя Д.С. Шейдякова: «А на великого государя службе будет в сотне за мною два человека з боем», в боярском «подлинном» списке при его имени помета «2 ч.»; в «сказке» князя В.Н. Большого Юсупова: «А на государеву службу со мною людей будет з боем два человека», в боярском «подлинном» списке при его имени помета «2 ч.»). Кроме того, именно на тех «людей з боем», которые были указаны в БС16 (а следовательно, в «сказках» Ск2), служилые люди получили денежное жалованье, о чем они и сообщали в «сказках» второй половины июня 7172 (1664) г. (Ск4) и октября – декабря 7176 (1667) г. (Ск9) (см. при имени князя А.Н. Юсупова в БС16 помета «1 ч.»; в его «сказке» Ск4: «А твоево, великаго государя, денежна жалованья взял на человека», в его «сказке» Ск9: «А великого государя жалованья взял на одново человека»).

Гораздо более обширный материал позволяет сделать вывод о том, что сведения «сказок» середины июня 7161 (1653) г. (Ск1), декабря – января 7172 (1663/64) г. (Ск3), второй половины июня 7172 (1664) г. (Ск4) о боеготовности, числе «людей з боем», количестве принадлежащих служилым людям крестьянских и бобыльских дворов (либо отсутствию у них поместий и вотчин и «кормовом» обеспечении) отражаются довольно точно в боярском «подлинном» списке 7174 (1665/66) г. (БС30), боярском «наличном» списке июля 7174 (1666) г. (БС11) и боярском «наличном» «именном» списке сентября 7176 (1667) г. (БС15) (ср. сведения «сказки» Ск1 князя К.Д. Сибирского и всех трех списков; сведения «сказок» Ск3 князей Г.А. и М.К. Байтерековых с пометами при их именах в БС11 и БС15; сведения «сказок» Ск3 князей Д.В. Урмаметева, И.К. Шейдякова, Л.Н. Шейсупова и В.Н. Меньшого Юсупова с пометами при их именах в БС15; сведения «сказок» Ск3 князей Н.С., Ф.С. и Ю.С. Урусовых и Сам.Н. Шейсупова с пометами при их именах в БС11; сведения «сказки» Ск3 князя В.Н. Большого Юсупова и всех трех списков; сведения «сказки» Ск4 князя Ст.Н. Шейсупова с пометой при его имени в БС11; сведения «сказки» Ск4 князя А.Н. Юсупова и всех трех списков; сведения «сказки» Ск4 князя И.К. Юсупова с пометами при его имени в БС30 и БС15).

Кроме того, «сказки» и боярские списки свидетельствуют, что значительная часть представителей тюркской знати – членов Государева двора

(12 человек из 31-го, или 38,7 %) не имела вотчин и поместий и получала «корм». Размер «поленного корма» варьируется от двух до двенадцати алтынов (и даже – у князя Ивана Корел мурзина сына Юсупова – до одного рубля) на день. Количество крепостных дворов в вотчинах и поместьях 14-и представителей тюркской элиты (за исключением князей Урусовых) находится в пределах от шестнадцати до восьмидесяти (в среднем – 38 дворов). Князю С.А. Урусову принадлежали 1595 дворов (включая 305 дворов, отписанных «на государя»), каждому из четырех его сыновей – от 240 до 400.

«Сказки» позволяют также сделать наблюдение о владении представителями тюркской знати – членами Государева двора русской грамотой. Так, стольник князь Дмитрий княж Васильев сын Урмаметев и дворянин московский князь Михаил Казый мурзин сын Байтереков не только собственноручно писали свои «сказки», но и делали это за других. Стольник князь Леонтий княж Никитин сын Шейсупов писал «сказку» сам. Некоторые – стольники князь Роман княж Абрамов сын Шейдяков и князь Степан княж Никитин сын Шейсупов, дворяне московские князь Василий (Большой) княж Никитин сын и князь Иван Корел мурзин сын Юсуповы, стряпчий (затем дворянин московский) князь Андрей княж Никитин сын Юсупов, иноземец Григорий Кузьмин сын Орасланов – лишь заверяли свои «сказки» рукоприкладствами. О двух лицах – дворянине московском князе Дмитрие Сатый мурзине сыне и стольнике князе Иване Меньшом Каплан мурзине сыне Шейдяковых – сообщается, что и тот, и другой «грамоте не умеет».

Таким образом, «сказки» служилых людей (в том числе представителей тюркской знати) являлись основным источником информации боярских списков середины XVII в. об их готовности к полковой службе и могли функционировать в делопроизводстве Разрядного приказа продолжительное время (не менее десяти лет).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Т.1. 316 с.
2. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. Т.2. 464 с.
3. *Белоусов М.Р.* Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т.156, кн.3. С.55–64.
4. *Беляков А.В.* Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-гатарские государства. 2017. №9. С.15–20.
5. *Беляков А.В.* Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т.8, №3. С.578–612. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612.

6. *Беляков А.В.* Князья и мирзы Юсуповы в России XVI – первой половины XVIII в. (предварительные итоги) // *Российская генеалогия*. Вып.10. М.: Старая Басманная, 2021. С.40–59.

7. *Беляков А.В.* Князья / мирзы Кутумовы в России в XVI – начале XVIII вв. // *Российская генеалогия*. Вып.13. М.: Старая Басманная, 2023. С.109–115.

8. *Беляков А.В.* Князья Тинмамтевы, Кейкуваты (Кекуатовы), Енеевы, Байтерековы в России XVII в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2018. №10. С.14–20.

9. *Беляков А.В.* Князья Урусовы в России в XVII в. // *История народов России в исследованиях и документах*. Вып. 9. К юбилею В.В. Трепавлова. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С.87–105.

10. *Беляков А.В.* Ногайские князья и мирзы в России XVII в. Особенности статуса // *Российское государство в XVI – начале XVIII века: Сб. статей к 70-летию А.П. Павлова*. М.: Старая Басманная, 2022. С.284–294.

11. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

12. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.

13. *Беляков А.В., Акчурин М.М.* Князья Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2020. №12. С.12–26.

14. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. 304 с.

15. *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М.: Территория, 2004. 274 с.

16. *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. Т.2. 624 с.

17. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

18. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.

19. *Хамамото М.* Пополнение Государева двора России в XVI–XVII вв. (выходцы с Востока и проблемы их ассимиляции) // *Государев двор в истории России XV–XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции 30.X–01.XI.2003 г., Александров. Владимир: Издатель А. Вохмин, 2006. С.282–295.*

Информация об авторе:

Белюсов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Поступила 17.05.2023

Принята к публикации 08.06.2023

"Tales" of members of the Sovereign's Court – natives of the Turkic nobility
as a source of information from boyar lists about their readiness
for regimental service (mid-17th century)

M.R. Belousov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article investigates the "tales" of the members of the Sovereign's Court – natives of the Turkic nobility as a source of information from the boyar lists of the middle of the 17th century about their readiness for regimental service. All the documents studied in the article were deposited in the fund of the Razryadnyi Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The personal composition of representatives of the Turkic elite in Moscow ranks is considered. The "tales" of 1653–1668 of the members of the Sovereign's Court – natives of the Turkic nobility were identified and introduced into scientific circulation. It is established that the "tales" of military servicemen (including representatives of the Turkic nobility) were the main source of information of the boyar lists of the middle of the 17th century about their readiness for regimental service and could function in the office of the Razryadnyi Prikaz for a long time. The article is addressed to specialists in the history of the Sovereign's Court, social history, the history of public administration, and the source studies of clerical work documents.

Keywords: Sovereign's Court, "tales", boyar lists, Turkic nobility, Moscow nobles, equerry, solicitor

For citation: Belousov M.R. "Tales" of members of the Sovereign's Court – natives of the Turkic nobility as a source of information from boyar lists about their readiness for regimental service (mid-17th century). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.95–116. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.95-116> (In Russian)

REFERENCES

1. Belousov M.R. *Boyar Lists of 1645–1667 as a Historical Source: in 2 vols.* Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2008. Vol.1. 316 p. (In Russian)
2. Belousov M.R. *Boyar Lists of 1645–1667 as a Historical Source: in 2 vols.* Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2008. Vol.2. 464 p. (In Russian)
3. Belousov M.R. Foreigners in boyar lists of the middle of the 17th century. *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2014, vol.156, book 3, pp.55–64. (In Russian)
4. Belyakov A.V. Kanbarovs (Kambarovs) in the Moscow State of the 16th–17th centuries. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2017, no.9, pp.15–20. (In Russian)
5. Belyakov A.V. Princes and mirzas Sheidyakovs in Russia of the 16th–19th centuries. *Golden Horde Review*. 2020, vol.8, no.3, pp.578–612. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612. (In Russian)
6. Belyakov A.V. Princes and mirzas Yusupovs in Russia of the 16th – first half of the 18th centuries. (Preliminary Results). *Russian Genealogy*. Vol. 10. Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2021. Pp.40–59. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Princes / mirzas Kutumovs in Russia in the 16th – early 18th centuries. *Russian genealogy*. Vol. 13. Moscow: Staraya Basmanaya Publ., 2023. Pp.109–115. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Princes Tinmametevs, Keykuvatovs (Kekuatovs), Eneevs, Baiterekovs in Russia in the 17th century. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2018, no.10, pp.14–20. (In Russian)

9. Belyakov A.V. Princes Urusovs in Russia in the 17th century. *History of the Peoples of Russia in Studies and Documents*. Vol. 9. To the anniversary of V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2022. Pp.87–105. (In Russian)

10. Belyakov A.V. Nogai princes and mirzas in Russia in the 17th century. Features of the Status. *The Russian state in the 16th – early 18th centuries: collection of articles for the 70th anniversary of A.P. Pavlov*. Moscow: Staraya Basmanaya Publ., 2022. Pp.284–294. (In Russian)

11. Belyakov A.V. *Employees of the Posolskii Prikaz 1645–1682*. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2017. 368 p. (In Russian)

12. Belyakov A.V. *Chingisids in Russia in the 15th–17th centuries: prosopographic research*. Ryazan: Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p. (In Russian)

13. Belyakov A.V., Akchurin M.M. Princes Sheisupovs (Shaisupovs): a model of integration into the Russian ruling elite. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2020, no.12, pp.12–26. (In Russian)

14. Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V., Shamin S.M. *Translators of the Posolskii Prikaz in the 17th century: materials for a dictionary*. Moscow: Indrik Publ., 2021. 304 p. (In Russian)

15. Bychkova M.E., Smirnov M.I. *Genealogy in Russia: History and Prospects*. Moscow: Territory Publ., 2004. 274 p. (In Russian)

16. Pavlov A.P. *Duma and room servicemen of Tsar Mikhail Romanov: prosopographic research: in 2 volumes*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2019. Vol.2. 624 p. (In Russian)

17. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Moscow: Quadriga Publ., 2020. 1040 p. (In Russian)

18. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Siberian Tsarevichs in the History of Russia*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018. 496 p. (In Russian)

19. Khamamoto M. Replenishment of the Sovereign's Court of Russia in the 16th – 17th centuries (natives from the East and the problems of their assimilation). *The Sovereign's Court in the History of Russia of the 15th–17th centuries: materials of the international scientific and practical conference 30.10–01.11.2003, Alexandrov*. Vladimir: A. Vokhmin Publ., 2006. Pp.282–295. (In Russian)

About the author:

Belousov Maxim Rudolfovich – Cand. Sci. (History), Docent, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714; e-mail: vonrheineck@gmail.com

Received May 17, 2023

Accepted for publication June 8, 2023

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)"18/19"

Рецензия на книгу: Миронова Е.В. Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография (Казань, 2022)

Ф.Г. Муртазина

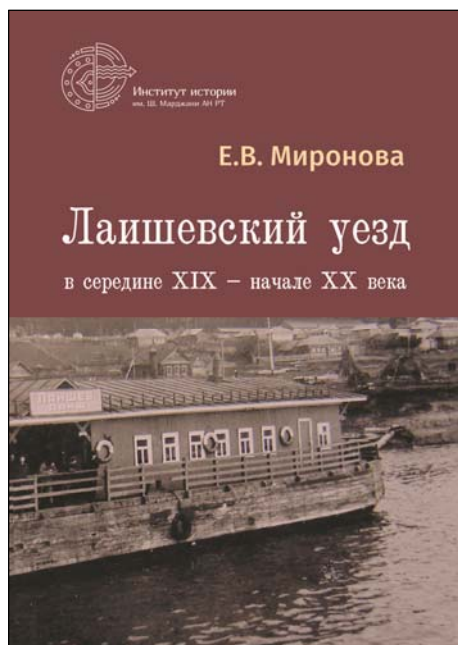
*Музей Лаишевского края имени Г.Р. Державина
Лаишево, Российская Федерация*

В рецензии дается характеристика содержания монографии, посвященной изучению истории Лаишевского уезда Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX столетия на основе комплексного анализа широкого круга опубликованных и неопубликованных источников, хранящихся в фондах Государственного архива РТ, Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного исторического архива. Рецензент показывает научную и практическую значимость исследования, хронологически охватывающего период со времени проведения Великих реформ Александра II и до революционных событий 1917 г. включительно. Отмечены как достоинства, так и недостатки в раскрытии некоторых сюжетов, подробное рассмотрение которых обогатило бы содержание работы.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, вторая половина XIX – начало XX в., земское самоуправление, крестьянское самоуправление, городское самоуправление, экономика, земская медицина, страхование, образование, досуг, Первая мировая война

Для цитирования: Муртазина Ф.Г. Рецензия на книгу: Миронова Е.В. Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография (Казань, 2022) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.117–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.117-122>

Монография Е.В. Мироновой «Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века» [3] написана на интересную и актуальную тему. Город Лаишево и окрестные населенные пункты неоднократно привлекали внимание краеведов [4; 7] и профессиональных историков [1; 2; 5; 6; 8]. Однако комплексного исследования, посвященного общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни Лаишевского уезда второй половины XIX – начала XX в., до сих пор не было. Автор рассматривает историю населенных пунктов Лаишевского уезда как «типичное для сельской местности явление» [3, с.5], подчеркивая тем самым, что жизнь населения была такой же, как и в других уголках провинции.

В центре внимания автора уездный город Лаишев и окрестные деревни, история которых рассматривается во взаимосвязи, что позволяет увидеть целостную картину жизни в провинции в период с середины XIX в. вплоть до революции 1917 г. Выбранные хронологические рамки неслучайны, так как они охватывают время масштабных преобразований в стране, и эти изменения показаны на примере российской глубинки.

Структурно исследование состоит из введения, семи глав, заключения, списков источников и литературы, использованных в монографии сокращений.

В первой главе показаны особенности организации земского самоуправления, его состав и основные направления деятельности. Отдельно рассматривается крестьянское самоуправление: комплектование сельской и волостной администрации, ее компетенция и выполнение обязанностей, в частности сельскими старостами. Также автор дает характеристику органов городского самоуправления, их структуру, состав и функционирование. В этой же главе повествуется о трансформации власти в 1917 г., показана обстановка, в которой шло формирование новых органов управления.

Во второй главе представлены различные сюжеты из социально-политической жизни Лаишевского уезда, показывающие сложную палитру отношений в обществе: движение крещеных татар за возвращение в ислам, взаимодействие помещиков и крестьян и др. На наш взгляд, значительно обогатило бы содержание книги и включение материалов, связанных с таким важным событием в политической жизни страны, как выборы в Государственную думу.

В третьей главе показано развитие основных отраслей экономики в Лаишевском уезде пореформенного периода – сельского хозяйства, промышленности, торговли и промысловой деятельности. Всю информацию сопровождают подробные таблицы, позволяющие в динамике увидеть основные показатели производства в провинции.

Следующая глава посвящена врачам и вспомогательному медицинскому персоналу. Был проведен анализ кадрового состава, условий труда докторов, фельдшеров, оспопрививателей и акушерок. Автор раскрывает

основные трудности, с которыми сталкивались специалисты в деревне, – от бытовых проблем до негативного отношения к земской медицине со стороны местных жителей. Тем не менее, как пишет автор, усилиями земских врачей был сделан большой шаг в обеспечении населения системной медицинской помощью, в проведении профилактики и лечении инфекционных заболеваний.

В пятой главе изучены проводимые земством противопожарные мероприятия. При этом показаны проблемы, возникшие в организации системы страхования имущества сельских жителей.

В шестой главе, базируясь на источники частного характера и делопроизводственные документы уездных органов самоуправления, автор охарактеризовал земскую учительскую интеллигенцию в Лаишевском уезде – была установлена численность преподавателей, уровень их образования, а также материальное благосостояние. Также автор останавливается на мерах, принимавшихся земством по улучшению бытовых и трудовых условий жизни учителей.

Логическим продолжением данного параграфа стал сюжет, посвященный положению провинциальных учащихся и проблемам, которые сопровождали крестьянских детей в период обучения: удаленность школы от дома, неблагоприятная санитарная обстановка в помещениях училищ, необходимость помогать родителям по хозяйству и т.д. К сожалению, автор монографии основное внимание уделяет функционированию только земской школы, практически оставляя вне поля зрения мусульманские медресе и мектебе, церковно-приходские училища, а также учебные заведения, действовавшие в Лаишеве.

Следующей темой, раскрытой в монографии, стало призрение сирот. На примере Алексеевского волостного приюта автор показал значимость подобного рода учреждений в провинции, источники их финансирования, роль личности в деле организации и обеспечении стабильного функционирования приюта.

Завершает главу параграф о развлечениях в уезде и городе. В частности, говорится об организации культурных, досуговых и потребительских обществ, открытии публичной библиотеки, общественного собрания в Лаишеве, а также многочисленных чайных-читален общества трезвости в деревнях, способствовавших культурному подъему города и его округа. Особый интерес представляет описание досуговых занятий дворян – музицирование, театральные постановки, танцевальные вечера, спорт. Кроме того, автор рассматривает народное творчество, отражающее жизнь, мировоззрения простых обывателей.

Последняя глава посвящена событиям Первой мировой войны, с началом которой привычный жизненный уклад в Лаишевском уезде перестал быть прежним. Сюда прибывали беженцы, военнопленные, интернированные граждане. Автор показывает быт этих категорий населения, отношение местных жителей к ним – если простые люди проявляли недове-

рие, видя угрозу собственной безопасности, то землевладельцы смотрели на вновь прибывших как на дешевую рабочую силу. Заметные перемены в повседневности были связаны с мобилизацией, лишившей крестьян кормильцев. Автор показывает как помощь, организованную земством и городским самоуправлением семьям ушедших на фронт, так и благотворительность самих граждан, собиравших средства, белье, провизию для действующей армии.

Несмотря на целостность представленной в монографии картины жизни уезда, для комплексного изучения имеются некоторые пробелы в содержании. Например, недостаточно раскрыты демографические аспекты, необходимые для полноты исследования. Кроме того, отсутствует приложение, в котором можно разместить биографические сведения выдающихся деятелей, статистические таблицы по экономическому и демографическому развитию, выдержки из источников, хотя данные сведения в некоторой степени присутствуют в тексте.

В заключение добавим, что материалы монографии имеют важное практическое значение. Приведенная в книге информация может быть использована краеведческими музеями. Она будет интересна краеведам, жителям населенных пунктов бывшего Лаишевского уезда, а также выходцам из этих мест.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Лаишевского края / сост. К.М. Низаметдинов, И.Х. Халиуллин; науч. ред. И.Х. Халиуллин. [Б. м., б. и.], 1997. 260 с.
2. *Карташева Е.И.* Старообрядцы в Лаишевском уезде в первой половине XIX века // Г.Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). Казань, 2012. С.264–269.
3. *Миронова Е.В.* Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 228 с.; 12 с. ил.
4. *Петров-Текин Н.И.* Кряш-Серда (история деревни, жизнь народа, архивные документы). 1490–1900 гг. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 363 с.
5. *Саматова Ч.Х.* Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №5. С.42–46.
6. *Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р.* Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. №3–4. С.260–269.
7. *Трофимова М.И.* Рыбная слобода. Живые голоса (Популярные очерки об истории и людях Рыбной слободы). Казань: Идель-Пресс, 2006. 376 с.
8. *Шакиров З.Г.* К вопросу о городском населении Лаишева во второй половине XVI–XVII вв. // Г.Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). Казань, 2012. С.261–264.

Информация об авторе:

Муртазина Фарида Гафиуловна – директор МБУК «Музей Лaishevского края им. Г.Р. Державина» (Лaishevo, Российская Федерация); e-mail: far-murtazina@yandex.ru

Поступила 18.05.2023

Принята к публикации 05.06.2023

Book review: Mironova Ye.V. Laishevsky district
in the middle of the 19th – early 20th century:
monograph (Kazan, 2022)

F.G. Murtazina

*Laishevo Territory Museum named after Gavrilа Derzhavin
Laishevo, Russian Federation*

The review describes the content of the monograph devoted to the study of the history of the Laishevsky district of Kazan province in the second half of the 19th – early 20th century on the basis of a comprehensive analysis of a wide range of published and unpublished sources stored in the collections of the State Archive of the Republic of Tatarstan, the Lobachevsky Scientific Library of KFU, the Russian State Military Historical Archive and the Russian State Historical Archive. The reviewer shows the scientific and practical significance of the study, which chronologically covers the period from the time of the Great Reforms of Alexander II to the revolutionary events of 1917 inclusive. Both advantages and disadvantages are noted in the disclosure of some plots, a detailed consideration of which would enrich the content of the work.

Keywords: Kazan province, Laishevsky uyezd, the second half of the 19th – early 20th century, zemstvo self-government, peasant self-government, city self-government, economy, zemstvo medicine, insurance, education, leisure, World War I

For citation: Murtazina F.G. Book review: Mironova Ye.V. Laishevsky district in the middle of the 19th – early 20th century: monograph (Kazan, 2022). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.117–122. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.117-122> (In Russian)

REFERENCES

1. *History of the Laishevsky region*. Comp. K.M. Nizametdinov, I.Kh. Khaliullin; scientific ed. I.Kh. Khaliullin. 1997, 260 p. (In Russian)
2. Kartasheva E.I. Old Believers in Laishevsky district in the first half of the 19th century. *G.R. Derzhavin and the Dialectics of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan–Laishevo, July 13–15, 2012)*. Kazan, 2012. Pp.264–269. (In Russian)
3. Mironova Ye.V. *Laishevsky district in the middle of the 19th – early 20th century: monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2022. 228 p.; 12 p. ill. (In Russian)

4. Petrov-Tekin N.I. *Kryash-Serda (the history of the village, the life of the people, archival documents). 1490–1900*. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2018. 363 p. (In Russian)

5. Samatova Ch.Kh. From the history of the organization and functioning of rural educational institutions on the territory of the Laishevsky district of the Republic of Tatarstan in the second half of the 19th – early 20th century. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2016, no.5, pp.42–46. (In Russian)

6. Samatova Ch.Kh., Ibragimov R.R. Formation and development of zemstvo medicine in Laishevsky district of Kazan province in the second half of the 19th – early 20th century. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2016, no.3–4, pp.260–269. (In Russian)

7. Trofimova M.I. *Rybnaya Sloboda. Live Voices (Popular essays about the history and people of Rybnaya Sloboda)*. Kazan, Idel-Press Publ., 2006. 376 p. (In Russian)

8. Shakirov Z.G. On the question of the urban population of Laishev in the second half of the 16th – 17th centuries. *G.R. Derzhavin and the Dialectics of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan–Laishevo, July 13–15, 2012)*. Kazan, 2012. Pp.261–264. (In Russian)

About the author:

Murtazina Farida Gafillovna – Director of the Laishevo Territory Museum named after Gavril Derzhavin (Laishevo, Russian Federation); e-mail: far-murtazina@yandex.ru

Received May 18, 2023

Accepted for publication June 5, 2023

Рецензия на книгу: Гайнетдинов А.М. Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпитафий истәлекләре (Казан, 2023)

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

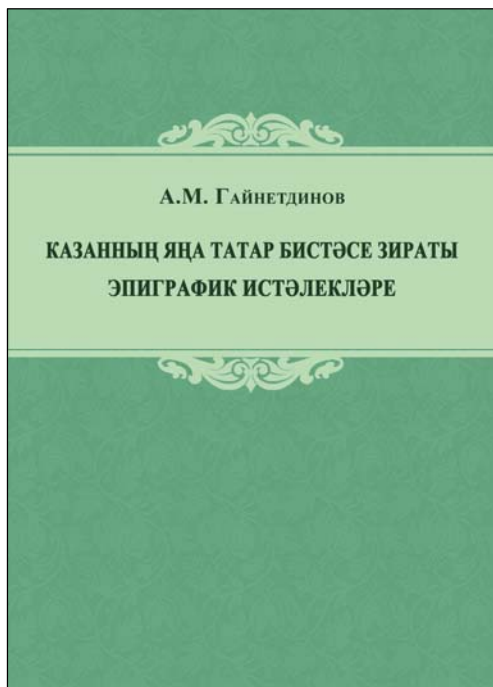
Настоящая рецензия посвящена анализу новой работы казанского эпитафиста Айдары Гайнутдинова «Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпитафий истәлекләре». А.М. Гайнутдинов является автором 8 книг, в число которых входит настоящий рецензируемый труд, а также свыше 30 статей по эпитафике. Ученый провел масштабную работу по сбору и фиксации надгробных камней исследуемого кладбища. Впервые в одном издании собраны фото сохранившихся до наших дней надгробных камней, датируемых в основном 1813–1922 гг. Книга является научно-справочным изданием, под фото каждого памятника приводится расшифровка текстов эпитафий на языке оригинала и их перевод на современный татарский язык. Труд А.М. Гайнутдинова представляет интерес для историков, филологов, эпитафистов, генеалогов, этнографов.

Ключевые слова: Казань, Ново-Татарская слобода, кладбище, надгробные камни, шеджере, эпитафика, муллы, мастера-резчики

Для цитирования: Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Гайнетдинов А.М. Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпитафий истәлекләре (Казан, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.123–127. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.123-127>

Настоящая книга представляет собой многолетний труд по выявлению, расшифровке эпитафий на главном мусульманском кладбище г. Казани (кладбище в Ново-Татарской слободе).

Изучение эпитафических памятников татар-мусульман, расположенных в г. Казани, берет свое начало с середины XIX в., когда Шигабутдин Марджани исследовал два надгробных камня, датируемых концом XIII в., находящихся в Кабанском городище (Архиерейская дача) в г. Казани. Проявил интерес к данным камням и тюрколог-лингвист Николай Ашмарин, опубликовавший в 1905 г. статью под названием «Мусульманский камень на Архиерейской даче» в XXI томе «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». В наши дни изучением эпитафий на данном кладбище, наряду с автором рецензируемой работы, занимаются казанские исследователи Марсель Ахметзянов, Раиф Марданов, Ирек Хадиев, Венер Усманов и др. Также стоит отметить труды А.И. Ногманова и автора рецензируемого

труда А.М. Гайнутдинова по истории кладбища Ново-Татарской слободы г. Казани [1; 3].

С течением времени многие доступные для исследования надгробные плиты уходят под землю, следовательно, мы теряем память о предках, которую будет сложно или невозможно восстановить. Автор счел нужным в приложении книги предоставить информацию о памятниках, которые не сохранились до наших дней, но упомянутых в более ранних исследованиях Марселя Ахметзянова и Ирека Хадиева. Отметим, что и Карл Фукс, исследуя историю татар, не оставил без внимания изучение некоторых эпитафий. Об этом сообщает и А.М. Гайнутдинов.

Самым ранним надгробным камнем, о котором содержатся данные в книге, является надгробие Юсупа Бикбова, который умер в 1813 г. В общей сложности в книге приводятся фотографии и переводы текстов 1438 надгробных камней. Большая их часть датирована 1921–1922 гг., в основном они поставлены лицам, родившимся во второй половине XIX в. Самым поздним захоронением, о котором содержатся сведения в книге, является захоронение Гайши Юнусовой (1974 г.). Рядом с ней похоронен ее родственник купец 1-й гильдии Исхак Юнусов (1886 г.).

Значительное количество сохранившихся надгробных камней начала XX в. на данном кладбище связано не только с увеличением численности населения и захоронений, но и с тем, что в XIX в. поставить памятники могли позволить себе лишь богатые люди (купцы, чиновники, представители духовенства). В начале XX в. ситуация изменилась – это могли сделать уже и люди среднего достатка. На этом кладбище похоронены почетные граждане (различных сословий) и люди различных профессий: известные учителя, шакирды, врачи.

Положительным моментом книги является наличие авторского указателя, который облегчает для читателя поиск нужной информации. Также в книге присутствуют другие указатели: географический указатель (150 населенных пунктов), указатель мастеров-резчиков, указатель профессий, титулов, который включает в себя 68 профессий, указатель лиц, которые устанавливали памятник, хронологический указатель.

В книге автор выбрал принцип подачи материала по участкам кладбища, что также облегчает поиск надгробного камня конкретной личности. Найти и увидеть определенный камень в кладбище, площадь которого свыше 26 га, может быть затруднительно, для решения этого вопроса на помощь приходит план-схема Ново-Татарского кладбища [2, с.762]. Он позволяет читателю ознакомиться с точным географическим расположением всех участков.

Практическая значимость издания заключается в том, что историки, генеалоги, краеведы могут использовать эти материалы при уточнении даты смерти человека или при написании биографий, воспоминаний, составлении шеджере. Порой в источниках начала 1920-х гг. даты смерти могут отличаться, в данном случае неопределимую помощь может оказать настоящая книга. Немаловажным является и то, что в книге автор, ссылаясь на работы М.И. Ахметзянова, приводит шеджере некоторых известных личностей, захороненных на кладбище Ново-Татарской слободы. Речь идет о шеджере купцов Апаковых, Юнусовых, Утямышевых и др. [2, с.338, 344, 667].

На первый взгляд может показаться, что информация, представленная в надгробных камнях, однотипна и представляет интерес только для узких специалистов. Но после внимательного знакомства с содержанием книги выясняется, что эти данные весьма разнообразны. К примеру, мы можем узнать, откуда родом умерший, каким видом деятельности он занимался, в единичных случаях даже указывалась причина смерти. Более того, на надгробных камнях записаны стихи, афоризмы, наставления, тоже представляющие ценность для исследователей.

Все надписи имели четко выраженную структуру и состояли из четырех частей. Первая часть содержала воспоминания об Аллахе, сведения о том, что каждый человек смертен, рассуждения о загробном мире. Вторая часть наиболее информативная, в ней записаны имена, фамилии усопших, даты их ухода в иной мир и возраст. Третья часть представлена молитвами, которые обращены к Аллаху, с мольбами о прощении грехов умершего, избавлении его от страданий. В заключительной, четвертой части, записаны пословицы, стихи, афоризмы и т.д.

Книга представляет интерес и для демографов, так как позволяет дополнить данные о долгожителях и оценить масштабы детской смертности в определенных временных отрезках.

Несмотря на все положительные моменты, есть и ряд замечаний, устранение которых могли еще более усилить данное издание с научной точки зрения. В частности, недостаточное внимание уделено сведениям о мастерах-резчиках. А.М. Гайнутдинов собрал данные о 21 мастере-резчике. Было бы интересно узнать их биографии, основанные, например, на материалах периодической печати.

Работу усилило бы сравнительно-сопоставительный анализ состояния и других мусульманских кладбищ городов Волго-Уральского региона в

виде отдельного небольшого раздела. В частности, важным видится характеристика кладбищ таких городов, как Оренбург, Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Самара, Нижний Новгород, Ульяновск и др. Хотелось бы узнать, в чем отличия этих кладбищ друг от друга. Кроме этого, было бы интересно узнать: отличались ли по внешнему виду надгробные камни на этих кладбищах (материал, размеры, надписи на них и т.д.).

Подытоживая, следует отметить, что книга вносит большой вклад в историческую науку. Если не брать в расчет вышеупомянутые замечания, то можно оценивать работу как модельную при подготовке изданий, посвященных городским кладбищам мусульман. Надеемся, что в будущем автор продолжит свои научные изыскания и порадует нас новыми книгами по эпиграфическим памятникам татар-мусульман.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайнутдинов А.М.* Эпиграфические памятники Ново-Татарского кладбища Казани: краткий реестр. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 92 с.

2. *Гайнетдинов А.М.* Казанның Яңа Татар бистәсе зираты эпиграфик истәлекләре. Казан: «Конверс», 2023. 800 б.

3. Ново-Татарское кладбище Казани. Каталог-справочник памятных захоронений / авт.-сост. А.И. Ногманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 388 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила 19.05.2023

Принята к публикации 07.06.2023

Book review: Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatar settlement of Kazan (Kazan, 2023)

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review is devoted to the analysis of the new work of the Kazan epigraphist Aydar Gainutdinov «Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatar settlement of Kazan». A.M. Gainutdinov is the author of 8 books, which include real peer-reviewed work, as well as over 30 articles on epigraphy. The scientist carried out large-scale work to collect and fix the wet plates of the cemetery under study. For the first

time in one edition, photographs of gravestones that have survived to this day, dating mainly from 1813–1922, are collected. The book is a scientific and reference publication, under the photo of each monument there is a transcript of the texts of the epitaphs in the original language and their translation into modern Tatar. The work of A.M. Gainutdinov is of interest to historians, philologists, epigraphists, genealogists, ethnographers.

Keywords: Kazan, Novo-Tatar settlement, cemetery, grave stones, shedzhere, epigraphy, mullahs, master carvers

For citation: Aminov R.R. Book review: Gainutdinov A.M. Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatar settlement of Kazan (Kazan, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.123–127. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.123-127> (In Russian)

REFERENCES

1. Gainutdinov A.M. *Epigraphic monuments of the Novo-Tatar settlement of Kazan: a short register*. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2019. 92 p. (In Russian)
2. Gainutdinov A.M. *Epigraphic monuments of the cemetery of the Novo-Tatar settlement of Kazan*. Kazan: Converse Publ., 2023. 800 p. (In Tatar)
3. *Novo-Tatar cemetery of Kazan. Catalog-directory of memorial burials*. Compiled by A.I. Nogmanov. Kazan: Marjani Institute of History of AS RT, 2021. 388 p. (In Russian)

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Received May 19, 2023

Accepted for publication June 7, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 93/94+378+929

Памяти Зии Камали (1873–1942)
(к 150-летию со дня рождения)

А.В. Ахтямова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

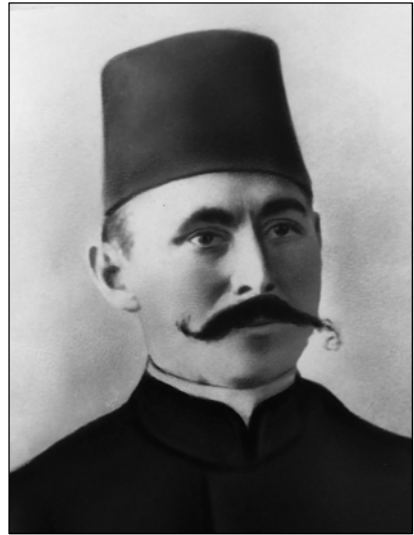
2023 год ознаменуется 150-летием со дня рождения российского мусульманского религиозного и общественного деятеля, богослова, педагога-реформатора и просветителя – Зии Камали (1873–1942). Юбилейные мероприятия могут послужить хорошим подспорьем для анализа тенденций и перспектив изучения творческого наследия мыслителя. Актуальность темы обусловлена растущим интересом исследователей к наследию мыслителей мусульманского Востока, историческому опыту различных культурно-цивилизационных традиций в условиях современного поликультурного и поликонфессионального общества в России и глобализации в мире. Настоящая публикация призвана отразить главные вехи жизненного и творческого пути юбиляра. Особое внимание акцентируется на личном вкладе З.Камали в становление и развитие джадидистского медресе «Галия» (Уфа, 1906–1919), а также татарского женского образования в Уфе. Под руководством З.Камали медресе «Галия» стало одним из ведущих российских мусульманских учебных заведений, а организованные татарским богословом летние педагогические курсы превратились в своеобразный учебно-методический центр для российских учительниц-мусульманок. Описания основаны на предшествующей литературе. Кроме того, для реконструкции творческой биографии известного джадида привлечены как неопубликованные архивные материалы, так и опубликованные источники, в частности татарская дореволюционная пресса.

Ключевые слова: Зия Камали (1873–1942), Уфа, медресе «Галия», женские курсы, татарская периодическая печать, газета «Тормыш»

Для цитирования: Ахтямова А.В. Памяти Зии Камали (1873–1942) (к 150-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.128–142. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.128-142>

В течение последних десятилетий в стране уделяется большое внимание вопросам сохранения и развития богословского наследия мусульманских народов России. В условиях поликультурного и поликонфессионального российского общества и глобализации в мире неуклонно растет интерес исследователей к наследию мыслителей мусульманского Востока, историческому опыту различных культурно-цивилизационных традиций.

Конец XIX – начало XX столетия ознаменовалось появлением плеяды выдающихся представителей татарской культуры, внесших свою лепту в развитие исламской мысли, многоконфессионального Российского государства в целом, среди которых был и Зия Камали (1873–1942), чей 150-летний юбилей отмечается в этом году. Как известно, в советское время имя Зии Камали, как и имена многих видных татарских общественных деятелей Нового времени, было незаслуженно забыто. Начиная с 90-х гг. прошлого столетия до наших дней интерес исследователей к жизни и творчеству семьи З.Камали, их наследию проявился в ряде публикаций [1; 4; 14, 16; 17 и др.]. В настоящей статье отражены главные вехи его жизненного и творческого пути, однако, учитывая обширность рассматриваемой темы, автор ограничился описанием лишь некоторых сюжетов. Новизна данной работы состоит в том, что на основе анализа материалов татарской периодической печати, главным образом уфимской газеты «Тормыш» («Жизнь», 1913–1918), рассмотрена многолетняя деятельность юбиляра на ниве просвещения. В частности, подробно изучен вклад Зии Камали в становление и развитие медресе «Галия» – одного из передовых мусульманских учебных заведений начала XX в., которое получило известность на всю Россию, а также отмечены его заслуги в сфере женского образования.

Зия Камали.
НА РБ. Ф.Р-4767. Оп.1. Д.17. Л.61.

Зия Камали (Парваз ад-Дин бин Джамал ад-Дин бин Камал ад-Дин) родился 22 декабря (9 декабря по старому стилю) 1873 г. в д.Келяшево Уфимского уезда одноименной губернии (ныне с.Кляшево Чишминского района Республики Башкортостан) в бедной и многодетной семье [14, с.6]. Некоторые штрихи к портрету нашего героя можно почерпнуть из автобиографии сына Зии Камали – Акрама Камалетдинова. По его словам, отец делился с ними своими детскими воспоминаниями. «Дедушка (отец Зии Камали – Джамалетдин. – А.А.) был в молодости бурлаком на Волге», – писал он. Когда Парвазетдину исполнилось шесть лет, его отдали учиться в местную мусульманскую начальную школу (мектеб). Семья испытывала значительные материальные трудности: иногда бывало и так, что из-за отсутствия теплой одежды дети зимой не могли посещать школу. Однако, очевидно, суровая зима для «любопытного и способного мальчика» не была преградой. «Отец не имел верхней одежды, и потому он оберты-

вал свое тело старым шарфом дедушки и бежал в школу», – так описал этот период жизни своего отца Акрам Парвазетдинович¹.

Получив начальное образование в родной деревне, юноша продолжил обучение в уфимском медресе «Усмания». По окончании учебного заведения шакирд, проявивший замечательные способности к восточным языкам, был оставлен преподавателем. Годы обучения и начало педагогической работы (конец XIX – начало XX в.) совпали с развитием татарского общественного движения, когда древние традиции мусульманской благотворительности приобрели новые организационные формы. В разных городах страны возникли мусульманские благотворительные общества. В частности, в Уфе «Попечительство о бедных мусульманах г. Уфы» («*Жәмгыяте хэйрия*») было создано осенью 1899 г. При посредничестве членов правления общества молодой хальфа вскоре (по некоторым сведениям, в 1900 г.²) был направлен на учебу за границу, сначала в Стамбул, затем в Каир. Здесь он поступает в один из старейших исламских учебных заведений – Университет аль-Азхар, где возглавлял Административный совет и одновременно читал лекции известный мусульманский реформатор Мухаммад Абдо (1849–1905). Как отмечено в литературе, известный египетский деятель сыграл большую роль в формировании мировоззрения З.Камали [14, с.8–9].

В преддверии Первой русской революции, в 1904 г., Зия Камали вернулся в Россию. Стал преподавать в старших классах медресе «Усмания», проявил себя как творческий педагог, педагог-новатор – именно таким запомнился своим ученикам З.Камали³. Однако, будучи активным сторонником европеизации жизни российских мусульман, он не ограничился внедрением новых форм и методов обучения лишь в стенах медресе «Усмания» и в начале 1906 г. оставил свою преподавательскую работу. По-видимому, здесь возникли и некоторые противоречия между ним и руководством учебного заведения. По-видимому, также прогрессивному и целеустремленному преподавателю не давала покоя мысль о том, что он может сделать для возвращения Ислама в духовную жизнь своих единоверцев. Примечательно, что ключ к ответу на этот вопрос он уже нашел, будучи за границей,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф.Р-4767. Оп.1. Д.2. Л.70об.

² Корбангалиев Ф. «Галия» мэдрэсэсе һәм Галимжан Ибраһимов турында Фэтхел Корбангалиевнең истәлекләре // Научный архив Уфимского научного центра РАН (далее – НА УНЦ РАН). Ф.50. Оп.1. Д.66. Л.1.

³ В частности, своими воспоминаниями поделился Фатхель Курбангалиев (1887–?): обучался в уфимском медресе «Усмания», весной 1906 г. покинул его и в том же году поступил в медресе «Галия». См.: Корбангалиев Ф. «Галия» мэдрэсэсе һәм Галимжан Ибраһимов турында Фэтхел Корбангалиевнең истәлекләре // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.66. Л.1; Корбангалиев Ф. Уфа мэдрэсэләре турында истәлекләр, 1896–1909 еллар // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.67. Л.8об. – 9.

где зародилась идея об открытии медресе нового типа. По крайней мере, такой вывод можно сделать из речи З.Камали на открытии собрания, посвященном 10-летию юбилею медресе «Галия» [25, б.2–3].

Таким образом, покинув стены медресе «Усмания», 32-летний З.Камали начал вести активную общественную деятельность. Наряду с другими мусульманскими интеллектуалами, З.Камали выступал за издание в губернской типографии татарской газеты. Наконец, местное татароязычное население получило возможность своевременно узнавать новости: 3 мая 1906 г. в Уфе вышел первый номер газеты «эл-Галәмел ислами» («Ислам дөнъясы») («Мусульманский мир»)⁴. З.Камали являлся не только автором ряда публикаций, но и фактическим редактором некоторых номеров газетного издания, специализирующегося на освещении важнейших событий политической и культурной жизни Волго-Уралья. В системе взглядов мыслителя просветительские идеи занимали важное место. Несколько статей З.Камали посвятил вопросу касавшему высшего мусульманского учебного заведения⁵. О том, что многие его идеи нашли себе приверженцев не только среди авторитетных лидеров татарской общины Уфы, но и далеко за ее пределами, свидетельствуют дальнейшие события. Изучим некоторые сюжеты более подробно.

Джадидистское (новометодное) медресе «Галия» (от араб. «гали» – высший) было основано в октябре 1906 г. при 2-й соборной мечети г. Уфы, известной как «Зариф мулла мәчете» (просуществовало до 1919 г., затем было преобразовано в мужскую школу 2-й ступени для башкир и татар). Инициировал создание медресе Зия Камали, став его бессменным руководителем⁶. После успешной сдачи шакирдами экзаменов 6 января

⁴ Кудашев А.Г. Национальные типографии и издательства в начале в Уфе XX века // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.19. Л.1–2.

⁵ Кудашев А.Г. Национальная периодическая печать // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.26. Л. 1–4; Кудашев А.Г. Национальные школы – мектебе-медресе в Уфе в начале XX века // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.20. Л.3.

⁶ Позже о событиях, связанных с созданием медресе «Галия», в том числе о лицах, внесших вклад в его открытие, не раз писали на страницах периодической печати. Прежде всего, следует назвать газету «Гормыш», которая опубликовала, в частности, серию публикаций в связи с юбилеем учебного заведения в конце 1916 – начале 1917 г. [24; 25; 26]. Ранее, в №233 от 29 апреля 1915 г., в газете «Гормыш» появилась заметка некоего Дауда Мустакимова. Ее автор призвал мусульманскую общественность почтить память Зарифа хазрата Галикеева, с именем которого было связано открытие медресе «Галия». Именно имам второй соборной мечети в г. Уфе – Зариф (Мухаметзариф) Шаяхметович Галикеев – в 1906 г. поддержал Камали в вопросе о создании высшего мусульманского учебного заведения. По словам Мустакимова, благодаря прежде всего стараниям, в частности, Зияэтдина-эфенди Камали, Салимгирея-эфенди Джантюрина и Зарифа Галикеева было построено и новое здание медресе, однако личность последнего незаслуженно забыта. Ведь прошло почти 6 лет после его смерти, однако до сих пор не

1907 г. учредители «Галии» провели организационное собрание. Присутствовавшие на нем уфимские баи и духовные лица поддержали идею о необходимости строительства нового здания. 18 ноября 1907 г., в день торжественного открытия здания, расположенного на улице Уфимская (ныне – Чернышевского, 5), собрались все почитаемые мусульмане Уфы. Как отмечали современники, этот день стал историческим событием и вызвал радость не только среди уфимских мусульман, но и среди мусульман всей России [3, б.8–9; 20, б.309–310, 385; 21, с.443].

Управление учебным заведением осуществляли педагогический совет (*һайәте тәғлимия*) и попечительский совет (*һайәте харижия*). Организация учебно-воспитательного процесса была возложена на педагогический совет – членов учебной коллегии – под руководством З.Камали. В медресе поддерживался внутренний порядок, определенный уставом из 34 пунктов, разработанным педагогическим советом совместно с шакирдами. К компетенции попечительского совета, возглавлявшего известным общественным деятелем С.-Г.Джантюриным (1864–1926) и состоявшего из учредителей и лиц, вносивших денежные взносы в пользу медресе, относилось решение соответственно финансовых вопросов [12, б.4; 31, б.3]⁷.

Однако сложные и противоречивые отношения между директором и учредителями медресе отразились и на судьбе учебного заведения. Проблема взаимоотношений между руководителем педагогического совета в лице Зии Камали и членами попечительского совета нашла отражение на страницах татарской прессы [см., например: 5, б.2–3; 33, б.3–4]. С точки зрения попечителей, З.Камали ограничил влияние педагогического совета, о чем они открыто заявили на состоявшемся в 1912 г. совместном заседании двух советов.

В связи с этим со стороны попечителей было предложено возложить должностные обязанности научного руководителя на другое лицо. Как отметили члены попечительского совета, З.Камали якобы не считался с их мнением и продолжал заниматься преподаванием своего незрелого религиозного учения, тем самым разрушая ранее усвоенные учащимися знания. В том же 1912 г. попечительский совет с целью осуществления контроля над деятельностью З.Камали учредил должность заместителя директора⁸. Однако ситуация продолжала накаляться, возможно, что немало-

положен камень на могиле, отмечалось в публикации. В связи с этим автор лично пожертвовал 1 руб. и просил прихожан второй махалли присоединиться к данной акции. Редакция газеты «Тормыш» в свою очередь, поддерживая благородную инициативу Дауда-эфенди, обратилась к уфимскому духовенству, педагогическому коллективу медресе «Галия» и прихожанам второй махалли (после смерти М.-З.Галикеева Камали стал имам-хатыбом второй соборной мечети г. Уфы) с просьбой уделить этому делу особое внимание [27, б. 3].

⁷ НА РБ. Ф.И-4767. Оп.1. Д.1. Л.8.

⁸ На должность заместителя директора (завуч) был приглашен преподаватель оренбургского медресе «Хусаиния» Абдулла Ибрагимов (Шнаси), бывший

важную роль в этом деле сыграло и недовольство шакирдов, в частности, коллективный уход из медресе в 1912/13 учебном году [об этом подробнее см.: 2]. В итоге 22 августа 1915 г. попечительский совет в лице С.-Г. Джантюрина, С. Назирова, К.-М. Алкина, Б. Назирова и Х. Каримова принял решение о лишении медресе материальной поддержки⁹. Письменное обращение членов попечительского совета было опубликовано в газете «Тормыш» [33, б.3–4].

В ответ на это З. Камали обратился к бывшим попечителям с открытым письмом. Оно было опубликовано на страницах татарской периодической печати – 17 сентября 1915 г. в газете «Тормыш», 19 сентября в газете «Вакыт» [9, б.1–2; 10, б.3–4]. Невзирая на противоречия, руководитель медресе от имени всего коллектива поблагодарил бывших попечителей за оказанную материальную помощь в создании учебного заведения. В особенности теплые слова благодарности были адресованы покойной Суфии Джантюриной и Садретдину Назирову. З. Камали писал, что медресе будет помнить этих двух людей, чьи имена – «Отец» и «Мать» (*«үзенең “Әткәсе-Әнкәсе” дип зекер итәчәк»*). Он поблагодарил всех попечителей, оказавших за эти годы и финансовую, и идейную поддержку медресе [10, б.3–4].

События вокруг медресе «Галия» отнюдь не остались незамеченными на общественной арене – нашли отклик среди мусульманских интеллектуалов [об этом подробнее см.: 14, с. 31–32]. Примечательна в этой связи передовая статья, опубликованная в газете «Тормыш» от 30 октября 1915 г. Она свидетельствует о том, что судьба медресе глубоко волновала мусульманскую умму. Редакция издания, осознанно не вдаваясь в детальный разбор социального поведения сторон конфликта, весьма тонко сформулировала свою нейтральную позицию. В то же время газета выразила надежду, что эти события могут иметь и позитивные последствия, так как общественное обсуждение проблем, связанных с медресе «Галия», в дальнейшем даст возможность научиться решать религиозные вопросы путем тщательного обдумывания и взвешивания своих мыслей [6, б.1].

В 1915/16 учебном году педагогический совет состоял из следующих лиц: Зия Камали (тафсир, исламское вероучение (гакыйда), этика и др.), Галимджан Ибрагимов (татарский язык и литература), Фатих Сайфи-Казанлы (история, география), Амин Хафасы (арабская филология, основы религии), Гиниатулла Терегулов (математика, естествоведение), Зиганша Габдюшев (русский язык), Хуззятельхаким Махмутов (мусульманское

преподаватель медресе «Галия» (преподавал в медресе «Галия» в 1908–1911 гг.). Позже, в результате конфликта в 1915 г., был вынужден оставить свой пост. Эту должность занял Галимджан Ибрагимов, устроившийся с 1915/16 учебного года преподавателем татарского языка и литературы в медресе «Галия», где он проработал до Февральской революции 1917 г.

⁹ Позже они обеспечили финансирование уфимского медресе «Усмания».

право (фикх), арабский язык) [30, б.3]¹⁰. Зия Камали в создавшихся условиях взял на себя все организационные и хозяйственные вопросы. Бюджет медресе нередко пополнялся за счет частных пожертвований. Они поступали из разных городов, в частности из Уфы, Троицка, Челябинска, Новочеркаска, Сергиополя. Извещая об этом в местной газете и высоко оценивая вклад мусульманских меценатов в развитие медресе, директор благодарил всех независимо от размера взноса [7, б.3; 8, б.4; 11, б.3] и старался бережно распоряжаться денежными пожертвованиями. К примеру, к 1916/17 учебному году в целях экономии бюджетных средств, не дожидаясь наступления осенних холодов, он лично занялся вопросом обеспечения медресе дровами [29, б.3].

26 и 27 декабря 1916 г. было отмечено 10-летие медресе «Галия». На многолюдном собрании от 27 декабря, посвященном юбилейной дате¹¹, рассматривались организационные вопросы материального обеспечения медресе. Для этой цели было решено создать правление, а разработку устава нового органа поручить комиссии в следующем составе: Зия Камали, Салихзян Урманов, Гибадулла Усманов, Фатхулла Ягудин, Галимджан Ибрагимов, Гусман (Усман) Терегулов (одновременно они являлись и учредителями правления)¹². По-прежнему на З.Камали была возложена орга-

¹⁰ НА РБ. Ф.И-4767. Оп.1. Д.1. Л.16.

¹¹ Среди гостей были представители мусульманских городских общин: из Уфы – Садретдин Назиров, Габдуллатиф Хакимов, Фатхулла Ягудин, Хасан Акчурин, Гумер Терегулов, Ахмет-Султан Терегулов, Мухаммадей Чанышев, Гисматулла Гайнуллин, Гибадулла Усманов, Салихзян Урманов и др.; ахун Белебея Джамалетдин Хурамшин; Челябинск представлял мугаллим Миргаззалиев, Троицк – имам-хатыб Зиятдин Рахманкулов и др.

¹² Забегая вперед, отметим, по утверждению устава, что стало возможным только после роспуска Уфимского губернского аппарата управления в результате Февральской революции 1917 г. и провозглашения новой властью политических прав и свободы (8 марта 1917 г. председатель Уфимской губернской земской управы П.Ф. Коропачинский вступил в должность комиссара Временного правительства по Уфимской губернии, учрежденную взамен поста губернатора), было объявлено о созыве собрания, намеченного на 31 марта 1917 г. в здании Уфимского благотворительного общества [19, б.1]. На этом собрании был зачитан текст устава и обновлен состав попечительства (мутавалият) (количество записавшихся оказалось более 50 чел.). По сведениям газеты «Тормыш», согласно уставу, членами попечительства могли стать лица, уплатившие в кассу данного учреждения 5 руб. При внесении в кассу попечительства единовременного пожертвования на сумму 300 руб., лицо становилось его пожизненным членом. По итогам собрания была собрана денежная сумма в размере около 1200 руб. (Отметим, что собранная после проведения юбилейного мероприятия общая денежная сумма в пользу медресе составила более 50 тыс. руб.). Кроме того, был определен руководящий состав попечительства и состав ревизионной комиссии из 13 человек. Устав был разработан специально для 2-й махалли. Основная задача попечительства – обеспечение мектебе и медресе, действующих при мечети 2-й махалли [18, б.4].

низация сбора средств, которые, как предполагалось, будут перечислены на отдельный банковский счет. Кроме того, было принято решение о создании вакуфного фонда для финансового обеспечения учебного заведения [25, б.2–3; 26, б.2–3].

По воспоминаниям поэта Сайфи Кудаша¹³, за весь период существования медресе в нем учились около 1,5 тыс. человек, из стен «Галии» вышли писатели, журналисты, ученые, агрономы и зоотехники, артисты, учителя и т.д. [15, б.152]. По другим данным, которые охватывают меньший временной отрезок, с 1906 по 1916 г. в медресе «Галия» получили образование 950 шакирдов, из них 726 (76%) составляли татары. Многие выпускники медресе избрали педагогическое поприще: работали в 230 школах разных ступеней («ибтидаия» и «рушдия»), обучая 17 тыс. детей в 28 губерниях страны. Возрастной контингент обучающихся был разным: главным образом, от 15 до 45 лет, хотя были лица и постарше. 199 выпускников медресе получили степень мударриса, 12 – звание хатиба и учителя. Из воспитанников, получивших свидетельство, 38 служили приходскими, 14 – военными муллами, остальные учительствовали, работали в должности заведующих библиотек и т.д.¹⁴

Еще одна важная инициатива З.Камали – это открытие в Уфе в октябре 1915 г. женского среднего специального учебного заведения с педагогическим уклоном – медресе «Анасия». Практически все материальные расходы, связанные с приобретением и содержанием здания, оплатой труда мугаллимов и т.д., взял на себя издатель газеты «Тормыш», выходец из стерлитамакских купцов Гибадулла Усманов. Двухэтажный дом, приобретенный за 9–10 тыс. руб., располагался на Вавилонской улице, однако большинство помещений не подходило для учебного процесса, и было принято решение о строительстве нового корпуса (в размере 10 тыс. руб.). В 9 часов дня 17 апреля 1916 г. состоялась закладка первого камня в основание нового здания женского медресе. В первый учебный год было принято 30–40 девушек, которых распределили на два класса [15, с.33]. Помимо Зии Камали, в медресе лекции читали Закир Кадыри, Фатих Сайфи-Казанлы, Галимджан Ибрагимов и др.

Заслугой З.Камали является также организация летних педагогических курсов для мусульманок (*мөгаллимәләр курсы*¹⁵), получивших официальное разрешение местных властей в 1915 г. Так, с 17 мая по 16 июля 1915 г. в

¹³ Сайфи Кудаш (Сайфетдин Фаттахетдинович Кудашев) (1894–1993) – поэт, прозаик, мемуарист. В 1915–1918 гг. обучался в медресе «Галия».

¹⁴ НА РБ. Ф.Р-4767. Оп.1. Д.1. Л.9, 18, 19.

¹⁵ Отметим, что в Уфе начиная с 1909 г. ежегодно организовывала летние курсы для учительниц-мусульманок (*мөгаллимәләр курсы*) мугаллима Газима-ханум Такаева. Одновременно в этом направлении вело работу «Уфимское мусульманское дамское общество». Таким образом, в 1910-е гг. нередко в нескольких местах губернского города открывались летние курсы для мусульманок.

доме учителя Шайхуллы Кинзикеева (Уфимская ул., 37) проходили обучение 84 ученицы (из них 55 лиц, выдержавших экзамены на звание мугаллимы, получили свидетельства). Они прибыли в основном из Уфы, около 20 иногородних воспитанниц были размещены в пансионе, находящемся в этом же здании. Церемония открытия женских курсов состоялась 17 мая 1915 г. На память об этом событии было сделано групповое фото, позже опубликованное на страницах газеты «Тормыш» [23, б.2]¹⁶.

Наряду с религиозными предметами преподавались и светские дисциплины. Общее количество часов в неделю составило более 30. Многие занятия проводились в виде лекций. Исходя из материального положения и платежеспособности воспитанниц, определялся размер платы за обучение: 5 руб. – для состоятельных лиц; 3 руб. – для лиц среднего достатка, а неимущие обучались бесплатно. Все остальные расходы взял на себя вышеупомянутый Гибадулла Усманов [22, б.3]. Следует отметить, хотя данная инициатива Зии Камали и Гибадуллы Усманова встретила негодование со стороны некоторых консервативно настроенных мусульман, писавших даже доносы в ОМДС на хазрата как руководителя проекта [28, б.3], однако примечательно, что популярность женских курсов все более возрастала среди мусульманского населения. Например, в следующем году, с 1 мая по 29 июня 1916 г., под руководством З.Камали подготовку на летних педагогических курсах прошли уже более 150 учительниц, которые были распределены по трем классам (приготовительный, 1-й и 2-й). Свидетельства о присуждении звания учительницы-мугаллимы были выданы 146 мусульманкам. География обучающихся была достаточно широка, среди них – представительницы из Саратова (2), Казани (7), Самары (7), Оренбурга (2), Симбирска (2), Семипалатинской области (4), Баку (1), Астрахани (2), Ургенча (1), Москвы (2), Тамбова (1), Вятки (1), Рязани (1), Томска (2), остальные являлись выходцами из разных уездов Уфимской губернии. Стоимость обучения выросла по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, максимальная оплата за обучение составила 10 руб., основной контингент – лица, оплатившие 5 руб., 14 учительниц обучались бесплатно [13, б.3]. Большую материальную помощь в реализации проекта

¹⁶ На церемонии открытия женских курсов в Уфе 17 мая 1915 г. На фотографии группа участников – учительницы-мусульманки, организаторы, преподаватели, попечители, гости. На фото в первом ряду в центре – Петр Петрович Башилов, уфимский губернатор (1911–1917); слева от него – Ахмед-Султан Галеевич Терегулов, старший чиновник по особым поручениям при губернаторе; Гисматулла Гайнуллин, один из учредителей Уфимского мусульманского благотворительного общества; Гибадулла Усманов, купец, благотворитель; Махмуд Сатаев, преподаватель медресе «Галия»; Таки Бадиги, преподаватель медресе «Галия»; Гумда Хабилов, общественный деятель (после ухода в 1917 г. Закира Кадыри из газеты «Тормыш» занял должность редактора), Хабибрахман Юзикеев, театральный и общественный деятель; справа от губернатора – Зия-хазрат Камали, директор и преподаватель медресе «Галия»; Садык Саттаров, преподаватель медресе «Галия».

по-прежнему оказал Гибадулла Усманов. Помимо З.Камали, занятия вели известные преподаватели «Галии», в частности Галимджан Ибрагимов, Зиганша Абдюшев, Салахетдин Атнагулов [32, б.3]. Кроме того, важно подчеркнуть, что З.Камали принимал участие и в проведении курсов повышения квалификации имамов.

غز يتهمز نڭ ناشرى عبادالله ئەفەندى ئەبائى نڭ تەشېشى و ياردهمى بىلەن ضياءالدين الكمالى حضرت ادارىسىنىڭ ۱۷ نچى مابىدە رەسمىي شەرتتە مەلۇمەتلەر قورۇسى آچۇلۇپ، ۱۶ نچى اىيولگە قەدەرلى دوام ايتىدى. بوقورۇسە ۸۴ خانم اوقۇب، شولارنىڭ ۵۵ سى امتىحان قىلىپ، شەھادتنامە آلدىلەر.

قورۇسنى رەسمىي آچۇ مەجلىسىگە غوبىر ناظور جىناپلىرى بىلەن استىنار شى جىناۋنىڭ آسۇبىغى پاروچىنى احويد سلطان ئەفەندى تەرىقىلەپ جىناپلىرىدە حاضر بولۇپ، قورۇسنىڭ ھېيت تەلپىمەسى اوقۇچىلىرى ھەم مۇسسەسە بىلەن بىرگە رەسىم چىقارتقانلار ايتىدى. مۇنە شول غەلىبى و تارىخىي مۇسسەسەنىڭ يادكارى بولغان رەسىمى اوقۇچىلارمۇزغە تەقدىم ايتىمەز.

رەسەلەگە كېلىشى؛ اور تادە غوبىر ناظور جىناپلىرى؛ سول ياغىدە غەيەر: احمد سلطان ئەفەندى تېرىقۇلۇپ، ھەمەتتە حاجى عىن اللىن، عبادالله ئەفەندى ئەشائىف، محمود ئەفەندى سائىف ھەم تىقى ئەفەندى بىدىنى (بىواكىسى مەلەر)، عەدەتتە اسلام ئەفەندى خەيرىف، حېبب الرحمن ئەفەندى بىوزكەيف؛ غوبىر ناظور جىناپلىرىنىڭ اولڭ ياغىدە: ضياءالدين الكمالى حضرت بىلەن صادق ئەفەندى سائىف (مەلەر).

Фрагмент газеты «Тормыш» за 15 августа 1915 г. с публикацией фотографии участников летних учительских курсов для мусульманок в Уфе. 17 мая 1915 г. *Тормыш. 1915. 15 август. Б.2.*

После Февральской революции 1917 г. З.Камали включился в общественно-политическую деятельность. Он участвовал в работе I Всероссийского мусульманского съезда (1–11 мая 1917 г., Москва), I Всероссийского съезда мусульманского духовенства (17–26 июля 1917 г., Казань), Национального Собрания мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири (Милли Меджлис) (20 ноябрь 1917 г. – 11 январь 1918 г. Уфа) и др. В 1923 г. был избран кадием (судья) Центрального Духовного Управления мусульман Внутренней России и Сибири [14, с.37–48].

В 1936 г. З.Камали был арестован по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности. Умер в 1942 г. в самарской тюрьме, реабилитирован в 1956 г. [14, с.52–53].

В заключение хотелось бы отметить, данная публикация – всего лишь несколько строк о жизни выдающегося татарского мыслителя начала XX столетия. Однако автор надеется, что даже по этим фрагментам читатель сможет почувствовать масштабность интеллекта, стойкость характера, преданность Отечеству и своему народу нашего соотечественника. Очевидно, что его волю не сломили никакие жизненные испытания, он был верен своему долгу до конца. «Невыносимые условия тюремного режима не сломили дух З.Камали и его преданность делу служения народу. Он выступал с проповедями перед мусульманскими заключенными, призывая их к сохранению своего человеческого достоинства, руководил совершением исламского богослужения», – писал исследователь биографии Т.Р. Камалов [14, с.53].

Подытоживая, подчеркнем, что под руководством Зии Камали медресе «Галия» стало одним из ведущих российских мусульманских учебных заведений. Функционировавшее в один из переломных периодов отечественной истории – с 1906 по 1919 г., получившее широкую известность в исламском мире, медресе выпустило много высокообразованных шакирдов, подарило плеяду известных лиц – общественных деятелей, ученых, представителей творческой интеллигенции. Организованные татарским богословом летние педагогические курсы превратились в своеобразный учебно-методический центр для российских учительниц-мусульманок. Эти проекты получили большой общественный резонанс – многогранная деятельность З.Камали нашла отражение на страницах татарской периодической печати. В частности, уфимская газета «Тормыш» являлась важнейшей дискуссионной площадкой на социальные темы. Все это способствовало превращению губернского центра в один из очагов мусульманской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова Л.И. Зыяэтдин Камали: трансформация религиозного сознания мусульман // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / науч. ред.: Л.И. Алмазова, Г.Г. Идиятуллина, А.Г. Хайрутдинов. Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. С. 299–326.

2. Әхтәмова А.В. «Мәдрәсә шәкертләре бер жан, бер тән...» («Галия» мәдрәсәсе турында кайбер истәлекләр) // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2019. №4. Б.36–45.

3. Бәләбәй шәкертләре. Шикаят // эл-Ислах. 1907. 17 декабрь.

4. Ергин Ю.В. Зия Камали – основатель медресе «Галия»: трагические 30-е годы // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. №3. С. 145–160.

5. Закир. Мәдрәсәи Галиянең ун елы // Тормыш. 1916. 24 декабрь.

6. Ижтимагый карашлар. Матбугатътә яңа мәсьәләләр // Тормыш. 1915. 30 октябрь.
7. *Камали З.* Мәдрәсәи Галиягә иганәләр // Тормыш. 1915. 1 ноябрь.
8. *Камали З.* Мәдрәсәи Галия диния // Тормыш. 1915. 2 сентябрь.
9. *Камали З.* Мәдрәсәи Галия диния мөдириятеннән // Вақыт. 1915. 19 сентябрь.
10. *Камали З.* Мәдрәсәи Галия диния мөдириятеннән // Тормыш. 1915. 17 сентябрь.
11. *Камали З.* Мәдрәсәи Галия диниягә иганәләр // Тормыш. 1916. 9 март.
12. *Камали З.* Уфада Мәдрәсәи Галия диния. Тәәсис вә әхвалә // Әхбар. 1908. 29 февраль.
13. *Камали З.* Уфада мөгаллимәләр курсының отчеты // Тормыш. 1916. 8 июль.
14. *Камалов Т.Р.* Зия Камали: мыслитель, просветитель, религиозный деятель / под ред. Я.Г. Абдуллина. Казань: Издательство «Иман», 1997. 53 с.
15. *Кудаш С.* Яшьлек эзләре буйлап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1964. 184 б.
16. *Кудашева С.С.* Великий просветитель Зия Камали (Эпоха. Личность. Воспоминания). Уфа: Акад. ВЭГУ, 2015. 106 с.
17. Материалы круглого стола «"Галия" мәдрәсәсе – XX гасыр башы татар югары уку йорты үрнәге» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. №11. Т.1. С.115–141.
18. Мәдрәсәи Галия вә мәдрәсәләрне берләшдерү мәсьәләсе // Тормыш. 1917. 13 апрель.
19. Мәдрәсәи Галия мөтәвәллилеге уставы тәсдыйк кылыну // Тормыш. 1917. 29 март.
20. Мәжит Гафури. Әсәрләр. Дүрт томда. III том. Проза һәм публицистика (1902–1917) / Томны төз. һәм искәрмәләрне хәзерләүче З.Рәмиев; фәнни ред. Г.Халит, М.Хәбибуллин. Казан: Татар.кит.нәшр., 1983. 391 б.
21. Мир ислама / под ред. Димитрия Позднеева; Издание Императорского Общества Востоковедения. Т. II. Вып. VII. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1913. С.431–512.
22. Мөгаллимәләр курсы // Тормыш. 20 май. 1915.
23. Мөгаллимәләр курсының рәсми ачу мәжлесе. Коллектив фотосурәт. Уфа, 1915 елның 17 мае // Тормыш. 1915. 15 август.
24. Мәдрәсәи Галия диниянең рәсеме. 1906–1916 // Тормыш. 1916. 24 декабрь.
25. *Самад.* Мәдрәсәи Галия диниянең ачылуына ун ел тулу мөнәсәбәте белән булган догаи мәжлес // Тормыш. 1916. 30 декабрь.
26. *Самад.* Мәдрәсәи Галия диниянең ачылуына ун ел тулу мөнәсәбәте белән булган догаи мәжлес // Тормыш. 1917. 3 гыйнвар.
27. Уфада // Тормыш. 1915. 29 гыйнвар.
28. Уфада // Тормыш. 1915. 28 май.
29. Уфада // Тормыш. 1916. 29 июнь.
30. Уфада // Тормыш. 1916. 1 октябрь.
31. Уфада Мәдрәсәи Галия диния // Вақыт. 1907. 17 август.
32. Уфада. Жәйге курслар // Тормыш. 1916. 3 май.
33. Уфадагы Мәдрәсәи Галия диниянең һәйәте харижиясе әгъзаларыннан // Тормыш. 1915. 28 август.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила 12.04.2023

Принята к публикации 10.05.2023

In memory of Ziya Kamali (1873–1942)
(to the 150th anniversary of his birth)

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The year 2023 will be marked by the 150th anniversary of the birth of the Russian Muslim religious and public figure, theologian, teacher-reformer and educator Ziya Kamali (1873–1942). Anniversary events can serve as a good tool for analyzing trends and prospects for studying the creative heritage of the thinker. The relevance of the topic is due to the growing interest of researchers in the heritage of the thinkers of the Muslim East, the historical experience of various cultural and civilizational traditions in the modern multicultural and multi-confessional society in Russia and globalization in the world. This publication is intended to reflect the main milestones in the life and career of the hero of the day. Particular attention is focused on the personal contribution of Kamali to the formation and development of the Jadid Madrasah "Galiya" (Ufa, 1906–1919), as well as the Tatar women's education in Ufa. Under the leadership of Kamali, Galiya Madrasah became one of the leading Russian Muslim educational institutions, and the summer pedagogical courses organized by the Tatar theologian turned into a kind of educational and methodological center for Russian Muslim teachers. Descriptions are based on prior literature. In addition, for the reconstruction of the creative biography of the famous Jadid, both unpublished archival materials and published sources, in particular, the Tatar pre-revolutionary press, were involved.

Keywords: Ziya Kamali (1873–1942), Ufa, Galiya Madrasah, women's courses, Tatar periodical press, Tormysh newspaper

For citation: Akhtyamova A.V. In memory of Ziya Kamali (1873–1942) (to the 150th anniversary of his birth). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.128–142. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.128-142> (In Russian)

REFERENCES

1. Almazova L.I. Ziyaetdin Kamali: the transformation of the religious consciousness of Muslims. *History of Muslim Thought in the Volga-Ural Region: a textbook*. Ed. by L.I. Almazova, G.G. Idiyatullina, A.G. Khayrutdinov. Kazan: Spiritual

Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan, 2009. Pp. 299–326. (In Russian)

2. Akhtyamova A.V. “Madrasah students have one soul and one body ...” (Some memories of the Galiya Madrasah). *Gasyrlar avazy – Ekho vekov – Echo of Centuries*, 2019, no. 4, pp.36–45. (In Tatar)

3. Shakirds of Belebey. Complaint. *Al-islakh* [Reform], December 17, 1907. (In Tatar)

4. Ergin Yu.V. Ziya Kamali – founder of the Galiya Madrasah: tragic 30s. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 2010, no. 3, pp. 145–160. (In Russian)

5. Zakir. 10th anniversary of the Galiya Madrasah. *Tormysh* [Life], December 24, 1916. (In Tatar)

6. Public opinion. New questions in the press. *Tormysh* [Life], October 30, 1915. (In Tatar)

7. Kamali Z. Donations to the Galiya Madrasah. *Tormysh* [Life], November 1st, 1915. (In Tatar)

8. Kamali Z. Galiya religious Madrasah. *Tormysh* [Life], September 2, 1915. (In Tatar)

9. Kamali Z. From the Board of the Galiya religious Madrasah. *Vakyt* [Time], September 19, 1915. (In Tatar)

10. Kamali Z. From the Board of the Galiya religious Madrasah. *Tormysh* [Life], September 17, 1915. (In Tatar)

11. Kamali Z. Donations to the Galiya religious Madrasah. *Tormysh* [Life], March 9, 1916. (In Tatar)

12. Kamali Z. Galiya religious Madrasah in Ufa. Organization and position. *Akhbar* [News], February 29, 1908. (In Tatar)

13. Kamali Z. Report on teacher courses in Ufa. *Tormysh* [Life], July 8, 1916. (In Tatar)

14. Kamalov T.R. *Ziya Kamali: thinker, educator, religious figure*. Kazan: Iman publ., 1997, 53 p. (In Russian)

15. Kudash S. *In the footsteps of youth*. Kazan: Tatar Book Publ., 1964. 184 p. (In Russian)

16. Kudasheva S.S. *The great educator Ziya Kamali (Epoch. Personality. Memories)*. Ufa: Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, 2015. 106 p. (In Russian)

17. The materials of the Round Table on the topic "Madrasah Galiyas a model of a Tatar higher educational institution of the early 20th century". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2021, vol.11, no.1, pp.12–22. (In Tatar)

18. Galiya Madrasah and the question of the unification of the Madrasah. *Tormysh* [Life], April 13, 1917. (In Tatar)

19. Approval of the charter of the board of trustees of Galiya Madrasah. *Tormysh* [Life], March 29, 1917. (In Tatar)

20. Madzhit Gafuri. *Compositions*. In four volumes. Vol. 2. Prose and journalism (1902–1917). Ed. by Z. Ramiev, G. Khalit, M. Khabibullin. Kazan: Tatar Book Publ., 1983. 391 p. (In Tatar)

21. *Mir Islama – World of Islam*. Ed. by Dimitriy Pozdneev. Edition of the Imperial Society of Oriental Studies. Vol. 2. Issue 7. St. Petersburg: I.V. Leont'ev Publ., 1913. Pp.431–512. (In Russian)

22. Teacher courses. *Tormysh* [Life], May 20, 1915. (In Tatar)

23. At the opening ceremony of women's teacher training courses in Ufa. Collective photo. Ufa, May 17, 1915. *Tormysh* [Life], August 15, 1915. (In Tatar)

24. Photo of the Galiya religious Madrasah. 1906–1916. *Tormysh* [Life], December 24, 1916. (In Tatar)

25. Samad. Solemn Majlis dedicated to the tenth anniversary of the opening of the Galiya religious Madrasah. *Tormysh* [Life], December 30, 1916. (In Tatar)

26. Samad. Solemn Majlis dedicated to the tenth anniversary of the opening of the Galiya religious Madrasah. *Tormysh* [Life], January 3, 1917. (In Tatar)

27. In Ufa. *Tormysh* [Life], January 29, 1915. (In Tatar)

28. In Ufa. *Tormysh* [Life], May 28, 1915. (In Tatar)

29. In Ufa. *Tormysh* [Life], June 29, 1916. (In Tatar)

30. In Ufa. *Tormysh* [Life], October 1, 1916. (In Tatar)

31. Galiya religious Madrasah in Ufa. *Vakyt* [Time], August 17, 1907. (In Tatar)

32. In Ufa. Summer courses. *Tormysh* [Life], May 3, 1916. (In Tatar)

33. From members of the Board of Trustees of the Galiya religious Madrasah in Ufa. *Tormysh* [Life], August 28, 1915. (In Tatar)

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Received April 12, 2023

Accepted for publication May 10, 2023

Памяти Алтера Львовича Литвина (1931–2023)

С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

В публикации содержится информация о жизни и деятельности выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, историка Алтера Львовича Литвина, ушедшего из жизни 6 марта 2023 г. Воспроизводятся основные вехи его жизненного и творческого пути, характеризуются результаты его научных изысканий, выявляется его вклад в изучение и развитие историографии, источниковедения, археографии и истории советского общества. Особое внимание уделено исследованиям А.Л. Литвина по истории и историографии Гражданской войны в России, истории так называемых «мелкобуржуазных» – социалистических партий, а также его новаторским работам о политических репрессиях 1930-х гг. и исследованиям о красном и белом терроре в России, высоко оцениваемым профессиональным сообществом как отечественных, так и зарубежных историков. Значительное место в творческом наследии А.Л. Литвина занимают работы по региональной истории – книги и публикации источников о Гражданской войне в Поволжье, об органах, осуществлявших «революционное насилие» – губернской чрезвычайной комиссии и ее сотрудниках, о трагических судьбах их жертв. Показана организаторская и педагогическая деятельность А.Л. Литвина как создателя кафедры историографии и источниковедения в Казанском университете и основателя научной школы.

Ключевые слова: А.Л. Литвин (1931–2023), историография, источниковедение, история России советского периода, жизнь, деятельность, научное творчество

Для цитирования: Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Памяти Алтера Львовича Литвина (1931–2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №2. С.143–150. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.143-150>

6 марта ушел из жизни доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники Алтер Львович Литвин (18 декабря 1931 – 6 марта 2023).

Он относился к тому поколению советских людей, что рано повзрослело, и виной тому была не только война. О непростом времени своего отрочества А.Л. Литвин написал в вышедших десять лет назад мемуарах – «Жизнь как выживание. Воспоминания и размышления о прошлом» (Москва, 2013). В 1941 г. был репрессирован по ложному обвинению («за анекдот») его отец, и Алтер – единственная опора для матери и трех младших сестренки – ушел из восьмого класса средней школы, год проучился на ме-

А.Л. Литвин (1931–2023)

ханическом факультете техникума, потом трудился рабочим на заводе гаражного оборудования, в 1950 г. с серебряной медалью закончил вечернюю школу. Получить золотую медаль Алтеру Литвину помешал не недостаток знаний, талантов или упорства, а «политическая недалёковидность»: в выпускном сочинении он сделал перенос в слове «Сталин».

К окончанию школы он увлекся физикой, но с несколькими «неудобными» графами в анкете нечего было и думать о поступлении на физмат: физика становилась оборонно-стратегически значимой областью. В 1950 г. А.Л. Литвин поступил в Казанский университет, на историко-филологический факультет и успешно закончил его в 1955 г., защитив дипломную работу под руковод-

ством Г.Ф. Шамова по истории изучения монголоведения и приобретя пожизненный вкус к научному творчеству.

Ко времени окончания университета у него был уже солидный – пятилетний (с 1951 г.) – стаж работы учителем истории в школе, где он трудился до 1962 г. Одновременно в 1957 г. Алтер Львович становится научным сотрудником Государственного музея ТАССР. Трудясь в музее, по совету Е.Г. Бушканца молодой историк начинает работу над кандидатской диссертацией, ею он продолжал заниматься и в Татарском НИИ языка, литературы и истории КФАН СССР, куда он перешел по приглашению М.К. Мухарямова (впоследствии они в соавторстве с Мидхатом Каримовичем напишут не одну работу по истории Гражданской войны в Поволжье). Диссертация на тему «Партийно-советская печать в борьбе за организацию разгрома врага на Восточном фронте. 1918 – август 1919 гг. (по материалам Вятской, Казанской, Самарской и Симбирской губерний)» была защищена А.Л. Литвиным в КГУ в 1962 г.

Докторскую диссертацию «Крестьянство Среднего Поволжья в гражданской войне» А.Л. Литвин защитил в Московском государственном педагогическом институте в 1975 г. (научным консультантом был академик И.И. Минц). В диссертации и в книге [12], опубликованной за три года до защиты, А.Л. Литвин показал сложность и неоднозначность позиции крестьянства, его противостояние различным режимам гражданской войны, в том числе сопротивление мероприятиям советской власти.

В 1962 г. А.Л. Литвин начинает преподавание в вузах Казани. Семнадцать лет, с 1962 по 1979 г., он работал в Казанском государственном педагогическом институте, куда его пригласил Е.И. Устюжанин. Через год после защиты докторской диссертации он получил ученое звание профессора. В 1979–1985 гг. работал в Казанском химико-технологическом институте, заведывая кафедрой научного коммунизма. В 1985 г. А.Л. Литвин пришел в стены Казанского государственного университета, в котором служил 28 лет. В 2006 г. университет присвоил ему почетное звание «Заслуженный профессор Казанского университета». В 1990-е гг. А.Л. Литвин читал лекции в университетах ФРГ, Израиля, США. В 1989 г. им была создана кафедра историографии, источниковедения и методов исторического исследования, которой он заведовал до 1998 г., оставаясь затем профессором этой кафедры вплоть до ухода из университета в 2013 г. Состав кафедры пополнялся не только специалистами по историографии и источниковедению отечественной истории с кафедр истории СССР советского периода и истории СССР досоветского периода, но и за счет подготовки собственных специалистов – на кафедре действовала аспирантура по направлению «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Под руководством А.Л. Литвина было подготовлено три доктора наук и более 30 кандидатов наук. Созданная А.Л. Литвиным кафедра стала уникальным «питомником» по воспитанию научных кадров и созданию научных работ, площадкой развивавшегося научного сотрудничества с российскими и зарубежными исследовательскими центрами, успешной реализации коллективных и индивидуальных научных проектов, как российских, так и международных. Под руководством профессора Литвина ученые кафедры разрабатывали теоретические проблемы современного отечественного и зарубежного источниковедения, исторические и историографические аспекты истории России – развития общественно-политической мысли XIX – начала XX в. и истории российской интеллигенции, культурно-исторических проблем российской истории XX в. и ее источников, развития отечественной исторической науки в Казанском университете, истории революций 1917 г. и Гражданской войны, истории массовых репрессий 1930-х гг., историографические и источниковедческие аспекты истории Татарстана 1920–1930-х гг. Три года спустя после ухода из университета основателя кафедры, 1 сентября 2016 г. кафедра историографии и источниковедения была реорганизована путем слияния с кафедрой истории России и стран ближнего зарубежья и создания на их базе кафедры отечественной истории.

Полвека работы в вузах были наполнены не только преподаванием и административной работой, но и интенсивными научными исследованиями. Вслед за первой книгой по теме кандидатской диссертации [8] появляются десятки книг и сотни других работ историка, в том числе написанных в соавторстве с друзьями, коллегами и учениками. Всего за шестьдесят с лишним лет научной деятельности А.Л. Литвина вышло более 500 публи-

каций, среди них – десятки монографий, учебных пособий, сборников документов.

Теме истории и историографии Гражданской войны – далеко не единственной в сфере его научных интересов – А.Л. Литвин оставался верен многие десятилетия. Его работы по истории Гражданской войны в Поволжье [5; 10; 16] раскрывали важнейшую ее страницу – взятие Казани в сентябре 1918 г., ставшее крупной вехой как истории становления Красной Армии, так и переломным пунктом всей Гражданской войны на Восточном фронте. В книгах, посвященных отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны в России, были подведены итоги и намечены основные тенденции исследования, определены узловые проблемы и болевые точки изучения Гражданской войны [15; 21].

Одной из тем истории Гражданской войны, привлечших внимание А.Л. Литвина, стала история так называемых «мелкобуржуазных» партий – социалистических партий России, особенно социал-демократов – меньшевиков и социалистов-революционеров [4; 17; 19; 20]. В ходе этих исследований были поколеблены многие штампы отечественной историографии советской эпохи (а отчасти и зарубежной историографии), например, тезис о контрреволюционном, антибольшевистском и антисоветском мятеже левых эсеров; штамп советской историографии об «эсерке Каплан, стрелявшей в Ленина» 30 августа 1918 г. На основе изучения ряда обстоятельств следствия над Ф. Каплан, А.Л. Литвин высказал гипотезу о причастности к организации теракта в отношении Ленина лиц из высшего советского партийно-государственного руководства [9; 22].

Другая тема, интерес к которой пробудила работа над архивными документами по истории Гражданской войны в Поволжском регионе, – история органов, осуществлявших «революционное насилие», а также тема насилия в гражданском противостоянии [2; 5; 11; 18]. Так появилась монография о казанских чекистах и губернской ЧК, а позже – обширное интереснейшее исследование о красном и белом терроре в России, настоящая энциклопедия о насилии в годы Гражданской войны, ведь по сути и белый, и красный террор – две ипостаси одного явления.

Логичен интерес профессора Литвина к истории Большого террора – продолжения политики государственного насилия в отношении граждан страны [1; 6; 7; 13; 14], и не только в силу преемственности этих тем. Большой Террор коснулся его лично. Памяти отца – Льва Вульфовича Литвина, семь лет проведенного в застенках и потом еще несколько лет вынужденного жить вдали от семьи, историк посвятил одну из книг о судьбах репрессированных писателей, ученых, общественных деятелей Татарстана – «Запрет на жизнь» [7]. На основе следственных документов профессор Литвин восстанавливал трагические судьбы репрессированных Фатхи Бурнаша, Евгении Гинзбург, Василия Слепкова, Карима Гинчурина, Николая Эльвова, Якова Оссовского и многих других.

Через все творчество А.Л. Литвина красной нитью проходит неизменный интерес к истории самой отечественной исторической науки, творческим и личным судьбам ее представителей, тесно связанным с судьбами страны в XX в., нашедший отражение и в работах по историографии Гражданской войны и в трудах о политических репрессиях в отношении историков, и в книгах и статьях, посвященных творчеству отдельных исследователей, и в написанной в соавторстве с его другом и коллегой Джоном Кипом и вышедшей в Великобритании на английском языке и в России на русском языке книге об историографии сталинизма [23; 3].

А.Л. Литвин являл собой классический образ ученого-историка, преданного научному поиску, основавшего научную школу и воспитывавшего молодых ученых на своем примере. Его ученики трудятся во многих вузах и научных учреждениях России и зарубежных стран. Научные труды профессора А.Л. Литвина по проблемам истории и историографии Гражданской войны, социалистических партий России, политических репрессий XX в. нашли широкое признание в нашей стране и за ее пределами. В его исследованиях на основе тщательного изучения архивных документов были открыты многие неизвестные прежде страницы отечественной истории. Мы всегда будем помнить его как Ученого, задавшего сообществу казанских историков высочайшую профессиональную планку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Два следственных дела Евгении Гинзбург / сост. и авт. вступ. ст. А.Л. Литвин. Казань: Кн. дом Тавес, 1994. 267 с.
2. Казанская губернская Чрезвычайная комиссия (1917–1922): Сборник документов и материалов. Казань: Таткнигоиздат, 1989. 142 с.
3. Кип Дж., Литвин А.Л. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 327 с.
4. Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов / сост.: В.К. Виноградов и др.; науч. ред. проф. А.Л. Литвин. Казань: НТК, 1996. 400 с.
5. Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». Казань: Таткнигоиздат, 1986. 198 с.
6. Литвин А.Л. Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Таткнигоиздат, 1994. 189 с.
7. Литвин А.Л. Запрет на жизнь. Казань: Таткнигоиздат, 1993. 222 с.
8. Литвин А.Л. Из истории борьбы местной печати за укрепление тыла Восточного фронта в 1918–1919 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961. 40 с.
9. Литвин А.Л. К истории покушений на В.И. Ленина в 1918 году. Казань: ИП Романов Е.Г., 2021. 62 с.
10. Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань: Таткнигоиздат, 1991. 172 с.
11. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань: Тат. газ.-журн. изд-во, 1995. 326 с.
12. Литвин А.Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань: [б.и.], 1972. 304 с.

13. *Литвин А.Л.* Российская историография государственного террора в стране 1917–1953. М.: Собрание, 2019. 362 с.

14. *Литвин А.Л.* Следственное дело Якова Оссовского. Казань: КГУ, 2006. 45 с.

15. *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 134 с.

16. *Литвин А.Л., Мухарьямов М.К.* Решающий рубеж. Казань: Таткнигоиздат, 1978. 168 с.

17. *Литвин А.Л., Овруцкий Л.М.* Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 142 с.

18. *Литвин А.Л., Панюков В.Н., Титов Л.Н.* Защищая революцию. Чекисты Татарии в первые годы Советской власти. 1917–1922. Казань: Таткнигоиздат, 1980. 238 с.

19. *Меньшевики в Советской России. Сборник документов / науч. ред. А.Л. Литвин; сост. В.К. Виноградов и др.* Казань: [б.и.], 1998. 229 с.

20. *Меньшевицкий процесс 1931 г. Сборник документов. В 2-х кн. / сост. А.Л. Литвин.* М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. 637 с.; Кн. 2. 486 с.

21. *Спирин Л.М., Литвин А.Л.* На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны: Историографический очерк. Л.: Лениздат, 1985. 272 с.

22. *Фанни Каплан. Или Кто стрелял в Ленина? Сборник документов / сост.: В.К. Виноградов и др.; науч. ред. А.Л. Литвин.* Казань: Тат. газ.-журн. изд-во, 1995. 191 с.

23. *Litvin A., Keep J.* Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium. London; New York: Routledge, 2005. 248 p.

Информация об авторах:

Мальшева Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4442-4580; e-mail: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5498-1401; e-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Поступила 11.05.2023

Принята к публикации 26.05.2023

In memory of Alter Lvovich Litvin (1931–2023)

S. Yu. Malysheva, A. A. Salnikova

Kazan Federal University

Kazan, Russian Federation

The publication contains information about the life and work of an outstanding scholar, Doctor of historical sciences, Professor, historian Alter Lvovich Litvin, who passed away on March 6, 2023. The basic milestones of his life and creative way are

reproduced, the results of his scientific research are described, and his contribution to the study and development of historiography, source study, archeography and history of Soviet society is revealed. Special attention is given to the research of A. Litvin on the history and historiography of the Russian Civil War and the history of the so-called “petty bourgeois” socialist parties as well as his groundbreaking studies of red and white terror in Russia which are highly regarded by both Russian and foreign historians. The significant place in A.L. Litvin's creative heritage is taken by his works on regional history – books and publications of sources about Civil War in the Volga region, about the bodies that carried out «revolutionary violence» – provincial Emergency Commission (Cheka) and its staff, about the tragic fate of their victims. The article shows organizational and pedagogical activity of A.L. Litvin as a founder of department of historiography and source study at Kazan University and founder of scientific school.

Keywords: A.L. Litvin (1931–2023), historiography, source study, history of Russia of the Soviet period, life, activity, scientific work

Fot citation: Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. In memory of Alter Lvovich Litvin (1931–2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.2, pp.143–150. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-2.143-150> (In Russian)

REFERENCES

1. *Two Investigative Cases of Eugenia Ginzburg*. Compiled by A.L. Litvin. Kazan: Book House Taves Publ., 1994. 267 p. (in Russian)
2. *Kazan Province Extraordinary Commission (1917–1922): collection of documents and materials*. Kazan: Tatar Book Publ., 1989. 142 p. (in Russian)
3. Keep J., Litvin A.L. *The Age of Iosif Stalin in Russia. Modern historiography*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 327 p. (in Russian)
4. *The Left Socialist Revolutionaries and the Cheka: collection of documents*. Compiled by V.K. Vinogradov etc.; scientific ed. by A.L. Litvin. Kazan: NTK Publ., 1996. 400 p. (in Russian)
5. Litvin A.L. “*File into the Archive...*”. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1986. 198 p. (in Russian)
6. Litvin A.L. *Without the Right to Think (Historians in the Age of Great Terror. Sketches of Fates)*. Kazan: Tatar Book Publ., 1994. 189 p. (in Russian)
7. Litvin A.L. *Ban on Life*. Kazan: Tatar Book Publ., 1993. 222 p. (in Russian)
8. Litvin A.L. *From the History of the Struggle of the Local Press for Strengthening the Rear of the Eastern Front in 1918–1919*. Kazan: Kazan University Publ., 1961. 40 p. (in Russian)
9. Litvin A.L. *To the History of Attempts on Lenin in 1918*. Kazan: Romanov E.G. Publ., 2021. 62 p. (In Russian)
10. Litvin A.L. *Kazan: Time of the Civil War*. Kazan: Tatar Book Publ., 1991. 172 p. (in Russian)
11. Litvin A.L. *Red and White Terror in Russia. 1918–1922*. Kazan: Tatar Newspaper and Magazine Publ., 1995. 326 p. (in Russian)
12. Litvin A.L. *The Peasantry of the Middle Volga Region during the Civil War*. Kazan, 1972. 304 p. (in Russian)

13. Litvin A.L. *Russian Historiography of State Terror in the Country 1917–1953*. Moscow: Sobranie Publ., 2019. 362 p. (in Russian)
14. Litvin A.L. *Investigative Case of Yakov Ossovsky*. Kazan: Kazan State University, 2006. 45 p. (in Russian)
15. Litvin A.L. *Soviet Historiography of the Civil War in the Volga Region*. Kazan: Kazan State University Publ., 1988. 134 p. (in Russian)
16. Litvin A.L., Mukharyamov M.K. *The Decisive Frontier*. Kazan: Tatar Book Publ., 1978. 168 p. (in Russian)
17. Litvin A.L., Ovrutsky L.M. *The Left Socialist Revolutionaries: Program and Tactics (Some Questions)*. Kazan: Kazan State University Publ., 1992. 142 p. (in Russian)
18. Litvin A.L., Panyukov V.N., Titov L.N. *Defending the Revolution. Chekists of Tatarstan in the First Years of Soviet Power. 1917–1922*. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1980. 238 p. (in Russian)
19. *Mensheviks in Soviet Russia: collection of documents*. Compiled by V.K. Vinogradov etc.; scientific ed. by A.L. Litvin. Kazan, 1998. 229 p. (in Russian)
20. *The Menshevik Process of 1931: collection of documents*. Compiled by A.L. Litvin. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999. Book 1. 637 p.; Book 2. 486 p. (in Russian)
21. Spirin L.M., Litvin A.L. *In Defense of the Revolution: Lenin and the RCP(b) during the Civil War: a historiographical essay*. Leningrad: Leningrad Publ., 1985. 272 p. (in Russian)
22. *Fanny Kaplan. Or Who Shot Lenin? Collection of documents*. Compiled by V.K. Vinogradov etc.; scientific ed. by A.L. Litvin. Kazan: Tatar Newspaper and Magazine Publ., 1995. 191 p. (in Russian)
23. Litvin A., Keep J. *Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium*. London; New York: Routledge Publ., 2005. 248 p. (In English)

About the authors:

Malysheva Svetlana Yur'evna – Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4442-4580; e-mail: Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Salnikova Alla Arkad'evna – Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5498-1401; e-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Received May 11, 2023

Accepted for publication May 26, 2023

ОТЗЫВ СТАТЬИ (РЕТРАКЦИЯ) / RETRACTION

Отзыв из печати статьи: *Дубовиков А.М.* Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.122–137.

Описание причин отзыва:

Отзыв статьи из печати (ретракция) обусловлен выявлением дублирования публикации: *Дубовиков А.М.* Яицкое казачество эпохи Петра I в произведениях дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. №3. С.30–43.

Статья отозвана (изъята из печати) по инициативе редакции номера в соответствии с Протоколом заседания редколлегии журнала №3 от 27 апреля 2023 г. с согласия Издателя.

Дата отзыва 27.04.2023 г.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2023. Том 13, № 2

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2023, vol. 13, no. 2

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 27.06.2023 г. Дата выхода в свет 05.07.2023 г.

Формат 70×100¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,5 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «АПРЕСС»

420054, г. Казань, ул. Актайская, д. 21/2

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф